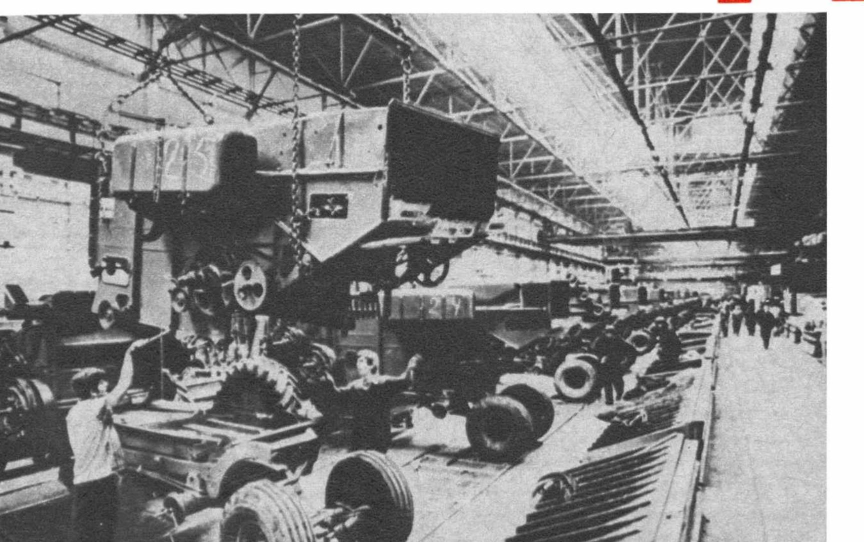

С ПРАЗДНИКОМ,
ТОВАРИЩИ!
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 45 НОЯБРЬ 1975

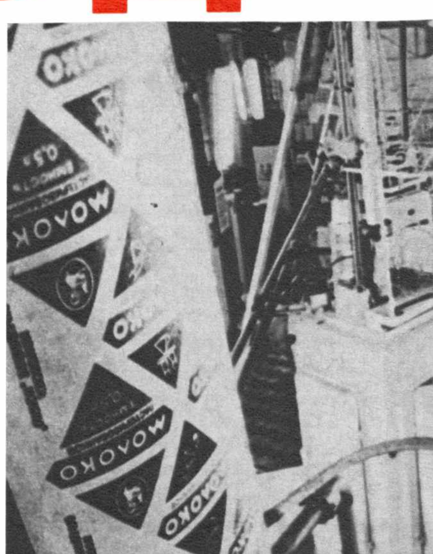
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА
ШУ УРГАЛЬСКОЕ НА 1975 год

МОЛНИЯ!
КОЛЛЕКТИВ ШАХТОУПРАВЛЕНИЯ
ЗАВЕРШИЛ ПЛАН 9-ой ПЯТИЛЕТКИ
ПО ДОБЫЧЕ УГЛЯ.
СПАСИБО, ТОВАРИЩИ ШАХТЕРЫ,
ЗА ХОРОШУЮ РАБОТУ!

ПРЕДСЪЕЗДО

Трудящиеся Советского Союза! Шире развертывайте всенародное социалистическое соревнование за достойную встречу XXV съезда КПСС! Боритесь за досрочное выполнение плана 1975 года и успешное завершение девятой пятилетки!

Из Призывов ЦК КПСС.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 45 (2522)

8 НОЯБРЯ 1975

Фото А. Галушко, В. Турбина, В. Вонога, В. Садчикова (ТАСС), И. Гаврилова, Е. Грабилина

День за днем, час за часом отсчитывает время — идет последний квартал года завершающего. Главный залог производственных успехов в цехах, на шахтах, в поле — самоотверженный труд советских людей. Близится день подведения итогов соревнования за все пятилетие. Ударные годы, ударный труд, время ударников! Одна из примет 1975 года — новый размах социалистического соревнования, вызванный всенародной подготовкой к XXV съезду КПСС. Предсъездовская вахта подняла миллионы. Ударники пятилетки вышли к последнему рубежу. Их рапорт стране — досрочное выполнение личных пятилетних планов. Нет, неверно присловье: мол, от слова до дела целая верста... В народе куда популярнее иное: «Слову — вера, хлебу — мера, а делам — красный счет!» Таков девиз лучших. Таков девиз мастеров, овладевших современнейшей техникой, умеющих и слово сказать и дело сделать. И народ наш воздает честь и славу трудовым коллективам, передовикам производства, досрочно завершившим выполнение заданий девятой пятилетки! Может ли быть подарок съезду лучше!

— Досрочно, с отличной оценкой сдано в эксплуатацию Краснодарское водохранилище.

— 100-тысячный комбайн «Нива» выпустил коллектив прославленного «Ростсельмаша».

— Енисей перекрыт! — отрапортовали строители Саяно-Шушенской ГЭС.

— Досрочно выполнили задание пятилетки рабочие, инженерно-технические работники Куйбышевского производственного объединения «Завод имени Масленникова» по выпуску более совершенных станков и приборов.

— Досрочно рапортовал о выполнении пятилетки коллектив Московского автозавода имени Ленинского комсомола.

...Рапорты следуют один за другим: досрочно, лучше, быстрее и снова — досрочно! Такова сила порыва, желания делом подтвердить взятые обязательства. В поле, на строительной площадке, в лаборатории, в горячем цехе гиганта современной индустрии — повсюду, где работает советский человек.

Да здравствует героический рабочий класс Страны Советов — ведущая сила в строительстве коммунизма!

Есть пятилетка!— в шахтоуправлении «Ургальское» Хабаровского края праздничное настроение.

«Ростсельмаш» выпустил юбилейный, 100-тысячный комбайн «Нива».

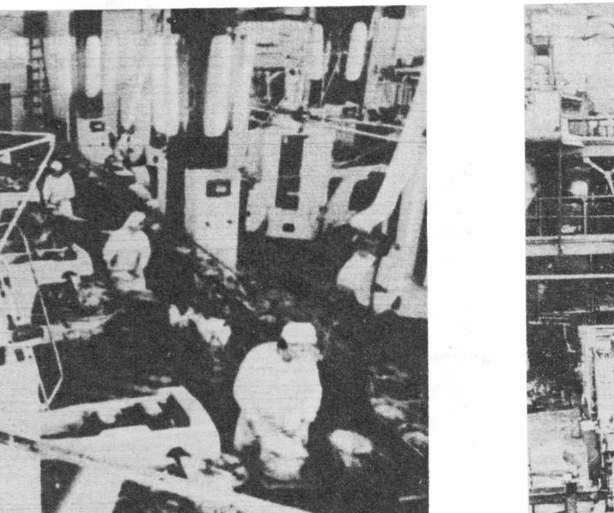
Ударники пятилетки с Барнаульского комбината химического волокна крутильщица В. Литвиненко (справа) и В. Боровченкова.

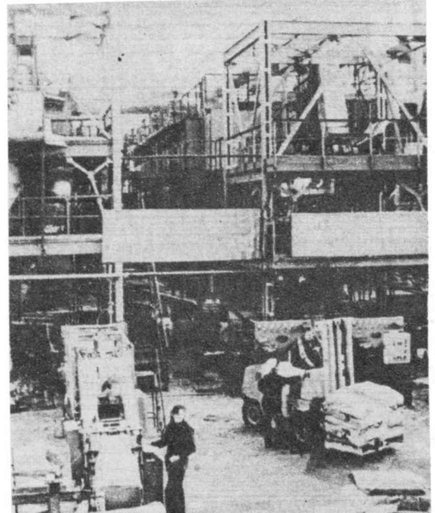
Останкинский молочный комбинат работает в счет следующей пятилетки.

Втрое больше, чем планировалось, дал изопренового каучука Стерлитамакский ордена Трудового Красного Знамени завод синтетического каучука.

Лучшими горняками на шахте 8—8 БИС комбината «Макеевуголь» являются рабочие очистного забоя Василий Бут и Владимир Никитин.

ВСКАЯ ВАХТА

Встреча Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуаном.

ДРУЖБА, БРАТСТВ

По приглашению Центрального Комитета КПСС и правительства СССР делегация Партии трудящихся Вьетнама и правительства ДРВ во главе с Первым секретарем ЦК ПТВ Ле Зуаном с 27 по 31 октября находилась с официальным дружественным визитом в Советском Союзе.

Первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан имел встречу и беседу с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. В ходе визита состоялись также переговоры советских руководителей с членами вьетнамской делегации.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан подписали советско-вьетнамскую декларацию, которая определяет основные направления углубления всесторонних связей между двумя братскими партиями и народами, их тесного взаимодействия в строительстве социализма и коммунизма, в общей борьбе за мир, национальную независимость, демократию и социализм.

О, СОЛИДАРНОСТЬ

В ходе визита, кроме декларации, были подписаны соглашение об оказании экономической помощи Демократической Республике Вьетнам и протокол о результатах координации народнохозяйственных планов СССР и ДРВ на 1976—1980 годы.

«...Наша новая встреча,— сказал товарищ Л. И. Брежнев,— хорошо послужит интересам советско-вьетнамского сотрудничества, углублению дружбы наших партий, стран и народов... дальнейшему укреплению братских уз, соединяющих страны социализма в большую дружную семью».

Подписание советско-вьетнамской декларации.

Фото А. Гостева и В. Мусаэльяна (ТАСС).

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПТИМИЗМА

Николай ПОЛЯНОВ

Есть события, перед которыми бессильно и могучее время. Вот уж и пятьдесят восьмой год минул с того дня, когда над студеной Невой под пасмурным небом ноябрьского Питера раздался выстрел «Авроры». Он грянул всего один раз. Но эхо его с каждым годом возвращалось к нам, напоминая о далеком рубеже, с которого люди начали новое летосчисление. Десять дней той далекой поры «потрясли мир», как сказал Джон Рид, американский друг молодой Советской республики. Но за этими десятью днями последовали почти шесть десятилетий, которые изменили мир.

В ноябре 1918 года президент Вудро Вильсон заверял, что державы Антанты и не подумают придерживаться «пассивной тактики» по отношению к большевикам. Что же, мы знаем, во что вылилась «активная тактика». Разве мог ответить старый мир на выстрел «Авроры», на штурм Зимнего иным, чем попыткой «усмирить революцию»? Разве способен был в ту пору понять смысл происшедшего? Разве верил в иные аргументы, чем в дредноуты, экспедиционные армии и контрреволюционные заговоры? Да, они шли к нам с войной.

Мы шли к ним с миром. Ему посвятила свой первый декрет Советская республика, декрет, написанный ленинской рукой. О нем, о мире на земле, заботилась рабоче-крестьянская власть, едва став на ноги. Вспомним: более полувека назад, в 1922 году, когда над нашей страной еще висело проклятие лихолетий, когда разруха и голод еще властвовали в городах и селах, советская школа дипломатов уже одерживала первые успехи. То было в Генуе и в Рапалло. Демонам вражды и войны Советский Союз уверенно противопоставил реализм мирной политики. И уже в ту пору это дало добрые плоды. На Западе взволнованно обсуждали сенсации: знаменитое «пижамное совещание» германских делегатов, тирады рассерженного Ллойд-Джорджа, британского премьер-министра, интриги одних, разочарования других... Ничего не поделаешь: свежий ветер из Москвы ворвался в мировую политику!

С тех пор этот ветер надувает паруса истории. Совершите мысленное путешествие во времени и в пространстве, через десятилетия и континенты, и вы увидите: нет такого уголка на земле, где не давала бы о себе знать политика мира и дружбы между народами. Вот события только последних четырех с половиной лет, минувших после провозглашения XXIV съездом нашей партии Программы мира. В джунглях Вьетнама, где столь долго грохотала канонада, воцарилась долгожданная тишина. Героический народ, поддержанный Советским Союзом и другими своими друзьями, одержал величайшую победу над интервентами и реакцией. В Хельсинки встретились на высшем уровне лидеры тридцати трех государств Старого и двух государств Нового света, чтобы подвести черту под трагедией второй мировой войны и договориться о коллективных усилиях по окончательному превращению нашего континента из Европы конфронтации в Европу безопасности и сотрудничества. На самых горячих направлениях напряженности, там, где она легко могла дойти до точки кипения, поставлены надежные предохранители. Речь идет о ратификации договоров, заключенных социалистическими странами с Федеративной Республикой Германии. Речь идет и о четырехстороннем соглашении по Западному Берлину. А город этот еще Гарри Трумэн не без основания назвал «фронтовым»: вокруг него десятилетиями бурлили политические страсти.

Да и психологический климат на земле стал иным. «Равновесие страха» шаг за шагом заменяется «равновесием здравого смысла». Впрочем, это, конечно, не означает, что противники разрядки сложили оружие. Губернатор Алабамы Джордж Уоллес совершил недавно путешествие в Европу с единственной целью: объявить, что он, видите ли, против разрядки. Такая политика, изрек губернатор, выгодна лишь социалистическим государствам. Как будто от укрепления мира одни народы могут выиграть, а другие — проиграть!

На другом конце глобуса — в Пекине — продолжают шуметь маоистские лидеры. Едва им удается заполучить в свои сети западного гостя, скажем, бывшего британского премьер-министра Хита или лидера западногерманских христианских демократов Коля, как они тут же прибегают к терапии «антиразрядки». Да и в других точках планеты еще не перевелись деятели, которых бросает в дрожь и в холодный пот при одном слове «мир». Ищите их в Пентагоне, в штаб-квартире НАТО, в реакционных партиях, на шефских этажах оружейных концернов. Порой враги мира маскируются. То он скептик, то пессимист, а то и сторонник разрядки, правда, лишь на словах...

И все же мирное наступление продолжается. Оно уверенно преодолевает завалы «холодной войны». Его философия — это исторический оптимизм. Тот самый, который сигнализировал о своем рождении орудийным салютом «Авроры». Пятьдесят восемь лет назад победившая революция впервые протянула всем народам руку мира и дружбы. Какая же это могучая, какая надежная рука!

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

НАШИ ТОВАРИЩИ КОММУНИСТЫ

Генрих ГУРКОВ

Иду в Дюссельдорфе по улице, название которой звучит с этаким монархическим душком: Принц-Георгштрассе. Дом 79 встречает меня словами боевых лозунгов, развешанных вдоль фасада: «Остановить убийства в Испании!» «Солидарность с испанскими антифашистами!» Маленькие таблички у входа, знакомые давно,— «Правление ГКП», «Редакция газеты «Унзере цайт».

Звонок, дверь открыта, первые крепкие рукопожатия в холле.

— Ты к кому сегодня?

— Знаешь, есть дело.

Здесь работают коммунисты. А быть коммунистом в этой стране — это много трудных будней и мало, безжалостно мало триумфальных побед и веселых праздников. Это обывательская неприязнь, чиновническая демагогия, трясина юридических параграфов и захлопнутые двери. Это экзамен, каждый день, каждый час. Всю жизнь...

* * *

Вот недавняя история, о которой я услышал в доме на Принц-Георгштрассе от коммуниста Арно Ранна. «Жили-были два друга в Гамбурге, вместе учились, вместе ухаживали за девушками, вместе ходили на стадион и на политические митинги, вместе участвовали в демонстрациях — против войны во Вьетнаме, против чрезвычайных законов, против газетного короля Шпрингера, пресса которого травит студентов и молодых рабочих. Один друг стал коммунистом, другой стал социал-демократом. Встречаясь, они обычно спорили до хрипоты, оставаясь, однако, друзьями и союзниками. Когда гамбургская молодежь выходила на улицы, чтобы заявить о своих правах, в первых рядах демонстрантов можно было встретить их обоих.

Да, бывают разные мнения по поводу того, как должно быть устроено общество, разные мнения о конкретных путях его развития. Но есть полное единство взглядов по вопросам войны и мира, по Вьетнаму, одинаковое отношение к фашистским режимам, есть много общего в оценке внутренних проблем — засилья монополий, положения рабочих на предприятиях.

Такая дружба нравилась не всем. И однажды с молодым социал-демократом побеседовал его старший товарищ по партии. Он настоятельно посоветовал порвать всякие связи с коммунистами, прекратить участие в политических акциях, прекратить знакомство с известным в ту пору коммунистическим вожаком. Социал-демократ был энергичен и честен, он послал ко всем чертям старших товарищей и продолжал вести себя так, как и прежде.

Странно, но против него даже не возбудили партийного дела, может быть, потому, что в Гамбурге магистрат находится в руках социал-демократов и есть много более надежных путей для наказания юных и непокорных членов партии. Разве обязательно вступать с ними в сложную идеологическую тяжбу, защищая весьма непопулярные среди молодежи позиции?

Социал-демократ работал в налоговом управлении, считался перспективным специалистом. Спустя пару недель после упомянутого разговора его перевели на другую работу: он стал получать зарплату не только меньше, чем раньше, но и должен был теперь часами объезжать на велосипеде разные районы города, занимаясь мелкими вопросами, удручающими, однообразными и унылыми. О перспективах с ним никто больше не заговаривал.

Он продержался два года. Потом сказал мне: «Забудь мой номер телефона. Я сдаюсь. У меня жена, ребенок, я больше так не могу». Сегодня он старший инспектор, скоро, верно, станет заведующим отделом — преуспевающий чиновник».

ЭКЗАМЕН ВСЮ ЖИЗНЬ

Праздник боевого органа западногерманских коммунистов.

Фото из газеты «Унзере цайт».

Арно Ранн — исконный гамбуржец, высокий, светловолосый великан. Он рассказал нам много поучительного о методах, которые применяются в политической и общественной жизни ФРГ. Да и я мог бы прибавить немало к тому, что услышал. Я вспомнил друзей, студентов-коммунистов, которые знают, что после окончания университета им не разрешат войти учителями в школьные классы, им придется искать любую другую работу; вспомнился и профессор-марксист, который лишился кафедры. Их много, слишком много, примеров давления, а то и физического террора против активистов ГКП.

Как же все это не вяжется с распространенными здесь разговорами о «плюрализме» или «множественности мнений» — как о незыблемой основе политической структуры ФРГ!

Нынешний год, год 30-летия разгрома фашизма, заставляет настойчивее, чем когда-либо, думать об уроках истории. У нее есть свои символы: колонны рейхстага, на которых еще недавно можно было видеть подписи героев последних битв, каменные плиты с именами коммуниста Эрнста Тельмана и социал-демократа Рудольфа Брейтшейда в бывшем нацистском аду — Бухенвальде.

«Я не понимаю, почему социал-демократам и коммунистам можно сотрудничать только в лагерях?»— сказал мне член СДПГ, депутат бундестага. Я не называю его фамилию, потому что членам этой партии сотрудничество с коммунистами запрещено решением руководства СДПГ.

В начале 1972 года на совещании премьер-министров земель ФРГ был принят еще один документ. Суть его заключается в запрете принимать на государственную службу членов Германской коммунистической партии. Блистательный пример «плюрализма»!

* * *

В тот день, когда я побывал на Принц-Георгштрассе, темой разговоров были два события, которые произошли с интервалом в одну неделю. Первый — праздник газеты «Унзере цайт» в пригороде Дюссельдорфа. Второй — выборы в городское собрание Бремена, имеющего права федеральной земли.

У газеты мало праздников. И тем более важным и нужным было для нее встретить единомышленников. Ощутить могучее дыхание международной солидарности.

Его пытались замолчать, этот праздник, но не удалось. За два дня на нем побывало чуть ли не полмиллиона посетителей. Здесь можно было поразмыслить, насколько соответствуют реальным задачам цели, поставленные ГКП, ее методы, убедиться в нелепости и лживости антикоммунистических штампов.

Нет другого праздника в ФРГ, в палитре которого соединились бы напряженный политический диалог и веселье молодого клуба, боевая антифашистская песня и жаркие ритмы «бита», митинг солидарности, новинки книжной выставки и «деликатесы» спортивной арены. А сколько впечатлений: В. Николаева-Терешкова обнимается с вьетнамской девушкой, клуб «Октябрь» из ГДР поет о приамурских партизанах... На огромном плакате лев из герба земли Гессен поднимает лапу в приветствии «рот-фронт», Михаил Таль шагает от одной шахматной доски к другой — сеанс одновременной игры собрал десятки посетителей.

Улица «Правды», улица «Юманите», улица «Работническо дело» — названы магистрали праздника именами братских газет. На политическом форуме Герберт Мис, председатель ГКП, отвечает на вопросы о позиции партии, о главных проблемах, будоражащих сегодня Западную Германию.

Главный редактор «Унзере цайт» Георг Поликайт, к которому я зашел, чтобы поздравить газету с успехом, торжествующе улыбаясь, принес толстую пачку газетных вырезок: «Вот, смотри...»

* * *

И было другое событие, вновь повернувшее партию и ее людей к сложным, трудовым будням. Выборы в Бремене. Правом голоса воспользовались 433 295 человек. За кандидатов ГКП было подано 9 230 голосов — 2,14 процента.

Сижу в комнатке Германа Готье, заместителя председателя ГКП, бременца, первого кандидата партии на выборах в Бремене. «Коммунист с рождения»,— говорит он о себе. Отец — портовый рабочий, солдат тельмановской гвардии, потом узник нацистских концлагерей. Сам Герман из того поколения коммунистов, которые не доросли до тюрем Гитлера и были малолетками во времена третьего рейха. Вступил в партию в 1945 победном году. 8 лет был депутатом городского собрания от КПГ, а после ее запрета год подвергался заключению в «аденауэровских санаториях», как назвал политические застенки ФРГ Манфред Каплук — член правления ГКП.

Герман Готье нетороплив, как и положено северянину, лукавинка в глазах, трубка попыхивает, за спиной на большой литографии хоккеисты — клубок тел вокруг шайбы. Готье в Бремене известен каждому как политик, а тем, кто постарше, и как спортсмен.

«Это семейное. Сын Юрген играет за молодежную сборную Бремена, другой сын, Дитер,— известный в ФРГ молодежный руководитель, заместитель председателя правления социалистической немецкой рабочей молодежи. Это тоже семейное».

«Вечером после выборов я видел, как плакали наши девушки,— сказал Готье.— Они работали как никто, организовывали бесплатные вечерние школы для детей рабочих, помогали пенсионерам писать петиции против повышения квартплаты, часами бывали на предприятиях, в молодежных клубах, продавали на улицах нашу газету. А результат? Голоса получили другие. Мы не ожидали сенсаций. Слишком трудно противостоять «антикоммунистическому санитарному кордону», возведенному вокруг нас. Но 2,14 процента — это мало, и уже на следующий день мы собрались, 400 бременских коммунистов. Мы говорили и спорили о том, что было сделано и делается, что правильно, а что нет. Нам нужно работать, чтобы не просто продолжать борьбу против кризиса, но и чтобы убедить людей: коммунисты способны выполнить программу такой борьбы».

...Я видел в Бремене: ГКП вела избирательную кампанию, атакуемая справа и слева. Ультралевые, именующие себя «коммунистами», маоисты, троцкисты, анархисты... Своими крикливыми декларациями и демонстрациями они сделали то, чего и добилась реакция: возвели частокол на пути тех, кто готов был выслушать аргументы ГКП.

* * *

Крутилась бобина магнитофона, звучал чуть глуховатый голос Готье: «Мы живем здесь на границе двух систем, и ваши успехи — лучшая поддержка для нашей партии, успехи в укреплении мира, успехи на заводах и полях. Европа уже 30 лет живет без войн, и мы знаем, кому этим обязаны. Я был с делегацией нашей партии во Вьетнаме и не забуду, что говорили нам вьетнамские товарищи о братской помощи, которую в трудные годы империалистической агрессии оказывал Советский Союз. Для нас, коммунистов ФРГ, отношение к Советскому Союзу является критерием оценки каждого коммуниста — как учил Тельман. Этому завету мы следовали и будем следовать всегда!»

...Внизу у входа я встретился с группой юношей. Энергичные, прямые, открытые лица. Они нашли путь в этот дом, путь к коммунистам. И таких, как они, будет больше и больше. Правда истории никогда не побеждала без борьбы, но она всегда побеждала, побеждает и будет побеждать.

Дюссельдорф. (По телефону)

МНЕ НАД

Юван **ШЕСТАЛОВ**

1

Мы идем по узкой таежной тропе. Громадные кедры, пихты, ели стоят, будто схватившись за руки, охраняя угрюмую тишину урмана. Лишь ветер иногда пробежится по вершинам деревьев, нарушая эту гробовую тишину. Ни птицы, ни зверя. Кажется, все вымерло.

Мы на грани голодной смерти. Так говорил дедушка. Вчера и сегодня говорил. Потому жители нашей маленькой деревушки, куда съехались рыбаки на лето, решили пойти на «святое место»— в капище таежных богов.

Рядом с тропинкой зияли глубокие ямы, заросшие ольховником, травой, мхами. Из ям торчали колья, какие-то острые железяки, поржавевшие ножи на древках...

— Осторожно! Самострелы!— сказал кто-то.— Может, еще не сгнили.

Тропинка, по которой идти было так страшно, выскочила к светлой полянке. Посреди поляны стояла лиственница. Она была высокой, будто и на самом деле упиралась в небо, как говорят в сказках про высокое дерево. Эта лиственница действительно казалась сказочной. Такая толстая, что втроем еле обхватишь. На ветвях, похожих на корявые руки великана, висели и рога оленей, и черепа лошадей, и какие-то чаши, и стрелы с поржавевшими железными наконечниками, и истлевшие лоскутья шкур, тряпочек. У жилистых корней, выступающих из земли морщинистыми пальцами, валялись прокопченные котлы, продырявленные ведра, причудливые изделия из рогов. И множество бутылок — одни из-под спирта, магазинные, другие бесформенные, удивительно уродливые. На вершине дерева что-то чернело.

— Это гнездо священное,— сказал мне уже немолодой рыбак, видя, с каким страхом я разглядываю это необыкновенное дерево.— Его свила орлица. Орлица — птица вещая. И дерево, на котором она вьет гнездо, тоже священное. Смотри, какие узоры на стволе. Это не случайные узоры, а роковые знаки жизни. О жизни волшебной и обыкновенной говорят эти узоры.

Некоторые узоры мне показались знакомыми. Я их видел на «говорящих дощечках» дедушки. Дедушка пытался научить меня читать эти знаки, как школьники читают книгу. На одной из них грубо вырубленные линии напоминали лягушку. Это был собственный знак приятеля дедушки, старика, который жил в соседней избушке. На лодке был вырезан этот знак, и на весле, и на топоре. Говорят, род старика произошел от лягушки. А мы — от медведя. На лиственнице немало изображений медвежьих лап. Значит, наш род был когда-то немаленьким. Такая пятипалая лапа вырезана и на прикладе старой берданки с кремнем и пороховницей. Это дедушкино ружье лежало рядом с медвежьей головой в священном углу чердака.

Летели по стволу и крылатые рога лося. И маленький тетерев сидел, склонив набок голову. Скакал соболь, смотрело круглое солнце, плыла щука, оскалив зубастую пасть.

— Это подписи людей,— объясняли мне старшие.— Много народу побывало у этого священного дерева. Разные люди. У каждого своя подпись, своя волшебная тамга.

Посреди ствола темно-желтым зевом зияло дупло. Нашептывая что-то сокровенное, люди бросали в него монеты, кольца, серьги, даже медные цепочки. У кого что имеется.

Это было большое жертвенное дерево, про которое я не раз уже слышал от дедушки. Застыв перед деревом, как перед богом, он бормотал сейчас:

— Расти, живи, священное дерево, на вершине которого большая-большая птица свила большое гнездо. Есть гнездо — птенцы будут. Есть птенцы — птицы будут. Если птицы кричат — значит, зверь где-то рядом. Даже крик самой маленькой птички о жизни тайги говорит. А большая птица, птица из орлиного рода, священная орлица вьет гнездо лишь там, где тайга полна красных и черных зверей. А лес, где много красных и черных зверей, священный, заповедный. В таком лесу бить зверя и птицу можно лишь в год большого горя. Год нужды и горя наступил. То ли зверя и рыбы мало стало, то ли некому умело промышлять. Сыновья земли проливают на фронте кровь. Ловушки пустые. Священный дух тайги, услышь молящихся, оживи леса и реки, наполни добычей ловушки, которые поставили наши слабые женщины!..

Потом разожгли костер. Принесли в жертву петуха. Его кровью мазали и ветки этой лиственницы и рты каких-то страшных деревянных идолов, стоявших, как немые стражи, вокруг поляны. Я сидел у костра, и мне казалось, что огонь смотрит на меня своими горящими глазами. И боялся даже шелохнуться.

А ночью мне приснилось капище — избушка на четырех ножках, где сидели таежные боги, разнаряженные в меха и сукна. Они тоже на меня смотрели холодными пуговками глаз. И дерево казалось богом... Кто же я? Мне было страшно...

2

А утром мама в лесу пела песни. Пела громко и весело. А дятел подыгрывал ей, стуча острым клювом по дереву, как по струнам санквалтапа. И дерево звенело весело и задорно. Глухарь токовал, как будто подпевал. И рябчик насвистывал в лад этой музыке. Веселая музыка плыла по тайге, где недавно мне почудились хмурые боги.

— А где боги?— спросил я маму, удивляясь, что в лесу она совсем не боится.

— Какие боги?

— Священные деревья, капище, камни...

— Они живут — и мы живем. У каждого своя жизнь. Если будешь хорошим, никто тебя не заметит. Не тронет тебя даже медведь. И дерево будет просто деревом...

И понятно было мне это. И непонятно было мне это...

3

...Помню осень. Ту волшебную осень, когда из мира дедушкиных сказок я сделал шаг в другой мир.

Сначала осень была обыкновенной. Утки собирались в стаи. И желтый песчаный берег и серебряный плес по утрам становились черными от стай. И небо темнело, когда утки поднимались на крыло. Покружившись вокруг плеса, над лесом, над деревней, прокричав что-то непонятное, птицы снова льнули к земле. Будто они кого-то искали, зовя его в свою стаю. И ребята тоже казались какими-то другими. Они собирались не на охоту. Самый большой дом, с самыми светлыми окнами, стоял на краю деревни. Школа. Горн там есть. Флаг красный. А еще — учительница. У нее — книга. С картинками. Утки и рыбы в ней нарисованы. И дома, и лодки, и мальчики, такие же, как я. Мой дедушка так бы не вырезал из дерева... И однажды утром вместе со всеми я иду в школу.

4

У меня в руках та самая книга. Называлась она «Букварь». И еще одно название было у нее — «Новый путь». Путь — то же самое, что и дорога. У нас в деревне одна большая дорога — река. По ней приезжали на лодках знакомые и незнакомые, родные и гости. А зимой река замерзала. Тогда ездили на оленях и на лошадях. По узкой санной дороге. О каком же пути говорит книга? В ней наверняка заключена какая-то тайна. В этой книге, обыкновенной и волшебной, так много тайн. И книга увела меня в другой мир. Она оказалась интересной не только своими красочными рисунками. Буквы, собираясь в строчки, как стадо оленей по горной тропе, шли и шли, спускаясь с одной мысли, поднимаясь к другой. Прочтешь страницу, будто тропу пройдешь, вторую прочтешь — к незнакомой высоте поднимаешься, а книжку прочтешь — в незнакомой стране побываешь, все ее дороги и тропинки узнаешь. Мир, оказывается, огромен. С шелестом страниц он стал раскрываться передо мной, озаренный светом истины. Я уже не боялся лиственницы. Лишь во сне иногда, как прежде, она приснится богом. Но наяву это — обыкновенное и веселое дерево с воздушно-зеленой листвою. И идолы — слепые деревяшки, обрубки бревен с грубыми чертами. И странно мне, как можно на них молиться. А ведь молилась им моя родня! Идолов вырубили люди. Кто такие люди? Почему человек может не только ловить рыбу, сохранять в очаге огонь, но и молиться каким-то идолам?!

Человек... Каков же ты, человек? Ты слаб или силен? Ты добр или бессердечен? А коль ты в жизнь влюблен, то смертен или вечен?.. Эти вопросы всколыхнутся, конечно, лишь потом. Но начало и там, в волшебном шелесте страниц первых главных книг, когда стали сниться таежному мальчику новые сны.

5

Появление первых школ... Моя тетя Акулина Тимофеевна помнит это время очень хорошо. Молодые русские люди, учителя и учительницы, ездили по мансийским стойбищам и де-

О СКАЗАТЬ...

ревням, собирая детей в школы-интернаты. Она помнит, как эти ласковые, внимательные люди настойчиво беседовали с родителями. С неохотой согласились родители отдать ее в интернат. Школа Акулине понравилась. Там она и по палочкам считала и узнала несколько букв. Чуть не разгадала тайну, как эти узорчатые крючки складываются в слова. Но родители тайком забрали маленькую Акулину из школы.

— Тяжелых шаманских слов боялись,— говорит Акулина Тимофеевна.— А шаманы чем пугали? Ведь дом, в котором жили ребятишки, называется культбазой. А Куль — подземный дух. Вот шаманы и уверяли манси, что если они отдадут в эту культбазу детей, в них вселится злой дух Куль. Темные были наши родители,— вздыхает тетя Акулина.

Аркадий Николаевич Лоскутов, один из первых учителей Севера, рассказывает, как они боролись с вековыми предрассудками, царившими в крае.

— Надо строить культбазу, построили. В нее входит больница с родильным отделением. Только почему-то никто не идет в больницу. В чем дело? Да что гадать, причина ясна. Охотники и рыбаки еще верят в волшебство шамана. Он и прорицатель, он и лекарь, и знахарь. А мы вроде его соперники. Непримиримые соперники. Как развеять дикое шаманское волшебство? Что делать? Наверно, надо быть тоже волшебником. И не слабее шамана! Ясно: словом не возьмешь. Деревенский колдун в этом деле, может быть, и сильнее. Он сказками, и легендами, и цветными заклинаниями оперирует, как хирург ножом. А мы в северных языках слабоваты. Учить языки надо. Но главное — работа. Чтобы люди увидели все на деле, а не на словах. Гостиница при культбазе. Приедет оленевод с кочевья или охотник с дальнего селения — милости просим. Гостю и чистая постель, и чаек покрепче, и в читальный зал сводишь — пусть посмотрит, как другие листают книги, журналы, увлеченно занимаются новым для охотника делом. Вечером покажешь кино. Удивляется человек, приехавший из глухого урмана. Удивляется, как это на белой, словно снег, материи вдруг появляется жизнь: И люди ходят, разговаривают, едят, а в магазинах товару! Ах, это новое волшебство!.. Шаман, конечно, так не может. Ведешь гостя в агрономический, зооветеринарный, краеведческий пункты. Таежник видит: делом занимаемся. И общественная баня с веничком, и электрическая лампочка в каждом доме. Наяву, на деле увидели люди... И стали называть нас добрым словом «рума». Это значит «друг». Емас рума — хороший друг!

Ликвидация неграмотности. В то время эта работа была не только необычной, но и поистине героической, требовавшей самоотверженности.

Вот рассказ. Его ведет Нина Васильевна Попова, учительница моих младших братишек и сестренок, одна из тысячи комсомолок революции, принесших в заснеженные чумы слово Ленина.

Семнадцатилетней девушкой появилась Нина Васильевна в таежной деревушке, затерявшейся среди дремучих лесов. Вековые кедры, молчаливый снег, река, закованная льдом. Неуютно...

Но нет, глаза ребятишек так пытливы! Они, точно полноводные озера, искрятся, плещутся. В них столько удивления, вопросов! Как донести до них самое заветное слово? Ведь по-русски они плохо понимают.

«Надо постичь их материнское слово!» — решает она. И, взяв школьную тетрадку, идет по избам, записывая нужные таежные слова.

Находит общий язык не только с шустрыми ребятами, словоохотливыми женщинами, но даже и с язвительным, едким стариком, которого в деревушке называют шаманом.

...Однажды ночью интернат опустел. Точно вьюга белая, разыгравшаяся в ту ночь, подняла детей с теплых постелей и увела их в белизну снегов, заметая следы. Но как ни резвилась вьюга, а следы остались. Следы быстроногих оленей и легких, летящих нарт. На них и увезли детей. Родители, послушавшись шаманов, отобрали детей — в тайгу, в тундру, в свои кочевья.

Одна метельная ночь — и школа пуста. Вся многотрудная работа перечеркнута. Кто виноват? Какая вьюга обрушилась в души охотников, рыбаков, оленеводов? Одни ли камлания шаманов виноваты? А может быть, учителя, пропагандисты, агитаторы допустили какую-то оплошность, взявшись слишком горячо за дело? Может, надо бы поосторожнее с лесными людьми? А может, огульное охаивание шаманской деятельности вроде «Шаманы врут, не верьте им!» дало отрицательные результаты? Требовалось, наверное, противопоставить шаману что-то весомое. Но что?!

На каждом шагу вопросы. Каждый человек — загадка.

Нина Васильевна Попова решила с шаманом не ссориться. Оружием борьбы выбрала добрую беседу, слово. Много ли достигнешь огульным охаиванием шаманских игрищ? Почуяв же дружелюбие, таежники могут пригласить ее на свои лесные игрища, полные тайны и загадки.

С удивлением она смотрит «Медвежий праздник», стараясь понять его сущность. Что это? Шаманское действо или народное искусство? Снег, снег, снег. Малицы белые, щеки белые, ресницы белые. По щекам струями текут слезы. Нет, это не слезы — это на лицах тает снег. Снежинки над домом, снежинки на поляне. Играют в снежки и седые, как ягель, старики и озорные, вертлявые малыши. Снег, снег, снег. Смех, смех, смех. Начало Медвежьего праздника...

А вечером все соберутся в большом доме. Там вся деревня. Люди сидят на скамейках, расставленных вдоль стены, на деревянной кровати, на шкурах, постеленных на полу. В дальнем углу священный стол. На красной скатерти среди дорогого сукна и шелка сидит Медвежья голова. В ушах у нее серьги с драгоценными камнями, на груди — бисер, на голове — разноцветные ленты. Перед «древним посланником неба» стоит рюмка. Старинная она, позолоченная. И бутылка спирту.

С одной стороны стола сидит охотник, приведший «медведя», «лесного духа», на человеческий праздник. С другой стороны — знакомый Нине Васильевне старичок. Он то играет на санквалтапе, то о чем-то поет, то говорит какие-то складные и непонятные слова.

Ужаснулась сначала Нина Васильевна, что ее, учительницу, посадили рядом с этим старичком, которого называют страшным словом «шаман». Потом, увидев приветливые глаза людей, успокоилась. «Не признание ли это? — подумала она.— Ведь с самим шаманом посадили!» Видно, не пропали даром ее беседы с женщинами на красных посиделках.

Красные посиделки. Было и такое. Соберутся вместе женщины. Сядут кружком. Каждая со своим делом. Кто мнет шкурку лосиных лап, кто выводит узоры по меху, кто бисером обшивает платье, кто плетет шерстяной поясок... Рукоделье у каждой свое, а беседа общая. Зимний вечер-то длинный, много слов надо сказать. А в деревушке глухой какие новости? Вот и рады бывают женщины, когда синеглазка-учительница среди них появляется.

Всегда она скажет что-то такое, над чем женщины потом, оставшись наедине, долго думают. И про Советскую власть, и про Ленина, и про колхоз, и про новое солнце — электричество.

6

Однажды мне приснился город белой ночи. Мосты, повисшие над водами, Адмиралтейская игла, гранитные набережные. Может, это был уже не сон. Ведь каждый день со мной говорила книга. Она уводила меня далеко-далеко от привычного завывания вьюги за окном, от морозного звона высоких сибирских звезд. Я душой уже жил в «чудесном чуме» — Институте народов Севера, слушал лекции профессоров и сам пытался творить. Знал: лишь там изучают мой родной мансийский язык, на котором говорит всего несколько тысяч человек. Неужели на этом языке нельзя сложить стихи так же складно, как Пушкин на русском?

7

Обыкновенная студенческая аудитория. Обыкновенные юноши и девушки с берегов Оби и Енисея, из таймырской тундры и с Кольского полуострова, из витимской тайги и с Чукотки слушают обыкновенную лекцию. Читает профессор Михаил Григорьевич Воскобойников. Не впервые я слушаю его. Почему бы мне так волноваться? Может, потому, что в первый раз слушал Воскобойникова семнадцатилетним, когда переступил порог этого института? А может, потому, что эта лекция — о моем творчестве? О ужас! Как-то неловко мне! Михаил Григорьевич, несмотря на свои шестьдесят лет, с каким-то юношеским задором говорит о моих стихах и прозе. Никак не могу свыкнуться с этим. Ведь совсем недавно, кажется, сам слушал лекции, как эти юные северяне. Тогда такого курса — «Литература народов Севера» — не было и в помине! Тогда все еще только зарождалось. Были лишь первые попытки северян сказать свое слово. А теперь студенты-северяне должны сдавать зачеты даже по моему скромному творчеству.

Как-то всему этому не верится... Но слова Михаила Григорьевича о том, что это одна из цикла лекций о творчестве известных советских писателей — чукчи Рытхэу, нанайца Ходжера, нивха Санги,— приводят меня в реальный мир. Ведь все они недавно были обыкновенными студентами Ленинграда. Теперь они обыкновенные, как и я, писатели. Почему же я тогда так волнуюсь? Может, потому, что через несколько минут перед этими пытливыми глазами новых студентов-северян должен выступать и я?

Знаю: после такого яркого слова ветерана-североведа Воскобойникова мне будет нелегко. Я медленно набираю дух. Вижу: пытливые глаза ждут. Чувствую: я должен найти живые слова и краски, сказать им во весь голос о необыкновенном нашем времени. И я говорю.

ГЛАВНЫЕ ГОДЫ

В 30-м номере «Огонька» редакция обратилась к молодым нашим современникам с просьбой рассказать о пяти годах их трудовой жизни: какой день пятилетки запомнился больше всего, какой радостью хотелось бы поделиться, что принесла пятилетка в их личную жизнь?..

Получены отклики — взволнованные письма разных людей из разных концов страны.

Вот два из них.

Дорогая редакция!

Пять лет жизни, когда тебе нет еще и тридцати, это очень много. В моей биографии именно девятая пятилетка стала важной вехой. Есть, конечно, и такие дни, которые мне запомнились больше всего; есть и самые важные, значительные события. Есть и радость, которой я охотно поделюсь с читателями журнала. Но сразу оговорюсь: я не кустарь-одиночка, живу не сам по себе, а в коллективе сверстников. Поэтому свои пять лет жизни никак не смогу отделить от пятилетки нашей буровой бригады. Не отделяю свои радости от радостей товарищей. А самые значительные события у меня связаны с работой, жизнью всех наших ребят.

Вы слышали что-нибудь о городе Нефтекумске? Есть такой. Это молодой город нефтяников Ставрополья. Он, собственно, и вырос в основном за эти пять лет. Вокруг сухая коварная степь Затеречья. И вдруг — наш город! Рукотворные озера, зеленые улицы, красивые дома. Пять лет назад тут была строительная площадка, и ни одного зеленого листочка... Но это все лирика. А рассказать я хотел о нашей комсомольско-молодежной бригаде.

Она была очень необходима, наша комсомольско-молодежная буровая бригада! Необходима прежде всего для Нефтекумского управления буровых работ. Но и для каждого из нас, стоявшего тогда у порога самостоятельной жизни. И бригада родилась. Ее создали партийный комитет и комитет комсомола в 1972 году. Набрали двадцать шесть человек. Двадцать шесть характеров! Меня поставили бригадиром. Партгруппе и комсомольцам предстояла нелегкая работа. Я уж не говорю о производственной задаче, но для меня важно было мое собственное становление как бригадира. И не менее главное — сплочение ребят. В один коллектив, в монолит, в такую бригаду, на которую можно было бы равняться!

Вся трудность заключалась в том, что более половины ребят — новички в бурении. Да и в жизни вообще. Скрывать не стоит, дисциплина у некоторых хромала на обе ноги. Никакого понимания своего места в жизни, нередко безразличие и к себе и к своей судьбе. Надо было доказать всем неверующим, что они способные люди, что так жить, как жили, неинтересно.

В начале 1973 года бригада самостоятельно забурила свою скважину. То было наше первое испытание на прочность! Очень трудно далась нам та первая наша удача, общий наш успех. Дело не сразу пошло... Только дружба, только чувство локтя помогли прийти к первому успеху. Средств отопления на буровой никаких. Согревала работа, бешеный натиск, сплоченность. Парни не покидали рабочих мест, пока не привезут смену. Такова была первая заповедь. Учтите, у нас отсутствовал опыт, а погодные условия в степи нестерпимы. Стояли страшные морозы... Первую скважину пробурили. И довольно успешно, на одиннадцать дней раньше срока. Маленький этот успех и радовал меня и настораживал: ребятам нужны прочные знания. Без необходимых знаний, на одном энтузиазме не выдержать, не быть в передовых. Необходимо учиться, прежде всего учиться у кадровых буровиков. А такие были: парторг бригады, бурильщик Е. С. Бурда, помощник бурильщика коммунист А. Р. Омаров и дизелист Д. А. Колеганов. Они щедро передавали свой опыт новичкам, расшевелили молодых ребят, увлекли за собой. Нарушения трудовой дисциплины остались в прошлом. На повестке дня стоял вопрос грамотной работы, работы с полной самоотдачей.

На буровой появились книги, конспекты... Когда пробурили скважину на двадцать три дня раньше срока, кто-то, помню, сказал на бригадном собрании: «Давайте побьем рекорд нефтяников Ставрополья!» Речь шла о годовой проходке на одну бригаду. Послышался смех. А потом — тишина. «Давайте! Мы же молодежно-комсомольская», — поддержал парторг Е. С. Бурда. Ни с каким призывом мы не обращались. Тайну свою не разглашали, а трудились. Трудились с полной отдачей. Молодежь не считалась с личным временем. И никогда никто не заикнулся об усталости, о нежелании доделать дело до конца. Хороший пример подавали наши «старички» — коммунисты. Да и комсомольцы не отставали. Мы зажили одной мечтой—дать рекорд годовой проходки!

Напряженный труд бригады в 1973 году увенчался победой: более семнадцати с половиной тысяч метров горных пород прошли за год — есть рекорд на Затеречной равнине! Нам было присвоено почетное звание — «Лучшая буровая бригада объединения «Ставропольнефтегаз» за решающий год пятилетки. А позже нас вызвали в Москву, в Министерство нефтяной промышленности СССР. Министр В. Д. Шашин вручил мне диплом «Лучшая буровая бригада Миннефтепрома».

Высокая оценка труда окрылила парней. Решили работать еще лучше. Большим событием в жизни бригады был XVII съезд ВЛКСМ. Мы стали на трудовую вахту, начали борьбу за звание «Бригада имени XVII съезда ВЛКСМ». В первом квартале 1974 года у нас были наилучшие показатели среди комсомольско-молодежных коллективов Нефтекумского района. И вот в день открытия съезда бригаде присвоили почетное звание!

А пятилетка шла полным ходом. Трудовые будни наши были очень напряженными. Темпы наращивались. И все равно, несмотря на большую загруженность, мы находили время для совместного отдыха. И новобрачных наших чествовали, а свадеб у нас было за это время пять! Веселых свадеб, комсомольских. Труд не стал легче, но он уже не был в тягость. Смену не отбывали, а проживали по-хозяйски озабоченно. Стали бороться за коммунистический труд. Мы досрочно выполнили годовое задание 1974 года в начале октября. Это был наш подарок ко дню рождения комсомола. Присвоили нашей бригаде звание «Коллектив коммунистического труда». Потом — звание «Лучшая буровая бригада Миннефтепрома 1974 года».

Я все это рассказываю для того, чтобы ясно стало: и я и мои друзья — мы теперь другие! Вот что такое для нас эти пять лет жизни. С улыбкой вспоминаем первые шаги. Сейчас все ребята — классные специалисты своего дела. Мы готовы и способны бурить скважины повышенной сложности.

1975 год—трудный для бригады. Мы заняты бурением разведочных скважин. Бригада теперь верит в свои силы. Каждый из нас — настоящий рабочий. Человек. Личность. А это основное, что дали нам годы пятилетки. Наши, наверное, самые главные годы.

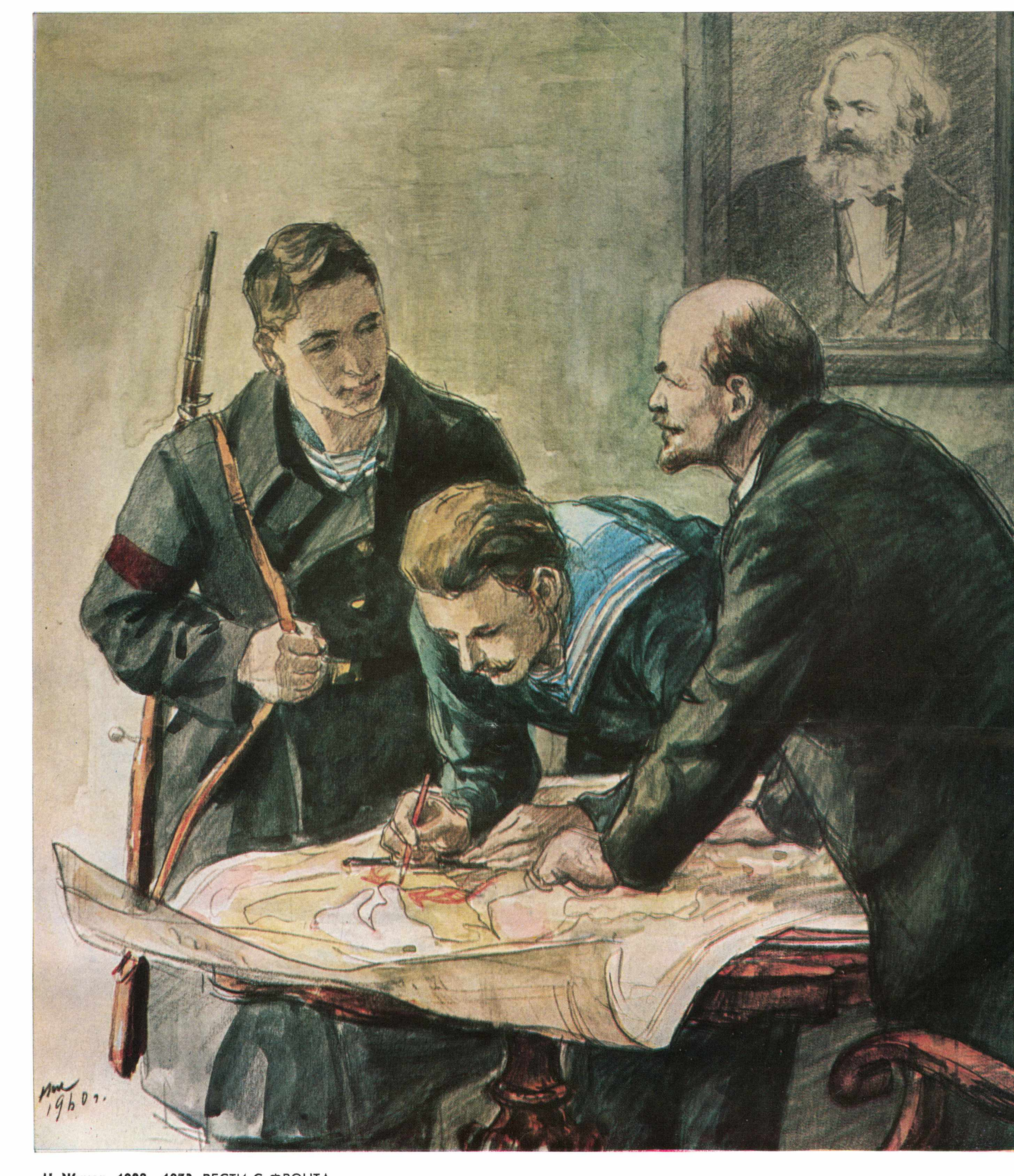
В. ДЕНИСЕНКО,
бригадир

Нефтекумск,
Ставропольский край.

ЭТИМ И ЖИВЕМ!

На нашем заводе «ВУМ» производят большие электронные управляющие машины третьего поколения. Официально они именуются «М-4030». Не знаю, найдешь ли еще машину, в которой так полно воплотились новейшие достижения времени — научные, технические, социальные. Ведь для создания ее необходим высокий уровень развития не только научно-технической мысли, но и человеческих отношений. Сейчас мы выпускаем «МИР-2», удостоенную государственного Знака качества. Завод молод, ему всего лишь десять лет. Он растет, строится, совершенствуется и конструкция машин и технология их изготовления.

Я пришел сюда в 1971 году. Естественно, никакого инженерного или административного опыта у меня не было. До этого успел лишь окончить институт и пройти службу в Советской Армии. Назначили меня для начала мастером отстающего участка. Люди там работали хорошие, грамотные, в основном молодежь, мои ровесники. Но явно недоставало им сознательной дисциплины, четкой организации труда. Вскоре все это пришло к ним, и участок стал одним из лучших в цехе. Никаких секретов руководства я не открыл. Про-

Н. Жуков. 1908—1973. ВЕСТИ С ФРОНТА.

Н. Жуков. К ЛЕНИНУ.

сто сроднился с коллективом, честно работал, отстаивал интересы дела, интересы своих подчиненных, проникался их заботами, и производственными и бытовыми.

Здесь на заводе меня приняли в партию. В 1972 году я стал заместителем начальника нашего же, каркасно-сварочного цеха. Избрали в члены парткома. Забот прибавилось. А еще через год меня назначили начальником цеха.

Должен сказать, что в нашем очень современном и быстро растущем деле молодежь успешно раскрывает свои возможности. Так, начальником одного из цехов работает молодой инженер, окончивший институт лишь в 1972 году, а отдел математиков возглавляет специалист, всего пять лет назад завершивший учение в университете. Так что мое назначение начальником цеха было вполне заурядным событием для коллектива. Но не для меня.

Поскольку производство наше суперсовременное, то и коллектив подобрался соответствующий. Люди интересуются литературой, искусством, спортом, многие учатся в вузах и техникумах. И руководителю никак нельзя отставать. Сдают нормы на значок ГТО — начальник цеха вместе со всеми. Увлеклись новой технической идеей — вникай, интересуйся. И так во всем. А главное — спеши понять человека, чтобы каждый чувствовал, что его личные заботы небезразличны для коллектива. Тогда и он отдаст коллективу все, на что способен.

Минувшей осенью у меня снова произошли перемены: стал я заместителем начальника производства, главным диспетчером завода. Хлопотная должность. Зато представилась возможность глубоко познакомиться с работой всех цехов и служб предприятия.

Так уж сложилась моя судьба, что с приходом на завод каждый год отмечался новой записью в трудовой книжке. Не стал исключением и нынешний. Еще в конце зимы на оперативках все чаще стали говорить об отставании одного из ведущих цехов — механического № 1. Не улучшилось положение и весной. Как заводскому диспетчеру и члену парткома, мне все больше приходилось заниматься делами того цеха. В конце концов дирекция и партком на два месяца освободили меня от других забот и прикрепили к отстающему коллективу, помочь разобраться в делах, выявить основные причины отставания. При этом руководство завода направило сюда дополнительно 150 рабочих — выпускников техучилища. Вскоре были проведены два общих собрания с участием товарищей из общезаводских служб. Положение стало понемногу выравниваться. И вот недавно, в августе, мне предложили занять должность начальника этого цеха. Тут было над чем задуматься. Весь мой стаж самостоятельной работы немногим более четырех лет. А производство сложное, ответственное, требующее к тому же перестройки. Справлюсь, ли? Бывший начальник цеха, человек намного старше и опытнее меня, правильно понял решение директора и согласился остаться моим заместителем. А поскольку он превыше всего ставит интересы дела, мы быстро нашли общий язык. Уже в августе цех дал запланированный объем производства, но некоторые другие показатели остались невыполненными. И впереди у нас работа и работа.

Так получилось, что девятая пятилетка вошла в мою личную судьбу пятью большими этапами, из которых каждый был и решающим и определяющим. Эти годы принесли мне веру в себя, в свои силы, открыли глаза на многие процессы, происходящие в нашей и зарубежной экономике. Я внимательно слежу за материалами в прессе, где рассказывается о подготовке к XXV съезду КПСС, обсуждаются задачи, которые предстоит решать в последующее пятилетие.

Мы понимаем, что будущая пятилетка должна стать качественно новым этапом нашей работы. Готовимся к этому. Надо, чтобы выпускаемые нами машины были надежными, долговечными, удобными в обслуживании. Такие задачи с ходу не решаются. Уже сейчас в цехе устанавливаются станки с программным управлением, станки, оборудованные оптическими приборами. Идут напряженная учеба и поиски более совершенной организации производства.

Мой отец, которого уже нет в живых, был рабочим-металлистом. Он еще помнил то время, когда обычные электромоторы выпускались только после индивидуальной отладки. Были бригады слесарей-асов, вдыхавших жизнь в уже готовые двигатели. Сейчас у нас целый цех занят отладкой готовых ЭВМ. Здесь рядовые работники имеют инженерное образование или дипломы техников. Это они вдыхают жизнь в электронные управляющие машины. Но мы верим: недалеко время, когда уровень производства во всех цехах будет настолько высоким, что и ЭВМ прямо с монтажа пойдут к потребителю, минуя отладку, как ныне прямо с конвейера идут в дело обычные электромоторы.

Заводской коллектив за эти годы стал в полном смысле слова моей семьей. Старший брат работает заместителем начальника соседнего цеха, сестра — слесарем, жена несколько лет была отладчиком ЭВМ. Но она временно не работает: младшая дочь совсем еще маленькая у нас. Так что наши семейные планы и сейчас и на будущее тесно связаны с задачами заводского коллектива. Этим мы и живем.

Александр ДОРОШЕНКО

Киев.

Майя **РУМЯНЦЕВА**

В ЗАЩИТУ ЧИЛИ

— Чи-ли! —
Звучит, словно
щелк затвора.
— Чи-ли! —
Застрянет, как ком
у горла.
Горем у горла
земного шара.
В Чили — убийства,
аресты,
пожары...
Кочует трагичное фото
по странам —
Чилийский ребенок
возле развалин.
Развалин века,
развалин права.
Кочуют некрологи с фото
по странам...
Сжигаются книги
на улице, дома.
У ультраправых —
фашистская хватка.
Чили — душная,
дымная домна,
В которой идет
трагичная плавка.
В которой сжигают
сейчас конституцию,
Народа права,
святыню, регалии.
Политиканы
политпроституцию
Тянут к трибунам
по трупам и гари.
Хозяин-торговец
ладони потрет
И замусолит в них
выручку к вечеру.
К себе в батраки
детишек берет
Хозяин плантаций,
детство калеча.
В Чили трагичная плавка
идет
Всего
человечьего...
Там плавят убийцы,
Там правят убийцы.
Под пеплом страницы,
и строки, и лица.
Арест на дому
и выстрел в застенке.
Стреляют, где слово —
Стреляют по сердцу.
Но снова
листовка алеет на стенке.
И песням Неруды, хоть тихо,
но петься.
Пабло Неруда,
твой дом захлебнули.
Не захлебнуть только
песни твоей.
И разве хоть раз
догоняли пули
Песни,
Что спрятаны в душах друзей?
И разве хоть раз
пережил убийца
Правду народа
с правдою века?!
На знамени — громкая кровь
чилийца,
Твоя горячая кровь,
Альенде.
Можно за розовый тонкий
билетик
В музеях показывать
взрывы эпох.
Чили сегодня —
музей бессмертья
Лучших своих
сынов.
Их не сломить,
Как не сломлен Альенде,
В защиту Чили
гудят континенты.
Я верю:
Придет возмездие скоро.
— Чи-ли! — звучит,
Словно щелк затвора...

ТРАКТОРИСТ — ФИГУ

М. БРЕЛЬ,
заместитель директора Владимирской областной опытной станции

Фото Б. КУЗЬМИНА

С ПЬЕДЕСТАЛА — В ПОЛЕ

Тракториста Никонорова проводили на пенсию. Шестьдесят пять лет человеку. Могучий организм его долго сопротивлялся натиску болезней и возраста. Пока не дал о себе знать сидевший в грудной клетке осколок немецкого бронебойного снаряда. Врачи послали Никонорова на флюорографию, сделали кардиограмму, измерили кровяное давление и, наконец, вынесли заключение: «К работе на тракторе не допускать».

Никоноров, услышав этот приговор, ощутил в горле горячий ком — знакомое ощущение при вспышке гнева. Хотелось крикнуть врачам, что они вообще ничего не смыслят в людях, а только себя страхуют.

Но тут же Никоноров и остыл, передумал: «Связываться с докторами бесполезно, они не уступят. Да и нет смысла лезть в драку, три сына механизаторами, а другие трактористы совхоза — все мои воспитанники. Смена...» Еще подумал, что за тридцать лет было немало хорошего, даже его приемы в работе называли «Уроки Никонорова». Скоростная вспашка — урок Никонорова. Сев с маркерами — тоже его урок. Отбивка поворотных полос, умелое агрегатирование... Даже подражают молодые трактористы его манере ходить по земле! Широко, заложив за спину левую руку. Это подражание тоже относили к урокам Никонорова.

От мысли, что его работа, хватка теперь привились, стали уже и не только его, Никонорову полегчало.

Спокойно было ему и на проводах, то есть на вечере, устроенном в его честь. Тяжелые руки в шрамах от ожогов и ссадин разной степени и давности лежали у него на коленях: от выцветших глаз расходились лучики морщин. И все же на душе было тревожно. Не за себя. Если его дальнейшая собственная жизнь казалась ему ясной до мелочей, то судьба трактора оставалась неопределенной. И когда Никонорова попросили выступить, он ничего не сказал, а только задал мучивший его вопрос:

— Как с трактором, ребята?

— На металлургический! В переплавку,— пошутил кто-то из молодых. — Отольют болванку, а из нее, может, и выйдет комплект новых гусениц.

За столом засмеялись. Ничего обидного. И Никоноров не обиделся на парня.

Действительно, его ДТ-54 был давнишнего, еще первого выпуска, прошел шесть капитальных ремонтов, морально устарел. В бригаде посмеивались: мол, от трактора, каким пригнали его с Харьковского завода, остался только «пупок» — пробка от радиатора. Но за многие годы у Никонорова выработалась к трактору особая привязанность, и теперь расставался он с ним тяжело, как с близким, живым существом. Вздох облегчения вырвался из груди Никонорова, когда он услышал слово бригадира:

— Товарищи, внимание! На пьедесталы ставят танки. Поставим на пьедестал заслуженный трактор. Потому трудовой подвиг Никонорова у всех на глазах.

Никоноров понял, что его трактор в утиль не сдадут, что остаток жизни будет, как и прежде, наполнен заботой: он сможет приходить к нему, чтобы смести с кабины пыль, смазать подшипники, подлечить нажитые машиной «ушибы», «переломы», «хронические заболевания».

...Прошел месяц. В степи соорудили возвышение, и Никоноров загнал по отлого спускающемуся к пашне склону свой трактор. На место вечной стоянки. Трактор с полной экипировкой — четырехкорпусным навесным плугом — вздыбился и замер над дорогой, над полем.

А через два года трактору Никонорова снова было суждено стать в бригадный строй. Дело обернулось так. В ту осень холодные затяжные дожди осложнили подъем зяби. Переувлажненная почва не крошилась, а стекала с отвалов густым мазутом, плуги забивались жнивьем. По утрам к открытым степным местам уже подбирался мороз, поля все еще оставались невспаханными.

И вот тогда-то по ночам на самом дальнем поле стал работать трактор. Свет его фар держался часов до пяти утра. Люди недоумевали: кто там мог решиться пахать ночью, если и днем трудно выполнить норму? Не мираж ли? Правда, некоторые догадывались: Никоноров. На заре люди вглядывались в степь, но трактор оставался на пьедестале. И, боясь ошибиться, никто свое предположение не высказывал вслух.

А пахал он, Никоноров. Пахал на своем морально устаревшем ДТ-54. Он спускал его с пьедестала, когда село засыпало, заправлял соляркой и успевал до рассвета поднять гектаров десять зяби. Так Никоноров дал молодым еще один урок.

НИКОЛАЙ КОРАБЛЕВ

Гвардии старший сержант Николай Кораблев очнулся в госпитале после наркоза. Кисти правой руки не было. Кораблев осторожно пошевелил пальцами левой и почувствовал в них прежнюю силу. «Я до войны рычаги гусеничного одной левой выжимал»,— как бы оправдываясь перед собой, сжимая зубы от боли, сказал он соседу по койке. Сказал, а голоса своего не услышал. Сосед улыбнулся, что-то ответил ему, но тоже без голоса. И тогда Кораблев понял: он лишился еще и слуха. Как же глухому на тракторе? Ужаснулся. «Как же работать?» — спросил он у женщины-хирурга, сделавшей ему операцию. Та жестами показала — вредно разговаривать — и вышла из палаты.

Так для Кораблева навсегда отгремели весенние грозы, отзвенели метелками золотые овсы, навсегда отстучал пускач дизеля. Вернулся в родной поселок. Два месяца Кораблев обивал пороги совхозной конторы, слезно вымаливал у директора трактор. В совхозе уже работал однорукий механизатор. Директор знал, что и Кораблев справится. Но его глухота! «Пойми, ты же в первый день мотор угробишь. А у меня сев, уборка силосных, с зябью прорыв»,— писал ему на бумаге директор. «Первый мотор, может, и угроблю. Второй раз такого не случится»,— кричал, как кричат все глухие, Кораблев.

Наконец директор не выдержал натиска бывшего танкиста, выделил в его распоряжение старенький СХТЗ — НАТИ. Праздник у Кораблева! Но в первый же день на пахоте его постигла неудача: оборвался поршень двигателя и пробил картер. Кораблев перебрал мотор, заменил поршень, залатал картер. И скоро Кораблев сделал свою первую послевоенную норму.

Шли годы. После «Натика» дали Кораблеву новенький ДТ-54. И примечательно, что у него больше никогда не случалось аварий или поломок по причине глухоты. Наоборот, с ним стали происходить странные вещи, которым долгое время никто не мог дать объяснения. Однажды подошел Кораблев к трактору, на котором работал парнишка, только что окончивший курсы механизаторского всеобуча, сказал: «У тебя двигатель троит. Замени свечу, голубчик». Стоявшие рядом трактористы засмеялись, но сами прислушались, и точно: трактор работал на трех свечах, одна давала перебои.

Был случай, когда Кораблев поучал тракториста с десятилетним стажем:

— Ты что, глухой? Заложило тебе? Не слышишь, какая в коробке передач собачья грызня?

Вскрыли коробку, одна шестерня оказалась посаженной на вал с перекосом, люфтовала, зубья на ней были уже наполовину съедены. Не обнаружь это Кораблев — аварии не миновать.

И потянулись механизаторы к Кораблеву по части нежелательных шумов в машинах. Напишут, например, мелком на капоте трактора: «Коля, посмотри, нет ли чего в моторе». И Кораблев смотрит мотор. Не слушает, а именно смотрит, потому что уши у него всегда как ватными пробками закрыты, а вот глаза, цепкие, зрячие глаза из-под нависших бровей, так и буравят каждую деталь.

О необычных способностях Кораблева в бригаде было два мнения. Одни утверждали, что он «настроил свои глаза на специальную волну и слушает тоже глазами». Другие все объясняли практическим опытом Кораблева, его умением замечать в работающей технике разные мелочи и по ним делать вывод о состоянии отдельных узлов или машины в целом. Но обе эти теории не получили подтверждения. Одна — с точки зрения медицинской, вторая — с технической. На весеннем севе прошлого года бригадир Соловьев изложил мне новую теорию, которой стали придерживаться трактористы бригады. Проводив Кораблева на культивацию зяби, он сказал:

— Все зависит от запаса человеческих сил. Моральных. Вы согласны? — Он посмотрел на меня изучающе.— У Кораблева резервы нравственной силы неисчерпаемы. Тем и объясняются загадочные его способности.— И, желая знать мнение собеседника, бригадир снова спросил: — Вы согласны?

Я согласился. А что, убедительно.

ИГНАТОВСКИЙ ПОЧЕРК

Осенним днем семьдесят первого я добирался до поля, где работал тракторист Геннадий Алексеевич Игнатов. Сидевший рядом в машине управляющий Леонид Степанович Фурса рассказывал еще и еще раз о своем друге. Отмеченный орденом «Знак Почета», медалями, Геннадий и в самом деле человек со своим — игнатовским — почерком. Прямой, как линия на ватмане, проход посевного агрегата — игнатовский почерк! Три нормы за смену на культивации — игнатовский почерк! Красиво вырытая силосная траншея, ежегодная экономия горючего и запчастей, четверть века работы на тракторе в одном хозяйстве — тоже игнатовский почерк. Каждый штрих это-

РА ИСТОРИЧЕСКАЯ

го почерка достоин рассказа. Я расскажу лишь об игнатовской «Катюше», которую мне самому пришлось увидеть и оценить в работе.

...Частые осенние дожди промочили копны соломы до такой степени, что их трудно было сдвинуть с места. Но неубранная солома мешала пахать. Тогда-то в поле и появилось передвигавшееся на гусеничном ходу сооружение, которое трактористы назвали «Катюша». Ее не создавали в конструкторских бюро, у нее не было завода-изготовителя. «Дитя без роду-племени» тем не менее существовало и трудилось на уборке соломы. Это сейчас хозяйство имеет и новые волокуши и копноукладчики. А в ту осень...

Оригинальность волокуши заключалась в простоте устройства. Геннадий смонтировал ее на базе списанной бульдозерной лопаты и навесил на трактор Т-74.

Главным достоинством «Катюши» были сила мотора и гусеничный ход. В этом она не имела себе равных. А конструкция ее была настолько надежна, что за всю осень она ни разу не поломалась. «Катюшу» посылали на самые трудные участки, и она с честью оправдывала свое назначение. Однажды утром ее направили на поле, сплошь уставленное копнами, а к вечеру там уже работали тракторы на взмете зяби.

В тот день, когда мы наблюдали за работой «Катюши», низкие, тяжелые тучи, медленно передвигаясь с запада на восток, цедили мелкий, холодный дождь. Копны соломы, еще недавно старательно уложенные комбайнерами в ряды, теперь нужно было убрать, чтобы дать место тракторам с плугами. И «Катюша», шлепая по грязи гусеницами, сминала эти валы и стаскивала их на края поля. Игнатов, увидев нас, приоткрыл дверцу кабины, показал большой оттопыренный палец, что означало: «У меня нормально. Вопросов нет?» Вопросов к Игнатову не было. Но мне казалось, что волокуша не обладает достаточной маневренностью. Это, по-моему, снижало ее производительность. У Леонида Степановича на этот счет было свое мнение.

— Излишняя маневренность волокуше ни к чему. Ее назначение — брать ряды копен и толкать их вперед строго по прямой, а не делать выкрутасы по полю.

Я согласился с управляющим и сказал, что напишу об этой осени и об Игнатове. Но Фурса возразил:

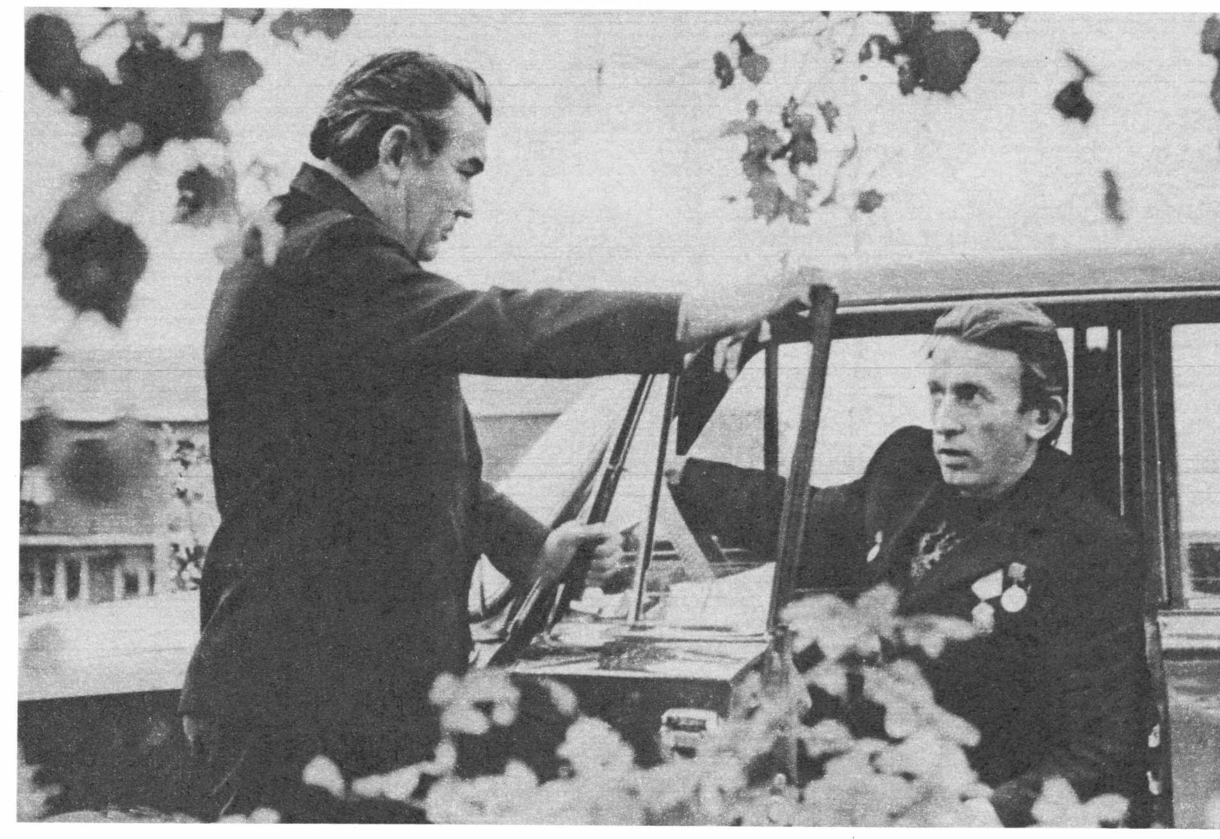
— Слишком прост сюжет. Подумаешь, волокуша... Если бы сев или пахота. А вообще-то... В нашем деле мелочей нет. Не соберешь солому — не вспашешь зябь. Нет зяби — урожая не жди.

Уже садясь в машину, он отряхнул промокший плащ, посмотрел в сторону, где ходила «Катюша»:

— Шестые сутки льет и льет, а Гена делает свое дело. Игнатовский почерк...

* * *

Тракторист — это фигура историческая, писал Валентин Овечкин. В деревнях трактористов называют «огненным племенем». В Подмосковье, на Кубани и под Орлом, где поля до сих пор усыпаны осколками снарядов, я встречал людей из этого племени. Сейчас на полях работает новое поколение механизаторов. Собранные в звенья, они отвечают и за землю, и за урожай, и за качество работ. Не гектары накручивают, а поле обиходят. Настоящий тракторист — он и человек настоящий. Когда у тракториста подрастает сын, он и сына обучает своему мастерству и обязательно даст наставление: «Помни, сынок, хлеборобскому роду не должно быть переводу».

Управляющий отделением Л. С. Фурса и механизатор широкого профиля Г. А. Игнатов.

Отпахались!

МАЯКОВСКИЙ СРАЖАЕТСЯ

Владимир МАКАРОВ

Стихи, как люди, имеют свои судьбы, свои биографии. Военная биография стихов Владимира Маяковского в самом глубоком и широком смысле этого слова еще не написана, еще не изучена полностью. Когда многочисленные документы, свидетельства из этой большой и живой «солдатской» биографии будут объединены, в руках читателя окажется уникальная книга.

В самых разных произведениях, в том числе и далеких от военной и оборонной тематики, Маяковский воспитывал будущих защитников социалистической Родины в духе патриотизма, массового героизма и высокого гражданского долга. Он шел «в коммунистическое далеко» вместе с миллионами советских тружеников, вместе с героической Советской Армией.

Как боевые приказы эпохи, звучали такие стихи Маяковского, как «Сплошная неделя», «Мускул свой, дыхание и тело тренируй с пользой для военного дела», «Солдаты Дзержинского», «Солнечный флаг», «Добудь второй!», «Марш — оборона», «Готовься! Стой! Строй!», «На Западе все спокойно», «Два соревнования», «Ленинцы» и многие другие.

И когда грянула война, Маяковский сражался. Маяковский шел в наступление.

Поэзия Маяковского звучала на фронте во весь свой набатный голос, поднимала людей на подвиг.

* * *

Лейтенант Рыбнев был до войны архитектором, он страстно любил стихи Маяковского. Его дипломная работа — музей великого поэта. Война отодвинула мечту архитектора Рыбнева, но стихи Маяковского шагали с ним «везде и всюду». Принес он их и под Новороссийск, на легендарную «Малую землю».

Как-то раз во время разговора о творчестве любимого поэта к Рыбневу подошел боец и сказал:

— Днем и ночью, товарищ командир, все о Маяковском. Ну, как не надоест, все об одном человеке!

Рыбнев ответил:

— Маяковский — это не человек. Маяковский — это человечество.

Лейтенант Рыбнев погиб смертью героя. Его и краснофлотца Иващенко, тяжело раненных, захватили гитлеровские солдаты, пытали и сожгли.

На одном из номеров краснофлотской газеты, где сообщалось о гибели Рыбнева, кто-то из его боевых товарищей четким и крупным почерком вывел:

Бедой
к убийцам,
песня, иди!
К вам
имена жертв
мы
еще
принесем, победив, —
на пуле,
штыке
и ноже.

После смерти Рыбнева осталась книжечка стихов Маяковского. На ней написано: «Эта книга часто говорила со мной во время войны».

На полях текста поэмы «Владимир Ильич Ленин» Рыбневым подчеркнуты строки:

Пройдут
года
сегодняшних тягот,
летом коммуны
согреет лета,
и счастье
сластью
огромных ягод
дозреет
на красных
октябрьских цветах.
И тогда
у читающих
ленинские веления,
пожелтевших
декретов
перебирая листки,
выступят слезы,
выведенные из употребления,
и кровь
волнением
ударит в виски.

...7 сентября 1974 года. Солнечный, мирный день. Радостные, волнующие часы переживает Новороссийск. За выдающиеся заслуги перед Родиной, массовый героизм, мужество и стойкость в годы Великой Отечественной войны и в ознаменование 30-летия разгрома фашистских войск при защите Северного Кавказа Указом Президиума Верховного Совета СССР городу Новороссийску присвоено звание «Город-герой».

Вручает орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» городу-герою Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев. «И мы, — говорит он на торжественном заседании, — счастливы тем, что одержали великую победу над врагом, что в этой победе есть доля и нашего участия.

Прекрасно сказал Владимир Маяковский:

...землю, с которою
вместе мерз,
вовек разлюбить нельзя.

Так и я не смогу разлюбить новороссийскую землю и ее небольшой, особенно обильно политый кровью советских патриотов кусочек, — героическую «Малую землю».

Начальник политотдела 18-й армии полковник Л. И. Брежнев был душой обороны «Малой земли». Он неоднократно бывал в дни ожесточенных боев на этом, захваченном в тылу противника плацдарме. Партийное слово Леонида Ильича и мужественного коллектива коммунистов 18-й армии звало «малоземельцев» на бой, вселяло веру в наше оружие, в наши силы.

Враг поливал «Малую землю» огнем снарядов и мин, бомбами и пулями. Казалось, не было ни одного метра отвоеванной земли, не начиненного железом и сталью. Недаром «Малую землю» назвали «Огненной». И, несмотря на это, были у ее защитников и мирные заботы.

В одном из блиндажей морской пехоты, в подразделении капитана Лайока висел герб, свитый из колосьев. А рядом плакат со словами из «Урожайного марша» Маяковского:

Добьемся урожая мы —
втройне
земля
рожай!
Пожалте,
уважаемый
товарищ урожай!

— Бойцы морской пехоты собрали оставшийся здесь урожай, — говорит Лайок, — около семи тонн. Работали по ночам. Ножницами подрезали верхи колосьев...

* * *

Практика Великой Отечественной войны «показала, что воюют только полноценные художественные вещи, только они способны вооружить сердце человеческое», — отмечала ленинградская поэтесса Ольга Берггольц в статье «Ленинградский опыт». В подтверждение своих слов она рассказывала, что написанное в 1929 году стихотворение Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» было созвучно ленинградцам в страшную первую блокадную зиму.

«Как-то февральской ночью сорок второго года в Ленинграде, — пишет Ольга Берггольц, — мы читали его в промерзшей комнате радиокомитета, и нам казалось, что это написано о блокированном Ленинграде:

Но шепот
громче голода —
он кроет
капель
спад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!..»

Эти стихи будут звучать и тогда, когда мы восстановим нашу страну, — всегда они будут звучать, пока люди будут мечтать, строить и бороться».

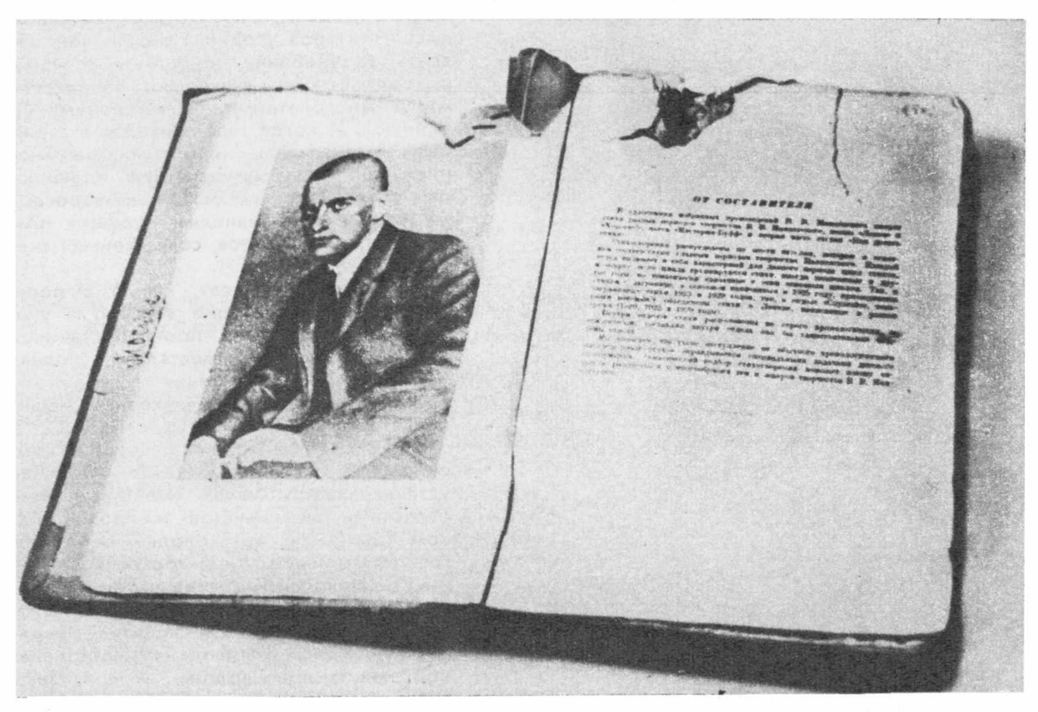
В Государственный музей В. В. Маяковского приняты на вечное хранение постаревшие от времени фронтовые письма.

Вот письмо Александра Павловича Кириллова от 25.XII.42 года. Оно прислано со сталинградского направления.

Автор письма сообщает, что он получил стенограмму «выступления тов. Маяковского в Доме комсомола на Красной Пресне, на вечере, посвященном двадцатилетию литературной деятельности», и благодарит за подарок... «Посланный нам, — пишет он, — подарок хранился в вещевой сумке в книге В. В. Маяковского — однотомнике избранных произведений... При налете вражеской авиации в двух метрах местонахождения нас, товарища Гусева и меня, упала фугасная бомба, порвала осколками шинель, вещевую сумку, но, что очень жаль, пробила осколками находившуюся в вещевой сумке книгу В. В. Маяковского. В нее вложен был ваш подарок...»

Штурмовик «Владимир Маяковский» перед отправкой с заводского аэродрома.

Страницы томика Маяковского, с которым воевал под Сталинградом красноармеец А. П. Кириллов.

Красноармеец Кириллов переслал пробитый вражеским осколком томик стихов Маяковского в музей поэта.

Письма, письма, письма... Свидетели души солдатской. Читаешь и думаешь: по всем фронтам вместе с Советской Армией шагал Маяковский.

Красноармеец В. В. Казаков (полевая почта 59340 Н) пишет:

«Я ежедневно вижу — по фронту проходит живой Маяковский, громя врага... Сегодня основная аудитория Маяковского — фронтовики на передовых позициях, а трибуна — траншея... Одну из книг Маяковского я ношу в левом грудном кармане шинели, как партбилет».

В письме, написанном капитаном Петром Федоровичем Коссовичем (полевая почта 23711) в июле 1944 года по поручению бойцов, фронтовые читатели Маяковского просят разрешить спор о происхождении поэта.

«Каждый из нас,— рассказывает П. Коссович,— видит в Маяковском своего родного поэта, близкого и нужного всем нам. Русские гордятся, что Владимир Владимирович — русский национальный поэт не только по национальному происхождению и языку, но и по культуре, духу и характеру. Человек прекрасной русской души, он безошибочно нашел путь к сердцам миллионов своих читателей всех национальностей, беспредельно любящих свою Родину, посвятивших все свои силы беззаветному служению ей.

Украинцы гордятся тем, что родословная Маяковского связана с украинским народом, что Маяковский всем своим сердцем любил цветущую Украину.

Грузины горды тем, что Маяковский «грузин» по рождению, что он родился в солнечной Грузии, провел там свое детство, учился в школе, знал и любил грузинский язык.

Поляки, белорусы, чехи и словаки питают к Маяковскому большое чувство национальной гордости, как к славянину, как к самому большому славянскому поэту современной эпохи.

Армяне, азербайджанцы, абхазцы, аджарцы, осетины, адыгейцы и другие кавказские народы горды тем, что Маяковский — кавказец, что он бывал почти во всех местах Советского Кавказа и посвятил ему много своих замечательных стихов.

Все народы Советской Родины любят Маяковского как великого поэта, отдавшего всю свою звонкую силу укреплению дружбы народов, процветанию и росту могущества нашей любимой Отчизны.

Он, как никто другой, был всегда близок к массам. Через все его творчество красной нитью проходит большая гуманистическая идея, беспредельная любовь к своему народу, активная ненависть к пошлости и варварству, активное стремление к счастью всего человечества. Он, как никто другой, всегда был теснейшим образом связан с действительностью, с практикой. За все это дорог советским людям Маяковский. Особенно близок Маяковский нам — воинам Красной Армии, которых он любил всеми силами своей души. Да и не только нам. Мы видали в вещевых мешках чехословацких и польских солдат томики стихов Маяковского. Они черпают в нем силу для борьбы за освобождение своих народов от фашистского рабства.

Петр Коссович (русский), Семен Фомин (русский), Александр Шкарбань (украинец), Мкртичан Макар (армянин), Аминов Хайрей (башкир), Мамугашвили Авадиди (грузин), Тугус Ибрагим (адыгеец) и др.».

В одном из своих произведений Маяковский сказал:

Где б ни умер,
умру поя.
В какой трущобе ни лягу,
знаю —
достоин лежать я
С легшими под красным флагом.

Сержант Романовский в стихотворении «Их было восемь» написал, как лозунг Маяковского, брошенный политруком во время боя, воодушевил краснофлотцев и помог пробиться через вражеское окружение: «Нас было не семеро, с нами был восьмой — Маяковский».

* * *

«Он был огромным, безграничным, как небо,— пишет о Маяковском трижды Герой Советского Союза Иван Никитович Кожедуб.— Его стихи дарили нам ощущение полета задолго до того, как мы поднялись в воздух. Наши крылья крепли, поддерживаемые его порывом. Я полюбил Маяковского еще с тех первых стихов, что написаны им об авиации и авиаторах.

Маяковский всегда поражает меня своим размахом, он мыслит широко и ясно. Для многих людей моего поколения стихи Маяковского об авиации стали путевкой в небо. Я думаю, что если бы он был авиатором, то это был бы замечательный авиатор. Такие стихи, как «Итог», «Издевательство летчика», «Даешь мотор!», «О.Д.В.Ф.», мог написать только человек, по-настоящему любящий небо, самолеты. Для него это был мир, «все стены которого в ветрах развоздушены».

Он давал нам силы и там, на фронте. Мы брали его с собой в небо, в бой.

В этом поэте есть какая-то магическая сила. Она устремлена ввысь, к звездам».

...У самолетостроителей одного из авиационных заводов возникла мысль: в подарок к 25-летию комсомола построить для фронта сверх плана боевой самолет «Владимир Маяковский».

В цехе широко развернулось соревнование за право называться бригадой имени Маяковского. Этой высокой чести добилась фронтовая бригада Фроси Головенко. Бригада в первый же день выполнила семь заданий.

Улетая на фронт, штурмовик ИЛ-2 «Владимир Маяковский» уносил с собой письмо.

«Новый, отличный по своим качествам, сверхплановый самолет передается вам в подарок, дорогие бойцы! — писали фронтовикам молодые самолетостроители.— Эту машину комсомольцы и молодежь завода строили бесплатно, помимо основного рабочего времени.

Слово за вами, дорогие товарищи!»

Вскоре комсомольцы завода получили ответ:

«Дорогие друзья! Мы получили ваш замечательный подарок — боевую крылатую машину «Владимир Маяковский». Спешим сообщить вам, что эта отличная машина уже сделала пятнадцать успешных боевых вылетов, а ее экипаж с командиром — комсомольцем капитаном Богдановым награжден орденами и медалями... «Владимир Маяковский» штурмовыми и бомбардировочными ударами громил живую силу врага, железнодорожные станции, подвижной состав, опорные пункты противника... Когда машина уходит в полет, все говорят: «Маяковский» взмыл, держись, фашистская погань!» И невольно вспоминаются слова поэта:

Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс.

Дорогие друзья! Клянемся вам, что будем громить фашистских мерзавцев до тех пор, пока бьются наши комсомольские сердца.

Командир экипажа «В. Маяковский» — капитан Богданов.

Автомоторист — сержант Мартьянова.

Авиамеханик — старший сержант Саханов.

Воздушный стрелок — старший сержант Чмона.

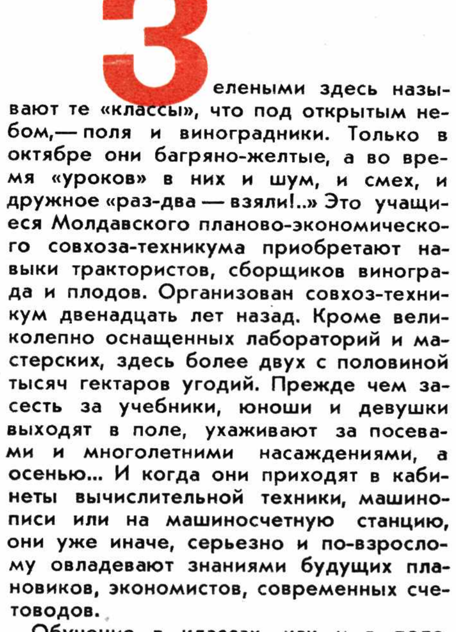
Комсорг части — старший сержант Иванов».

Вот как об этом сказал в бесхитростных строчках стихотворения «Штурмовик «Владимир Маяковский», написанных на фронтовом аэродроме в канун нового, 1944 года, подполковник Петр Владимирович Жур (полевая почта 02420):

Чтобы свет победы не погас,
Звонче рифм звучал салют московский,—
Весь обрушит боевой запас
На врага «Владимир Маяковский».

Он летит — прямое продолженье
Всей его неукротимой жизни,—
Как бессмертье верного служенья
В штурмах побеждающей Отчизне.

Фото Б. КУЗЬМИНА

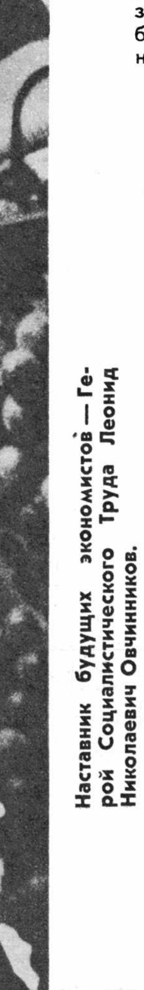
Зелеными здесь называют те «классы», что под открытым небом,— поля и виноградники. Только в октябре они багряно-желтые, а во время «уроков» в них и шум, и смех, и дружное «раз-два — взяли!..» Это учащиеся Молдавского планово-экономического совхоза-техникума приобретают навыки трактористов, сборщиков винограда и плодов. Организован совхоз-техникум двенадцать лет назад. Кроме великолепно оснащенных лабораторий и мастерских, здесь более двух с половиной тысяч гектаров угодий. Прежде чем засесть за учебники, юноши и девушки выходят в поле, ухаживают за посевами и многолетними насаждениями, а осенью... И когда они приходят в кабинеты вычислительной техники, машинописи или на машиносчетную станцию, они уже иначе, серьезно и по-взрослому овладевают знаниями будущих плановиков, экономистов, современных счетоводов.

Обучение в классах, как и в поле, вполне конкретно, оно связано с участием в настоящей производственной жизни. Здесь осуществлена полная комплексная механизация всего учета. Более того, услугами совхозной машиносчетной станции пользуются еще и семь соседних хозяйств Каушанского района. В сознании учащихся навсегда устанавливается связь между наукой, расчетами экономистов и производством. Тем более, что молодым есть с кого брать пример. Директор совхоза-техникума Николай Георгиевич Митиш много лет руководил одним из лучших хозяйств республики. Он защитил кандидатскую диссертацию на материалах колхозного производства. А совхозный бригадир и мастер производственного обучения Леонид Николаевич Овчинников — Герой Социалистического Труда. Он мастер не только по должности, но и по высокой сути хлеборобской!

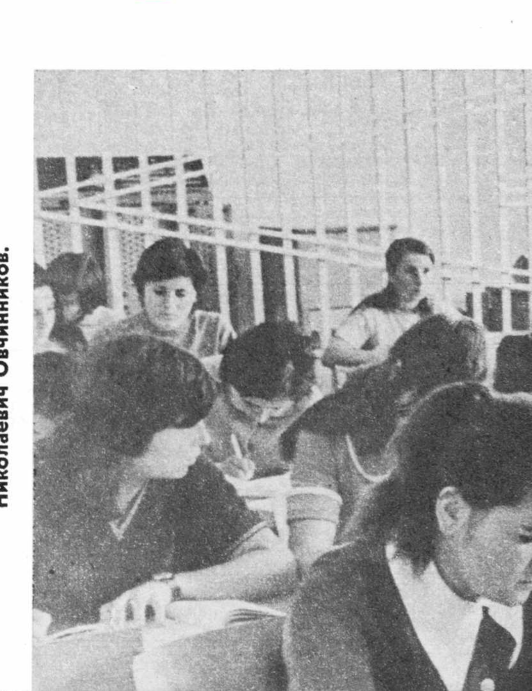
В том, что совхоз-техникум первым в районе выполнил пятилетку по продаже зерна, первым убрал нынче кукурузу, большая доля горячего, заинтересованного труда учащихся.

Н. БЫКОВ

ЗЕЛ

Наставник будущих экономистов — Герой Социалистического Труда Леонид Николаевич Овчинников.

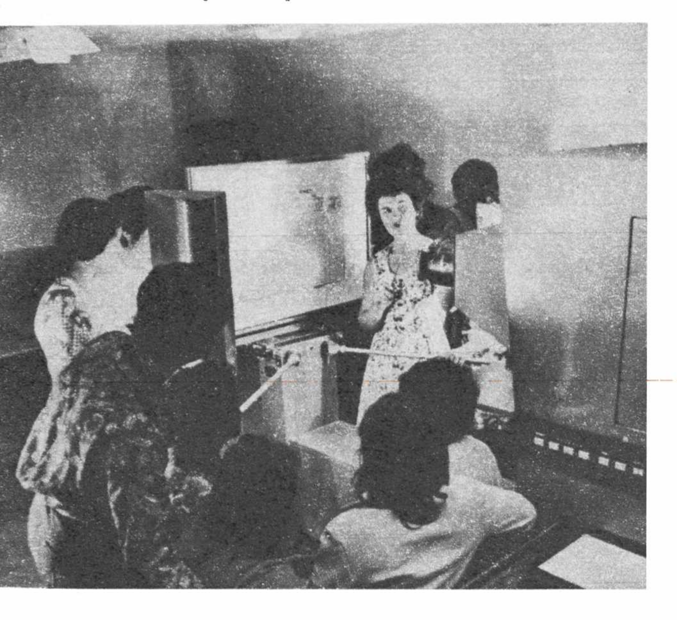

На току техникума царит кукуруза!

Директор Николай Георгиевич Митиш: «Воспитание в труде — главный наш урожай!»

Элеонора Кваша проводит занятия в мастерской оргтехники.

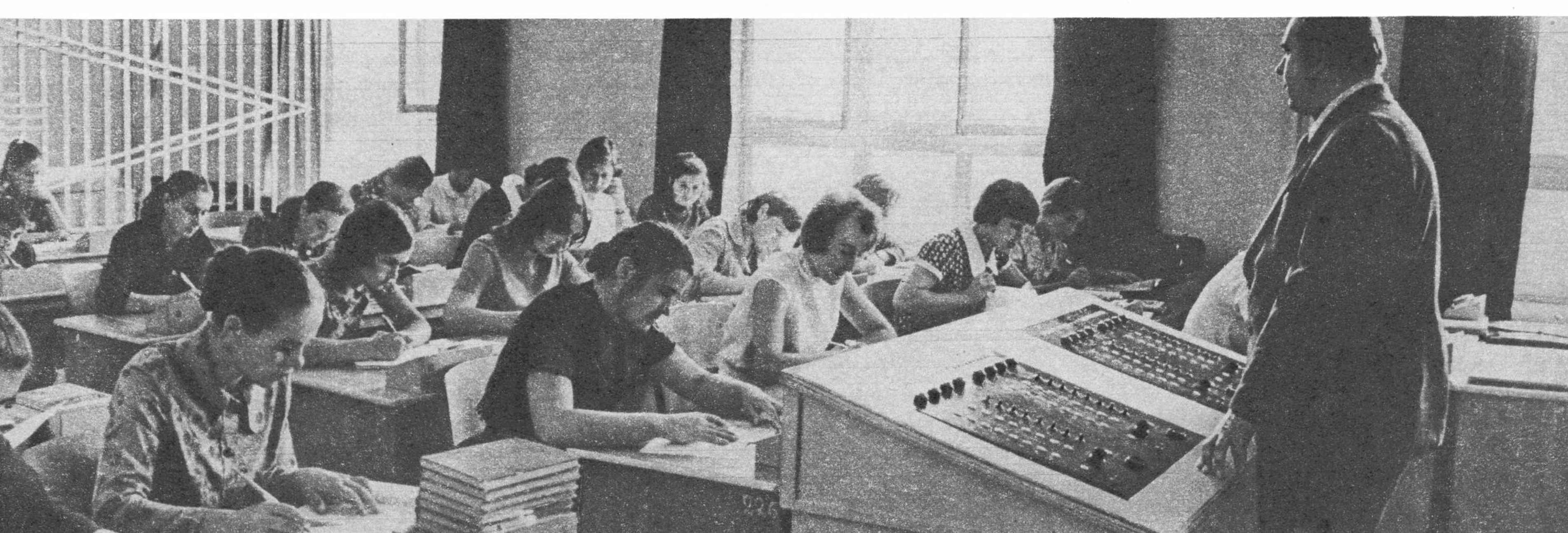

Судя по урожаю, лето в поле прошло на пятерку.

ЕНЫЕ КЛАССЫ

Класс Петра Ефимовича Вдовенко овладевает премудростями...

КОММУНИСТЫ МАГНИТКИ

Время отсчитывает последние недели девятой пятилетки. Идя навстречу XXV съезду КПСС, Магнитогорский металлургический комбинат имени В. И. Ленина в третий раз подряд завоевал первое место среди металлургических предприятий страны. В авангарде флагманского коллектива большой отряд коммунистов — семь с половиной тысяч человек. Магнитка может гордиться своими воспитанниками — Героями Социалистического Труда, лауреатами Государственных премий, рабочими и партийно-хозяйственными руководителями и учеными... Умело используя найденные здесь и оправдавшие себя формы и методы организаторской и идеологической работы, партийная организация мобилизует усилия трудящихся комбината на выполнение стоящих перед ним задач.

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

ДЕНЬ ПАРТКОМА

На календаре 20 октября, понедельник. Здесь, на комбинате, это особый день недели. Его называют Днем парткома. В этот день партком комбината «выезжает» в цех, и никто не отвлекает его вызовами и поручениями, хотя ой как трудно вначале это было узаконить! Так уж повелось с тех пор, когда секретарем парткома был нынешний директор комбината Дмитрий Прохорович Галкин. Это по его инициативе партком почти в полном составе «выехал» в один из мартеновских цехов, туго тогда было на комбинате со сталью, не хватало блюмингам слитков, — и стал советоваться с рабочими, как лучше решить эту острую проблему. Впрочем, слово «выехал» следует употреблять без кавычек: комбинат велик, отдельные его цеха расположены за десятки километров друг от друга, так что без транспорта здесь не обойтись.

Сначала люди отмалчивались, остерегались высказываться, ведь тут начальство свое, цеховое, присутствует, как, мол, это все обернется, но секретарь парткома настойчиво призывал: «Давайте, товарищи, не стесняйтесь. Разворачивайтесь по-рабочему, чтоб правду в глаза!» — и наконец разговорились, и кое-что из услышанного было для парткома откровением. Началось с того, что сдерживает и мешает работе по увеличению выпуска стали, а потом разговор пошел на темы, на первый взгляд очень далекие: о взаимоотношении со старшим мастером и о меню в столовой. Настроение в коллективе было здоровое, боевое, люди, как всегда, когда речь идет о чести Магнитки, престиже Магнитки, с открытыми сердцами идут навстречу. Тот первый выезд оказался настолько эффективным, что стало ясно: такие встречи очень нужны, их надо ввести в постоянную практику и привлечь к участию в них профком, комитет комсомола, представителей администрации, чтоб оперативно решать поднятые вопросы. Прошло несколько лет. День парткома прочно вошел в ритм недели, утвердился все равно как директорский график — совещание командного состава по пятницам.

Итак, понедельник, 20 октября. На листке календаря секретаря парткома Петра Семеновича Грищенко написано: «Доменный цех». День парткома начинается рано утром, начинается с внешнего осмотра цеха и территории, к нему прилегающей,— все берется на учет, все имеет значение. У перекрестка железнодорожных путей, ведущих к домнам, на платформе-постаменте стоит голубой чугуновозный ковш. Надпись на нем напоминает: «1932. Выдан первый чугун». У входа в здание конторы — белокаменная стела, на которой, будто на памятнике, высечены даты задувки печей и выпуска первого металла всеми десятью домнами Магнитки. По ним можно сверять историю нашей Родины, каждая дата — этап. А сегодняшний день цеха, подобно зеркалу, отразила наглядная агитация. Стенные газеты, диаграммы, таблицы, витрины рассказывают о тех, кто идет впереди, и не дают поблажки тем, кто провинился. «Горячо поздравляем коллектив 6-й печи!» — приветствует плакат. 6-я печь — именинница. На ее счету 7 тысяч тонн сверхпланового чугуна, полученного весьма экономно: на каждой тонне металла доменщики сберегли до 40 килограммов кокса, что очень важно в период реконструкции коксовых батарей. Но о коксе и реконструкции речь впереди.

Особенно хороших результатов достигли доменщики шестой в дни предсъездовских ударных недель. На днях П. С. Грищенко вручал на вечере во Дворце культуры рабочим этой печи почетные дипломы о присвоении званий лауреатов областной премии имени выдающегося металлурга Г. И. Носова.

— Как у тебя с анкетой «Коммунист и качество»? — спросил секретарь парткома у секретаря парторганизации цеха Петра Никитовича Жаркова, когда все собрались у него в кабинете.

Анкета эта — своеобразное социологическое исследование — разослана по цехам и должна помочь учесть в преддверии десятой пятилетки предложения по улучшению качества выпускаемого металла и работы вообще. В то время, как идет у них об этой анкете разговор, заместители Грищенко — Алексеев, Сторожев и Цыкунов — знакомятся с кругом вопросов, которые решали коммунисты цеха последнее время. Анатолий Николаевич Цыкунов интересуется больше производственными делами, это по его линии.

Цыкунов сравнительно молодой заместитель секретаря парткома, и его работа здесь началась как раз в понедельник, со Дня парткома. Проходил он в первом листопрокатном цехе. Задавали много вопросов, и Цыкунову, горняку по образованию, недавнему начальнику рудника на горе Магнитной, было неловко, он чувствовал себя не в курсе дел, и казалось невероятным, возможно ли все это постичь. С того памятного понедельника он составил себе жесточайший график изучения металлургических производств и неукоснительным образом изо дня в день выполнял его. И вот прошел год. Когда Грищенко бывал в отъезде, Цыкунову приходилось самому вести Дни парткома, но каждый раз он волновался, как студент перед экзаменом, хмурился, сдвигая к переносице черные крылья бровей, и радовался, когда в разговоре проявлялась глубокая заинтересованность. Он всегда радуется, когда ему удается открыть в человеке духовную красоту.

На Жаркова он обратил внимание еще год назад, на предыдущем Дне парткома у доменщиков. Секретарь партбюро в этом цехе вырос, — пришел еще юношей, учился, стал мастером, воспитанник самого Алексея Леонтьевича Шатилина, прославленного мастера-наставника. Он хорошо знает людей, любит партийную работу. С Жарковым Цыкунов недавно встретился на занятиях в ленинском университете «Знание». Партком добился того, что на комбинате второй год работает филиал этого университета. Ректором утвержден ди-

■

Секретарь парткома комбината П. С. Грищенко вручает партийный билет разметчице Татьяне Черноскутовой. * Анатолий Богатов — сменный мастер лучшего в стране двухванного сталеплавильного агрегата № 35, член ЦК ВЛКСМ. * Идет завалка шихты.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Коллектив 2-го мартеновского цеха обязался ударным трудом встретить XXV съезд КПСС.

XXV
СЪЕЗДУ
КПСС
ДОСТОЙНУЮ

ректор комбината Галкин, он же читает и лекции, проректорами — заместитель директора Пивоваров и заместитель секретаря парткома Сторожев. Необычно строятся занятия в этом университете — не по факультетам, а небольшими группами, по 8—10 человек, по принципу родственных производств, отдельно для руководителей цехов, отдельно для секретарей парторганизаций. Кстати, на комбинате все трудящиеся охвачены различными формами учебы — снизу доверху.

Темы занятий в университете утверждены актуальные. Цыкунов ведет, например, цикл «Хозяйственная деятельность и парторганизация». Придя на лекцию, он сделал вступление минут на пятнадцать, а потом предоставил слово каждому. Какая тут развернулась проиллюстрированная примерами из личной практики дискуссия! Каждый говорил о своем, наболевшем. А Жарков резюмировал: «Делаем-то мы одно дело, но по-разному. Мы обязаны донести задачи цеха до людей. Тут все важно: и температура дутья и температура сознательности, которую удается нам поднять у каждого».

Очень запомнились Цыкунову эти слова. Коммунистам доменного, видимо, удается дойти до каждого человека. Цех в завершающем году пятилетки идет уверенно и ровно, за третий квартал он завоевал звание лучшего среди доменных цехов страны. С опережением работают бригады. Ядро же каждой бригады — партгруппа, она задает тон.

— Что нового у Феофанова? — спрашивает Цыкунов у Жаркова.

Мастер 3-й доменной печи Николай Михайлович Феофанов — партгрупорг первой бригады. В партгруппе 36 коммунистов, в бригаде 142 человека. Это немалый коллектив, под стать иному предприятию. Что для него характерно? Вне поля зрения партгруппы нет ни одного человека. Все коммунисты имеют партийные поручения, все члены бригады взяли личные обязательства. Тут нет текучести и прогулов. Все молодые рабочие учатся. Большим авторитетом пользуются здесь производственные собрания, каждый уверен, что его критические замечания не останутся без внимания. Работа этой партгруппы обсуждалась на бюро райкома партии.

— Что нового у Феофанова? — переспрашивает Петр Никитович Жарков. — Володя Черепанов, тот, который у нас орден Трудовой Славы III степени получил, заканчивает среднюю школу. Наш депутат. Ребята из армии пишут, что скоро вернутся в цех. Лекции Феофанов интересные организовал: о новом, что применяется на 9-й криворожской домне; о воспитании детей; о культуре поведения.

— Ну, а сам Феофанов как?

— Подготовил газовщика Кузнецова к работе мастером. Это было его обязательство.

До встречи с рабочими, а она состоится перед началом второй смены и после окончания первой, остается два часа. Члены парткома, профкома и комитета комсомола (они тоже знакомились с делами по своей линии) идут в бытовки и столовые. «И на подбункерную эстакаду пойдем,— намеренно подчеркивает Грищенко.— Там очень высокая запыленность. Пожалуй, самый неблагоприятный в этом отношении участок на комбинате. Что там изменилось?»— спрашивает он у председателя цехкома Катаева.

Но тот увлек уже всех к бытовкам. Да, тут по сравнению с прошлым годом заметные перемены. И толчком к ним послужил предыдущий День парткома. Кто-то выступил и сказал о том, что на пятой домне плохая столовая. Стали искать для нее другое помещение и решили своими силами пристроить к зданию мастерских корпус. И вот нашлось место не только для столовой, но и для душевых, раздевалок и комнат отдыха. Вот это и есть действенность!

В пристройке полным ходом идут работы. Отделывается новый зал столовой. На стенах — мозаичные панно. Одно готово. На нем изображены девушки с хлебом-солью. У второго,— оно еще не закончено,— стоит художник с лопаточкой в руке. Лицо его поразительно знакомо. Да это же Хабаров, знаменитый доменщик! Это же он, будучи в Бхилаи, на пуске металлургического комбината, не только обучал индийских рабочих выплавлять чугун, но и делал зарисовки, которые потом демонстрировались во Дворце культуры. И вот теперь он украшает столовую.

Члены парткома и профкома придирчиво, словно эксперты, осматривают душевые и раздевалки. Дошла очередь до комнат отдыха у печей. «Разве тут отдохнешь?» — не скинает своего требовательного тона Грищенко.— Вы в первом мартеновском были? Питьевые киоски видели у них? А комнаты отдыха для сталеваров — с душевой кабиной, прохладным воздухом, с зеркалами и картинами? Ты нарисуй тут рыбака с удочкой. Или хотя бы серого волка из «Ну, погоди!», чтоб человек мог несколько минут отдохнуть, расслабиться. Конечно, до седьмого прокатного цеха вам далеко. Там в холле и бассейн с камушками, и пальмы, и настольный теннис. А вот до мартеновского вы должны подняться».

Вот о чем печется секретарь парткома,— о красоте, удобстве и уюте. А ведь было время, когда до эстетики не доходили руки. Началось все с перестройки комнат самого заводоуправления. С кабинетов директора и главного инженера Магнитки, которым придан отвечающий самым взыскательным требованиям современный вид. Архитекторы представили на обсуждение эскиз ансамбля площади у здания заводоуправления и центральной проходной. Изменилась и территория комбината. Появились новые асфальтовые дорожки, газоны, аллеи. Магнитка, образно говоря, надела новый костюм и сразу помолодела. На комбинате работает бюро производственной эстетики, и дел у него прибавляется с каждым днем. Партком, не удовлетворенный темпами его работы, решил создать художественный совет на общественных началах. Руководить им поручено недавно принятому в члены КПСС инженеру М. Ф. Софронову. Группы эстетики появились и в цехах, заметно меняется облик старых производственных и бытовых помещений.

— А теперь пошли на эстакаду,— предложил П. С. Грищенко. Не забыл он про нее.

На самом нижнем этаже огромного доменного хозяйства, как он и опасался, мало что изменилось. Поставили здесь, правда, огромные вентиляторы, но толку от них мало.

— Вот посмотрите, сегодня снова пойдет об этом разговор,— предсказывает секретарь парткома.

И действительно, как только начальник цеха Н. М. Крюков доложил рабочим и мастерам дневной смены о том, что было сделано по каждому из их выступлений, посыпались вопросы:

— На семьдесят шестой год план по выпуску чугуна будет намного больше, чем в нынешнем году,— подымается немолодой человек в суконной робе.— Охладительные приборы в плохом состоянии, не хватает фурм. Надо уже сейчас принять меры.

— В нашем цехе немало выпускников ремесленных училищ военных лет. Подходит срок их ухода на пенсию. Кого поставим к горнам? — с тревогой спрашивает кто-то из задних рядов.— Нынешняя молодежь не очень-то тянется к горячим профессиям.

— Запишите: на десятой печи нужны новые дымососы. Давайте пошлем на завод, где их делают, своего представителя.

— Поставили на эстакаде вентиляторы, а они дуют туда и сюда, только пыль перегоняют. Долго еще будет решаться этот вопрос?

— Что делается для того, чтоб исчезло бурое облако над левым берегом?..

Цыкунов, сидящий со мной рядом, обменивается впечатлениями: «Как изменился характер вопросов! Люди беспокоятся о плане, о своей смене, за весь цех болеют, заставляют хозяйственников думать об усовершенствовании технологии и искать резервы. Это же совсем другой уровень по сравнению с прошлым годом, когда здесь проходил День парткома. Новая ступень! «Высокая температура сознательности!»— вспомнив, повторил он слова Жаркова.

Вопросов было много. Ответы давались тут же. По поводу «бурых облаков», например, отвечал секретарь парткома. Он сказал, что по техническому проекту реконструкции комбината около четверти миллиарда рублей ассигнуется на улучшение водного и воздушного бассейна. За мартеновскими цехами будут поставлены новые системы газоочистки. Заместитель директора по кадрам Ф. И. Пивоваров говорил о том, что еще недостаточно ведется работа по профориентации, о профессии горнового надо рассказывать, популяризировать ее среди молодежи, чтобы привлечь ее в доменный цех. Председатель профкома В. М. Архипов на вопрос о перспективах по улучшению жилищных условий (он неизбежно встает на рабочих собраниях) отвечал: «В этом году принято решение о реконструкции комбината и генеральном плане развития города. Начиная с будущего года на жилищное и культурно-бытовое строительство ассигнуется дополнительно десять миллионов рублей. Это позволит построить больше жилых домов и детских садов в новых микрорайонах». По поводу злополучной подбункерной эстакады начальник цеха беспомощно развел руками: «Кого мы только не приглашали, из каких только институтов к нам не приезжали, даже Розенштраху, начальнику Главпроекта, показывали этот участок, он обещал, кстати, помочь, но результата пока никакого. Это самый тяжелый для нас вопрос...»

— Не было еще ничего такого, что нельзя решить,— энергично возразил начальнику цеха Цыкунов, когда все поднялись наверх, на шестой этаж, к Жаркову, чтобы в рабочем порядке подвести итоги дня.— Проблема с эстакадой очень сложная, с ходу ее не решить, время требуется для этого, но если уж институты отказались, то надо браться за нее нам самим, отделу главного механика, например. Не раз так на Магнитке бывало. Вот что: подбункерную эстакаду включим в директорский приказ № 1 — план обязательных работ на будущий год.

— Вот видите, что такое Дни парткома,— говорил мне П. С. Грищенко, когда мы возвращались из цеха.— Они ориентируют руководителей на решение первоочередных задач коллектива, и мы их включаем в общую программу действий. Через месяц пошлем инструктора проверять. По первому кругу было множество вопросов, по второму — меньше. В основном они сводятся к следующему: снабжение сырьем и заготовками, ремонт оборудования, улучшение условий труда, быта и системы общественного питания. Именно Дни парткома подсказали идею общекомбинатского смотра душевых, красных уголков и столовых. С них начался поход за наведение чистоты и порядка на территории. Было решено каждому труженику отработать по восемь часов «на красоту» комбината. И никто не отказался. Просто удивительно, как можно было жить раньше без Дней парткома!

На Магнитку из разных городов едут партийные работники, едут изучать опыт проведения этих дней.

ЭНТУЗИАЗМУ БЫТЬ!

— Иногда услышишь: время энтузиазма, мол, прошло, на энтузиазме ничего, мол, не построишь! — говорил мне как-то Дмитрий Прохорович Галкин.— Не верю я этому! Магнитка тем и сильна, что сохранила добрые традиции тридцатых годов, что жив в ней дух энтузиазма!

Эти слова директора комбината можно было бы поставить эпиграфом к еще одной странице из жизни Магнитки. И начать ее придется с выступления директора на традиционном совещании командиров черной металлургии в Москве в 1973 году. Такое совещание проводится каждый год. Галкин с тревогой говорил о том, что коксовые батареи № 1 и № 2 Магнитки находятся в аварийном состоянии, что их надо ставить на капитальный ремонт, короче говоря, делать заново. Кокс — хлеб металлургии, и этого хлеба постоянно не хватает. Острый дефицит! Остановить батареи — значит лишиться по крайней мере семисот тысяч тонн кокса на три года. Потеря невосполнимая. Вот когда вступит в строй новая батарея на Запсибе или в Караганде, тогда другое дело. Реакция на выступление Галкина была такая: батареи разрешили остановить в конце 74-го года, из этого расчета планировались и поставки нового оборудования на конец семьдесят пятого.

Батарея № 2, выбросив черные клубы дыма и огня, вышла из строя в начале апреля. На полгода ранее намеченного срока. Группа заводов Южного Урала осталась без магнитогорского «хлеба» — златоустовский, белорецкий, саткинский, ашинский, миньярский. Беда нависла и над самой Магниткой. Дело в том, что батарея № 2 работает в паре с батареей № 1. У них общая система загрузки и разгрузки, тушения кокса, один подъездной путь и многое другое. А все это хозяйство тоже надо создавать заново, и неизбежно наступит момент, когда придется остановить и другую батарею — № 1. Но когда? Как долго они будут стоять обе? Проектировщики ответили: восемь месяцев, и ни днем меньше. А их авторитет непререкаем. Это же всесоюзный институт, Гипрококс!

Восемь месяцев! Катастрофа! Магнитка не только не выполнит своих обязательств, взятых на пятилетку по всем переделам, но полетит и план. Государственный план! Комбинат не оправится после такого удара очень долго. Не сможет расплатиться с задолженностью и в следующую пятилетку. Как выйти из этого катастрофического положения? Сделан запрос в министерство: не могут ли выручить коксом другие заводы. Руководство завода и партком решают задачу: что же предпринять еще?

Первая прикидка показала: кокса на восемь месяцев не хватит. Директор поручает главному инженеру, начальникам технического отдела и центральной заводской лаборатории разработать мероприятия, которые позволили бы снизить расход кокса.

■

Ветеран комбината Герой Социалистического Труда А. Л. Шатилин встречается со школьниками * С такой палатки начиналась Магнитка. * Студенты Магнитогорского горно-металлургического института * Солисты ансамбля бального танца Ирина Степанкина и Иван Скуридин * Здесь живут металлурги.

...Глубокий вечер. Тишина. В заводоуправлении никого уже нет, кроме директора, главного инженера, который только что прошел к себе, и диспетчеров. Дмитрий Прохорович достал сигарету и закурил. В Москве всего восемь часов. Может быть, Москва позвонит? Позвонила!

— Так как же, Дмитрий Прохорович, нашли выход?— спросил министр, и Галкин по самой форме этого вопроса понял, что помощи ждать неоткуда.— Ищите! В стране по коксу дефицит. Вы это знаете не хуже меня...

Потом они снова сидели вместе за большим столом — директор и главный инженер.

— Ты, значит, Юрий Викторович, считаешь, что это реально: сэкономить на каждой тонне чугуна по двадцать килограммов кокса?

— Вполне. Для этого надо усовершенствовать технологический процесс, повысить температуру дутья, дать больше агломерата. Вполне реально, Дмитрий Прохорович. Конечно, при соответствующей подготовке производства и работе с людьми.

Директор ни на секунду не сомневается в компетентности главного инженера, ведь Яковлев — доменщик. Кроме того, в прошлом партийный работник, он тоже был секретарем парткома.

— Значит, это позволило бы нам создать некоторый запас кокса и продержаться какое-то время. Надо уточнить: какое?

— Совершенно верно.

Приказ о введении нового режима потребления кокса подписан. В то же время вводится жесточайший контроль за его исполнением. И все же при совместной остановке обеих батарей, даже при новом режиме, и создании некоторого запаса кокса в сутки не будет хватать восьмисот тонн, если обе батареи будут стоять совместно восемь месяцев.

И тогда директор комбината, предварительно встретившись с секретарем парткома (с Грищенко он всегда обсуждает сложные вопросы), принимает смелое решение: надо сократить срок совместной остановки батарей с восьми до трех месяцев. Битва за кокс еще не выиграна, она только разгорается. И, как во всяком сражении, руководить ею должен штаб. Начальником штаба Галкин назначает М. Ф. Кочнева, начальника технического отдела. И поручает ему определить схему ускоренного ведения строительных работ. Скромный, но чрезвычайно упорный, Кочнев пытается возразить: «Я же не коксохимик и не строитель, я прокатчик!»

— Ты, Михаил Федорович, прежде всего коммунист, можешь рассматривать это и как партийное поручение. У тебя есть опыт творческого контакта со строителями,— поддерживает директора присутствующий при этом разговоре секретарь парткома.— Все прекрасно помнят, как ты принимал стан «2500» холодного проката. Формируй штаб!

И тут же партком принял решение создать на комплексе объектов коксохима общественный штаб. Горком партии утвердил начальником штаба Анатолия Николаевича Цыкунова. Это было уже второе такого характера партийное поручение заместителю секретаря парткома. До того он возглавлял штаб по реконструкции блюминга. И имел представление о тех сложностях, которые возникают. На блюминге Цыкунов прошел великолепную школу, которая так пригодилась ему на коксохиме. И тут пришлось ломать ожесточенное сопротивление строителей, нашедших себе союзников в лице проектировщиков. Те и другие доказывали, что невозможно, немыслимо за три месяца осуществить все работы. Было над чем подумать! Было за что бороться! Это — по нему! Коммунист Цыкунов — истинный боец.

Пока строители ломали полуразвалившиеся печи первой батареи, и Кочнев, деловито, без суеты, сумевший сплотить вокруг себя энергичных и талантливых инженеров из управлений и отделов, искал и придумывал со своим штабом оригинальные, единственные в своем роде технические решения, Цыкунов с головой окунулся в организационные дела. На раздумье времени не отпущено. На блюминге была одна, главным образом, строительная организация, здесь несколько трестов. Кроме своего родного «Магнитостроя» — «Коксохиммонтаж», «Южуралэлектромонтаж». В общественный штаб введены представители от всех трестов, отделов комбината, комсомольских и профсоюзных организаций, от редакции — всего 12 человек. Создана даже своя профгруппа. Кочнев тоже, конечно, член общественного штаба.

В штабе координируются, «утрясаются» все вопросы. На кладку печей приедут каменщики из Липецка, Караганды, Новокузнецка — из двенадцати городов. Если не устроить их и не обеспечить питанием, то нечего и за дело браться. А кому, как не общественному штабу, решать все эти проблемы? А соревнование этих же каменщиков, огнеупорщиков, а потом сварщиков и монтажников? А наглядная агитация! Это, конечно, очень плохо, что строительная площадка так узка, что машинам и людям негде развернуться, но надо не только разбирать старые конструкции, но и подвозить новые. Надо!

В штабе у Цыкунова собирались через день, а у Кочнева — каждый день. Рядом с металлургами сидели строители и монтажники. Решалась одна жизненно важная для комбината задача. И заинтересованность была тоже одна, общая.

Четырнадцатого марта начали ломать угольную башню. Теперь это не страшно. Уже смонтированы спроектированные и изготовленные на комбинате временные устройства для подачи шихты. Батарея лишилась тушильной станции. Тоже нет трагедии! Рассчитано, выверено с секундомерами в руках, что раскаленный кокс первой батареи можно возить для тушения на девятую и десятую. Огнеупорная кладка печей раньше, когда ремонтировались другие батареи, велась чуть ли не полгода. Здесь эта трудоемкая работа была выполнена всего за восемьдесят пять дней! Строители перешли на скользящий график. Отдельные бригады взяли такой высокий темп, что выполняли по две, две с половиной нормы за смену. На бетонировании фундамента угольной башни рекорд поставил Федор Талальков, на монтаже газопроводов — бригада Ивана Смирнова, хотя ей пришлось работать в трудных условиях, на высоте. А на монтаже загрузочного вагона коксовыталкивателя — бригада Николая Чулицкого. Трудовое напряжение нарастало с каждым днем. Только три световых дня понадобились специалистам бригады Хлебова, чтобы смонтировать такой сложный агрегат, как двересъемная машина.

— И все же самым трудным,— теперь уже оглядываясь назад, вспоминает Цыкунов,— оказалось получить заказанное для батарей оборудование. Ведь оно планировалось по утвержденному Госпланом графику на четвертый квартал этого года. А нам оно понадобилось на полгода раньше. Это больше всего тревожило. Ведь надо было перестроить планы заводов-поставщиков. Им пришлось делать наш заказ досрочно, на полгода раньше. Нам помогал областной комитет партии.

Горком партии направил в Москву, в Министерство черной металлургии, в Госплан СССР, начальника общественного штаба Цыкунова. Штаб обратился с письмом к рабочим завода, в редакции газет. И оборудование поступило вовремя. Главные агрегаты, устройства и механизмы прибыли, когда все было уже готово, ждали только их.

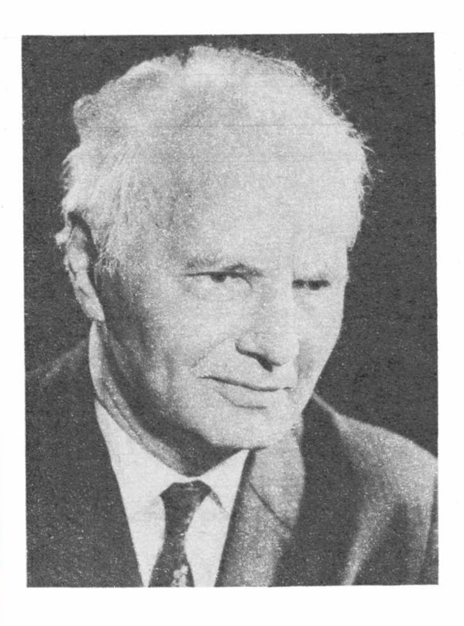
Первого сентября металлурги остановили вторую старую батарею. А через сорок семь дней, восемнадцатого октября, началась загрузка камер спекания кокса новой, реконструированной батареи. Не восемь месяцев, даже не три месяца, всего сорок семь суток стояли обе батареи! Это была победа воли и героического труда, победа коммунистов Магнитки, сумевших мобилизовать сотни людей, все ресурсы на выполнение поставленной задачи.

— В мировой практике ничего подобного не случалось,— не скрывал своего восторга председатель приемочной комиссии Ф. А. Мустафин.— Поверьте мне,— объяснял он обступившим его журналистам,— я занимаюсь коксовым производством уже тридцать пять лет. С удовольствием поставил на акте оценку строителям «хорошо».

Ровно через сутки после загрузки, в воскресенье, батарея номер два выдала первый кокс. Свежеиспеченный для домны огнедышащий «пирог» принял машинист электровоза тушильного вагона В. Мирошин, кавалер ордена Трудового Красного Знамени. Для него это был праздник вдвойне: он принимал первый кокс от старой батареи, пущенной на этом месте.

Новая батарея совершеннее, она оснащена прогрессивным оборудованием и мощнее старой в полтора раза. Обе батареи дадут свыше 1 200 тысяч тонн кокса — солидная прибавка к коксовому балансу страны, еще один вклад трудолюбивой Магнитки!

— Спасибо за кокс!— говорил, пожимая руки строителям, в день пуска Дмитрий Прохорович Галкин. Обернувшись ко мне, он улыбнулся: — Так жив энтузиазм на Магнитке или нет? Вот с каким энтузиазмом надо браться за претворение в жизнь прекрасного перспективного плана развития комбината.

Степан ЩИПАЧЕВ

ПОЭМА

Да здравствуют музы,
да здравствует разум!

А. Пушкин.

1

Я вижу себя и парнишкой
в глухом зауральском краю
над первою купленной книжкой
про Муромца про Илью.

Ложилась страница к странице,
и каждая думой жила.
Я книжку хранил на божнице —
не то б на цигарки пошла.

Далекое жизни начало
я пятнышком в сердце несу.
О чем-то тоскливо кричала
сова в полуночном лесу.

Дорога и снова дорога,
и годы, как ливни в траву,
и мне у родного порога
уж больше не слушать сову.

Ой, сколько их, долгих — недолгих
дорог у судьбы на краю!..
Той книжечки нету на полке.
Ее я в других узнаю.

По жизни я шел не сторожко,
но мог ли гадать, что дойду
от книжки с лубочной обложкой
до этих, что тут на виду.

2

Есть в слове и скрытые рифы
и глуби прозрачней стекла.
Строфу перекрестная рифма
как молния вдруг обожгла,
неважно словами какими,
но словно касаньем крыла
напомнить мне Пушкина имя
в начале поэмы смогла.

Расскажет о выпавшем снеге
полозьев искрящийся след.
Еще не закончен «Онегин»
и «Медного всадника» нет.

У КНИЖНЫХ ПОЛОК

И в день этот ветрено чистый
седок и не знает того,
что ляжет в тома пушкинистов
и след этот санок его.

Ах, годы! Куда вы? Осечкой
беда не минула. В ответ
поземка над Черною речкой
пылит, где упал пистолет.

Заплакать, влюбиться готова,
вбегая от зеркала в зал,
смеется Наташа Ростова
над тем, что Безухов сказал.
А где-то при Аустерлице
Болконский ничем не храним.
Лишь ветер — перстами
к ресницам
да вечное небо над ним.

Топчусь возле полок, у книжной
негромкой державы моей.
На полках — от верхней
до нижней —
томам все тесней и тесней.
Расплывчатый дождика росчерк
на окнах, и ветер продрог.
Давно уже голые рощи
печально стоят у дорог.
Ни золота в полдне, ни меди.
Тускнеют и книг корешки.
Поэма, нетрудно заметить,
без правил, всему вопреки.
В ней, слухом и зрением помня
словесную каждую пядь,
легко мне от этого полдня
в былое вернуться опять.

Сады Украины поблекли,
и снова в цветенье сады.
В них ветер из странствий далеких
Григория Сковороды.
Жар слова его не остынет.
Тут с правдой самой диалог.
Ложится картавость латыни
в певучий украинский слог.

А время. Неважно какого
истока — событий река.
От века до века другого
дорога его недолга.

Томам Достоевского тесно,
но все до единого тут.
Души человеческой в безднах
запутают, но поведут
в страну, что туманною снится,
где даже слезинка одна,
блеснувшая в детских ресницах,
событиям мира равна.

Некрасов иссохшей рукою
в постели листки ворошит,
предсмертной последней строкою
не к нам ли пробиться спешит?

Не ветер, а время по реям,
и Горький бесстрашно стоит,
где «Песня о Соколе» реет
и кровью на скалах горит.

3

Штыками на всех перекрестках
щетинятся дни Октября.
На ленточках черных матросских
горят на ветру якоря.
Сигнал с Петропавловской. Зимний
оглох от пальбы и замолк.
Не скоро рассеялся синий
на царском паркете дымок.
«С историей это согласно»,—
Джон Рид записал. У костра
с солдатами в отблеске красном
он будет стоять до утра.

В Россию влюбленный до боли,
не Блок ли, сутулясь, идет?
Метель разыгралась на воле,
дымится на Марсовом поле,
по строчкам поэмы метет.

А время! Ему ли усталость!
Оглядываюсь — позади
уж столько событий осталось,
что дух замирает в груди!

Как поле под пулями главы.
Свинцово строка тяжела.
В легенды Чапаева слава
от Фурманова отошла.

Уж волосы, верно, редеют
и снежной блестят белизной,
но слава... Она молодеет
над шолоховской сединой.

Весь край, полыхающий синью,
у Тихого Дона — в нови,
но женщин все так же Аксинья
бесстрашию учит в любви.

На годы, на память досада.
Но с Буниным в смутности дня,
как ночью от мокрого сада,
пахнуло опять на меня.

Катаев годам не сдается.
Неважно, кто против, кто за,
хочу из «Святого колодца»
с ладони плеснуть на глаза.

Хочу, ни к чему торопиться,
почувствовать ливни, туман,
с Леоновым разговориться
дорогою на океан.

Безмолвны пустыня и звезды,
и все-таки Экзюпери
изрубит пропеллером воздух,
мешая с прохладой зари.

И книга, что мужеству учит,
стоит на примете всегда.
С помоста кровавого Фучик
со мной говорит сквозь года.

4

Есть книги, как дождик по крышам,
как милый приветливый кров,
и книги, которые дышат
простором на стыке ветров.
Счастливые книги, в которых
несмолкшее время хранит
и гул орудийный «Авроры»,
и гул, где взрывали гранит,
где пахло железом и потом,
судьбой котлованной земли
и шпалами, что по болотам,
по дебрям таежным прошли.
Есть книги. В них битв и салютов
суровый и радужный гром
еще не рожденные люди
услышат в далеком своем.
Стою иногда оробело
над грустью упущенных дней.
Ой, сколько кричащих пробелов
нашел бы я в жизни своей!
И мне уж ничем не заполнить
пустоты страницы иной.
Ах, если бы, если бы полдень
Опять засиял надо мной!

Поэзия и наука
как сестры. И как иногда
друг дружке им не поаукать
сквозь все световые года.

Эйнштейна листаю. Характер.
Прозрение. Ночи без сна.
Туманностями галактик
овеяна седина.

На полках условный порядок,
но главное все ж под рукой.
Те книги, которые рядом,
все ж важно, какая с какой.

Живой Маяковского голос
не смят, не спрессован в томах:
то в залах огромных, то в школах
напомнит о майских громах.

Есенин, как чудо, как диво,
идет, но неслышны шаги.
Строфу из «Персидских мотивов»
усыпали роз лепестки.

Он так и остался в пехоте,
наш Теркин. Минули года,
а он по страницам проходит
все тот же, как в роте тогда.

Стихов пастернаковских грани,
как в небе над дачей звезда,
как первые в утренней рани
за дальним леском поезда.

Строкою Багрицкий приветил.
Он в ней птицелов и горнист:
услышим и сабельный ветер
и пеночки утренний свист.

А эта на полку попала
недавно, но мне дорога.
В ней шапкою Янка Купала
все машет мне издалека.

5

Все книги как книги. Но эти
на полке особо стоят.
Им родинки — кто не заметит —
оставила муза моя.
Она и сегодня покоя
не знает, и сон ей не в сон,
когда над счастливой строкою
светлеет неюным лицом.

Но что о себе? Я не молод,
но в чем-то еще и не стар,
в крутых переделках не молот,
хоть вышел давненько на старт.
Оглянешься — мета за метой,
а где-то — и год и число.
Песками горячего лета
следы мои не занесло.
Я свыкся и с белой зимою.
Пусть в жестких поземках она,
замет дорогих не размоет
на сердце ее белизна.
А теменью вечность нахлынет,
в секунды последнего дня
забытая горечь полыни
из детства дойдет до меня.
Живу. За кого-то волнуюсь,
хоть мог бы стоять в стороне.
Известен. Но клетку грудную
порою сжимают и мне.
В поэзии давка такая —
в глазах у кого-то темно.
Того и гляди затолкают,
живой, неживой — все одно.
В любой толчее на вокзале
свободней... Ах, книги в шкафах!
Не всё еще мне рассказали,
чтоб стала итогом строфа.

Шекспира тяжелая слава
лежит на тяжелых томах,
и томиком тоненьким справа
прижалась к ним скромность сама.
Но пусть тот поэт был и скромным,
не сгинул и в ранге таком.
«Не бил барабан перед смутным
полком» —
я строчку суровую вспомнил.
Есть томик еще. Перелистан
сегодня опять, как тогда,
когда он из рук букиниста
был взят, чтобы втиснуть сюда.
В старинный сафьян переплета
чернильное въелось пятно.
Не стерлась еще позолота,
но слава слиняла давно.
Ой, сколько их музу любило!
Но мало осталось таких,
чью к берегу славу прибило
волнами столетий других.
Безжалостна мертвая Лета.
Был трепет и мысли полет,
и все-таки имя поэта
плитой придавил переплет.
Не знаю, круты иль пологи
у мертвой реки берега.
Незримая из мифологий
течет она через века.
Над нею ни звезд, ни туманов,
не мерена и глубина,
от груза стихов и романов
не стала, так станет мутна.
Ах, есть она, тихая радость
вдруг вспомнить нестершийся стих!
Тома за стеклянной оградой...
Добро потоптаться у них.

6

Листать словари и глазами
вливаться в них — радость моя.
Страницы подняв парусами,
порой дохожу и до Я.
Себе повторяю: завидуй
учености. Корки тверды.
От легкой стопы алфавита
по ним — золотые следы.
Не внешне и эти знакомы.
За створками все на виду:
до тридцать девятого тома
от первого (в верхнем ряду).
К томам этим чаще и чаще
спешу, как к надежности вех,
чтоб не заплутаться мне в чаще
вопросов, что ставит наш век.
Углами сдвигаются брови.
Слов и сегодня в бою.
В томах этих в чем-то и вровень
я с ленинской мыслью стою.

Июль — август 1975 г.

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ТРЕТЬЯ КАРТА

«И БУДЕТ НОЧЬ, И БУДЕТ УТРО...»

Связником оказалась женщина. Невысокого роста, с угольного цвета глазами и быстро появлявшимися ямочками на щеках, она показалась Штирлицу слишком уж яркой и беспечной. Это ощущение, видимо, родилось из-за того, что одета она была слишком броско: короткое платье, когда налетал ветер, открывало ее крепкие, спортивные ноги; вырез был слишком низкий — женщина знала, что она хороша, но ей было уже под тридцать, и поэтому она, видимо, перестала умиляться своей красотой и вела себя так, как это свойственно знаменитому, но мудрому поэту или актеру,— не реагируя на поклонение, не реагируя искренне, без того затаенного холодка счастья, которое сопутствует открытому выражению восторга у людей глупых и молодых, на которых обрушилась шальная известность.

Женщина была немкой — Штирлиц понял это по ее произношению, по тому, как она себя чувствовала в оккупированном городе, и по тому еще, как быстро и оценивающе оглядела Штирлица. Смотреть так, чтобы моментально сделать для себя утверждающий вывод, свойственно лишь европейцам. Люди Запада, как убедился Штирлиц, жили иным качественным и временным измерением, нежели русские. Отсюда, из Европы, ему казалось, что дома, несмотря на голод, трудности и лишения, люди убежденно верили, что уж чего-чего, а времени у них в избытке. Штирлиц много раз вспоминал писателя Никандрова, с которым сидел в камере ревельской тюрьмы двадцать лет назад, и его слова о том, что русские расстояния, их громадность накладывают отпечаток на психологию человека. Расстояния России сближали людей, в то время как ущербность европейских территорий людей разобщала, вырабатывая у них особое качество надежды на себя одного. Европеец убежден, что помочь ему может лишь он сам — никто другой этого делать не обязан. Надежда на себя, осознание своей личной ответственности за будущее родили особое, уважительное отношение ко времени, ибо человек реализуется прежде всего во времени, в том, как он слышит минуту, не то что час. Здесь — Штирлиц поначалу скрывал свое недоуменное восхищение этим — ни одна секунда не была лишней, каждое мгновение учитывалось. Люди жили в ощущении раз и навсегда заданного темпа: этому подчинялась манера поведения, интересы, мораль. В отличие от русского, который прежде всего хочет понять, зачем делать, здешние люди начинали утро с дела, с любого дела, придумывая себе его, если реального не было. Люди здесь, словно пианисты, подчинены ритму, и необходимые коррективы они вносят уже в процессе дела; главное — начать, остальное приложится.

...Женщина казалась резкой в движениях, рука у нее была сухая, сильная, с короткими пальцами, но в то же время податливая,— дисциплинированно податливая. Здешние женщины приучены не забывать, что они тоже способствуют д о с т и ж е н и ю успеха, ибо семья начинается с женщины, а в ней ценится главное: податливая и всепонимающая доброта.

— Как со временем?— спросил Штирлиц.

— Я уезжаю завтра утром.

— Вас зовут...

— Магда. А вас?

— Моя фамилия — Бользен.

— Фамилия явно баварская.

— В дороге ничего не случилось? Никто не топал следом?

— Я проверялась. Ничего тревожного.

— Вы из Берлина?

— Я живу на севере.

— Кто вы? Я имею в виду защитное алиби.

— Вы говорите со мной, как трусливый мужчина со шлюхой,— заметила Магда.

— А я и есть трусливый мужчина,— ответил Штирлиц, внезапно ощутив в душе покой, которого он так ждал все эти дни,— видимо, присутствие человека о т т у д а, подумалось ему, дало это ощущение покоя, но потом он решил, что любой человек о т т у д а, из дома, покоя не принесет; замечательно, что этим человеком оказалась женщина с податливой рукой и с гривой льняных волос, которые то и дело закрывают лицо, и тогда просвечивают угольки быстрых глаз и угадываются две быстрые, внезапные ямочки на щеках.

— Вы голодны, Магда?

— Очень.

— В нашем офицерском клубе можно неплохо поужинать, но там...

— Не надо. Здесь, в кафе, можно получить хлеб и повидло? Этого будет достаточно.

— Попробуем. О т т у д а никаких вестей?

— Я там была зимой,— улыбчиво солгала женщина.

— Легально?

— Во время ужасных холодов.

— Как там? Понимают, что вот-вот начнется?

— А на мне было осеннее пальто — в Ростоке ведь не бывает таких холодов, как т а м.

— Где вы остановились? — поняв, что женщина лгала ему, спросил Штирлиц.

— И мне пришлось купить белый, теплый платок со странным немецким названием «оренбургский».

Штирлиц улыбнулся и — неожиданно для себя — убрал волосы с ее лица.

— Я не проверял вас, но вы истинный конспиратор. Браво!

— Просто, видимо, вы не очень давно занимаетесь этой работой,— сказала женщина.

— Не очень,— согласился Штирлиц.— В этом вы правы. Можно вас спросить о профессии?

— Знаете что, не кормите меня разговорами. Будьте настоящим мужчиной.

— Вот кафе,— сказал Штирлиц.— Пошли?

Хозяин стоял за стойкой, под потолком жужжали мухи, их было много, они прилипали к клейкой бумаге и гудели, как самолеты во время посадки.

«Даже растение боится несвободы,— подумал Штирлиц,— и растет так, чтобы обойти преграды. А муха в сравнении с растением — мыслящее существо: ишь, как хитрит, ногами себе помогает».

— Вы говорите по-польски?— спросил Штирлиц Магду, и хозяин при звуке немецкой речи медленно опустил голову.

— Нет.

— Кофе, пожалуйста,— сказал Штирлиц хозяину, коверкая польскую речь.— И хлеба с джемом.

— Есть только лимонад,— ответил хозяин,— прошу пана.

— А где можно поужинать?

— Видимо, в Берлине,— тихо ответил поляк.

Штирлиц, оглядевшись, позволил себе улыбнуться — в кафе не было посетителей.

— Вы знаете адрес, где можно хорошо поужинать? Я уплачу по ценам рынка.

— За такие предложения людей увозят в тюрьму, прошу пана, я не знаю таких адресов.

— Едем в центр, Магда,— сказал Штирлиц.— Придумайте, где я мог вас встречать раньше: ужинать придется в нашем клубе.

— Что за клуб?

— Немецкий,— сказал Штирлиц, распахнув перед женщиной дверь.

— Это ненужный риск.

— Я рискую больше, чем вы.

— Неизвестно.

— Известно,— вздохнул Штирлиц.

— Вы могли встречать меня в Ростоке. Я преподаю там французский язык в женской школе. Если вы знаете Росток, то...

— Знаю. Но я не хожу в женские школы.

— Вы могли забрести на пляж.

— Какой?

— Городской. Там один пляж. Я купаюсь всегда слева, ближе к тому месту, где стоят яхты.

— Ну, вот и договорились. Вы член НСДАП?

— Нет. Я состою в организации «К счастью — через здоровье».

— Получается?— спросил Штирлиц, оглядев ее фигуру.

— Знаете, передайте-ка мне лучше то, что нужно передать, и я пойду на вокзал.

— Почему на вокзал?

— Все отели забиты.

— Где вы ночевали вчера?

— На Варшавском вокзале.

— Сколько времени вы пробудете здесь?

— Два дня. У меня путевка на два дня: я знакомлюсь со старинной столицей славянских варваров.

— Ну и хорошо. Пройдем этим переулком — там моя машина.

Когда Магда увидела «вандерер» с номером СС, лицо ее напряглось, ноги спружинились и каблучки зачастили по мостовой — «цок-цок-цок», как породистая лошадка-однолеток.

«Цок-цок, перецок»,— вспомнил Штирлиц что-то давнее, но очень ему дорогое. Он был убежден, что с этим связано нечто особо важное в его жизни, может быть, самое важное, но сколько он ни вспоминал — отпирая дверцу машины, садясь за руль, открывая противоположную дверь Магде, помогая ей устроиться,— вспомнить не мог, а потом времени не стало, ибо Магда, напряженно улыбаясь, сказала:

— Если это арест, то покажите ордер.

Голос у нее был испуганный, но в нем было то внутреннее д р о ж а н и е, которое свидетельствует о силе, но не о слабости.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37 — 44.

— Вот поужинаем, а потом предъявлю ордер,— пообещал Штирлиц и нажал на акселератор.— И ведите себя в клубе так, будто спали со мной. Добродетель вызывает подозрение: развратники рядятся в тогу добропорядочных отцов семейств, но верят только тем, кто спит с чужими женщинами.

— Слушайте, Бользен, зачем вы так играете со мной?

— Я ни с кем, никогда, ни при каких обстоятельствах не играю, Магда, ибо игра стала моей жизнью. Просто играть невыгодно: разрушает память. Игра предполагает ложь, и надо всю эту вынужденную ложь держать в голове, чтобы не сесть ненароком в лужу. И вам, между прочим, не советую играть — я старше вас лет на пятнадцать, нет?

— Мне двадцать восемь.

— На тринадцать, значит... А прошу я вас побыть со мной, потому что мне очень сейчас плохо, и я могу ненароком сорваться. Понятно?

— Понятно.— Магда убавила громкость в радиоприемнике.— Только вы нарушаете все правила.

— Хватит об этом. Умеете массировать?

— Что?!— снова испугалась женщина.

— Массировать, спрашиваю, умеете?

— Это легче, чем делать мою работу.

— Тогда помассируйте-ка мне затылок и шею — давление скачет.

Давление у него было нормальным, но сейчас, в эти дни, ему нужно было прикосновение друга — это так важно, когда в часы высших тревог, в минуты отчаяния и безнадежности кто-то, сидящий рядом с тобой, не ожидая просьбы, прикоснется пальцами к затылку, положит ладонь на шею, и ты почувствуешь чужое тепло, которое постепенно будет становиться твоим, и чувство обреченного одиночества уйдет, и станет пронзительно-горько, но ты уже сможешь понимать окружающее, а если ты смог понять, а не наталкиваться взглядом на безликое, серое, окружающее тебя, тогда можно заставить себя думать. А в самые тяжелые минуты человек всегда думает о том, как поступить.

«Господи,— испугался Штирлиц,— неужели ласка женщины нужна мне лишь как стимул к поступку? Неужели то прекрасное, обычное, человеческое, спокойное, нежное совсем ушло из меня? Неужели годы работы подчинили мое существо профессии?»

Тепло женской ладони вошло в него, и он сбросил ногу с педали акселератора, потому что сразу же, словно получив чужую команду, закрылись глаза. Он потер лицо рукой, жестко и больно. Это было только мгновение, когда он закрыл глаза. Улыбнувшись Магде, Штирлиц сказал:

— Вам бы сестрой милосердия, а не учительницей...

Лицо женщины стало иным сейчас — оно смягчилось, мелкие морщинки вокруг глаз-угольков разгладились, и ямочки на щеках не исчезли, как прежде, когда она слушала его внимательно, не поворачивая головы, а глядя прямо перед собой, как глядит красивая женщина, словно отталкивая людские взгляды, утверждая собственную принадлежность самой себе, свою от толпы свободу и — поэтому — право принадлежать тому, кому она принадлежать захочет.

(«Осознание собственной красоты, значимости, нужности не есть проявление нескромности,— подумал Штирлиц.— Наоборот, склонность человека принижать себя, неуверенность в своих силах, неверие в свою нужность и красоту только при внешнем исследовании кажутся скромностью. На самом деле сознание своей ненужности, неумелости, кажущейся своей некрасивости порождает стыдливость, которая переламывает человеческие страсти, делает их неестественными и, наконец, загоняет чувства внутрь, не позволяя им выявиться вовне».)

— Магда, вы любите смотреть на себя в зеркало?

— Только если приходится мазаться. Я довольно точно осознаю себя и без зеркала.

— Как вы думаете, если начнется война, чем это кончится?

— Поражением.

— Быстрым?

— Молниеносным.

— Почему?

— В тех, кто унижен и подмят Гитлером, нет ничего объединяющего. Все, что подвластно нацизму,— обречено.

— Ах вы, философ мой милый,— вздохнул Штирлиц.— Значит, говорите, молниеносное поражение?

— Вы думаете иначе?— Она на мгновение перестала массировать его потеплевшую («Красная, наверно») шею.— У вас есть основания думать иначе?

— Есть,— ответил Штирлиц.

Он затормозил возле военного клуба и помог Магде выйти. Было еще солнечно, но вечер угадывался в том накальном цвете неба, который в жаркие дни кажется дымным, серым, тогда как на самом деле он пронзительно-синий, легкий, разжиженный дневной жарой.

— Как мне звать вас?— спросила она, наклонившись к Штирлицу, пока он запирал дверь, и жесткие белые волосы ее, которые издали казались копной мягкого сена, тронули его щеку.

— Макс.

Он взял ее под руку, отворил дверь, вошел в полумрак клуба и придержал дверь, ожидая, когда следом за ним войдет Магда.

Метр, здешний фольксдойч, Штирлица в лицо не знал и поэтому потребовал документ. Штирлиц показал ему жетон СД, метр сразу преисполнился уважения и засеменил в зал первым. Он усадил Штирлица и Магду за маленький столик возле окна, забранного тяжелой шторой, которая пахла давней пылью, и подал им меню.

— Советую попробовать кролика, он сегодня неплох. Пиво, увы, безалкогольное,— метр позволил себе сострадающе усмехнуться — среди своих можно было подтрунивать над недостатками и трудностями,— но если у вас сохранились карточки, я постараюсь принести немного настоящего «рейнского».

— А обыкновенной водки у вас нет?— спросил Штирлиц.

— С этим труднее, но...

— Я очень прошу вас,— сказал Штирлиц, возвращая метру кожаное, дорогое меню, в котором была заложена глянцевая бумага с наименованиями двух блюд: кролик и рыба.

«Это хорошо, что она рядом,— снова подумал Штирлиц.— Интересно, дома поняли, что я на грани, и поэтому прислали женщину? Или простая случайность? Слава богу, я сейчас вправе ни о чем не тревожиться и просто ощущать подле себя женщину, которой можно верить».

— Я тоже десять раз за день думаю, что все будет молниеносно,— сказал Штирлиц,— и десять раз отвергаю это.

— А я стараюсь не менять своих убеждений,— заметила Магда и осторожно оглядела полупустой зал.

— Неправда.— Штирлиц достал сигареты и закурил.— Это неправда.

— Это правда.

— Не спорьте. Каждый человек пять раз в течение часа меняет свое мнение. Мнение — это убеждение,— пояснил Штирлиц,— его разновидность. Но в школе,— он внимательно посмотрел на женщину (он любил, присматриваясь к человеку, говорить, нанизывая слова, внешне — серьезно, внутренне — чуть потешаясь и над собой и над собеседником),— учителя, а дома — родители вдалбливают в голову детям, что быть переменчивым в суждениях — главный порок, свидетельствующий о человеческой ненадежности. Нас учат неправде, нас заставляют скрывать свои чувства. За этим — некая вторичность морали, нет? Люди до того боятся обнаружить перемену во мнениях, что делаются некими бронтозаврами, костистыми, без всякой игры и допуска. В этом, по-моему, сокрыто главное, что определяет философию буржуазности: скрывать самого себя, быть «как все». Одинаково думать о разном, давать одинаковые оценки окружающему. Раз ты стал кем-то, ты соответственно лишен права развиваться, думать, отвергать, принимать, то есть менять мнения. А если чудо? Если марсиане прилетят? Вы измените мнение о мироздании? Или скажете, что этого не может быть, потому что этого не может быть никогда?

Магда слушала его внимательно, нахмурившись, с интересом и явно хотела возразить, это в ней было с самого первого слова, произнесенного Штирлицем, но сейчас ей было нечем возразить, хотя желание возразить — он чувствовал это — в ней оставалось.

— Вы говорите, как хулиган,— улыбнулась она быстрой, неожиданной улыбкой.— С вами нельзя спорить.

— И не спорьте,— посоветовал он.— Все равно переспорю.

— Какой-то вы странный.

— Вас, верно, окружают мужчины влюбленные, поддающиеся вам, а я поддаваться не люблю, да и потом женщине это нравится только первое время, потом надоедает. Женщина сама призвана поддаваться: рано или поздно покорные мужские поддавания станут ей неприятны. В этом, наверное, высшая тайна: большинство семей отмечены печатью несправедливости.

Метр принес хлеб, масло, колбасу и графинчик с водкой.

— Тсс! Только для вас. Привезли из деревни, это — настоящее.

Штирлиц сразу же налил водку в рюмки. Магда положила свою ладонь на его руку: он держал рюмку сверху, за края, как колокольчик.

— Погодите. Не надо сразу,— попросила она.— Поешьте сначала.

— Меня хорошо кормят. Спасибо, Магда. Я выпью, а вы сначала перекусите, ладно?

Она осторожно убрала со лба волосы, не отрывая от него глаз, которые сейчас показались Штирлицу не угольками, а бездонными озерками в северной тайге среди маленьких стройных березок.

«А если не из Припятских болот?— подумал Штирлиц, вспомнив в деталях лицо молоденького фельдфебеля в особняке гестапо, где содержали Мельника.— А если это маневр? Логика моего размышления убедительна; коли и поверят, то поверят мне. С другой стороны, Гитлер может легко отринуть логику; его поступки, мысли, устремления лишены логики, ибо они не обращены на познание. Он самовыражается — какая здесь, к черту, логика?! Но, с другой стороны, самовыражаться ему помогают армия, дипломаты, партия, гестапо. Армия не захочет оказаться униженной после недавних побед. Армия будет гнуть свое. Гитлер вряд ли пойдет на разрыв с армией. Армия, видимо, сейчас стремится занять место, равное СС и партии. Это опасно. Это так опасно, что трудно даже представить себе. Армия — категория в Германии постоянная, все остальное преходяще».

— Вкусно?— спросил Штирлиц.

Магда улыбнулась. Улыбка у нее сейчас была другой, такой еще не было на ее лице ни разу. Что-то доверчивое, то, что Магда тщательно прятала в себе, появилось в ее улыбке.

— Знаете, мой папа работал в ресторане кельнером. Я приходила к нему, когда была маленькая, и хозяин разрешал угощать одного из членов семьи тарелкой супа. Это было в двадцать девятом, во время кризиса, помните?

Штирлиц кивнул головой и сделал еще один маленький глоток — водка отдавала свеклой.

— Повар был очень добрый человек, он подбрасывал в овощной суп мяса. Когда я начинала есть мясо, папа находил минутку, чтобы подбежать ко мне и спросить: «Вкусно?» Я очень боялась, что хозяин увидит мясо у меня в тарелке, и папа знал, как я этого боюсь, и он всегда подходил в тот момент, когда я озиралась по сторонам, начиная есть мясо. Он успокаивал меня своим вопросом, я это потом поняла, недавно в общем-то.

— Любите папу?

— Очень.

— Он жив?

— Нет.

— А мама?

— Жива.

— Маму любите больше?

— Нет. Я люблю ее по долгу, потому что она моя мать. Она никогда не понимала отца, он очень мучился из-за этого.

— Когда я первый раз встретил вас в Ростоке, вы были с каким-то мужчиной,— сказал Штирлиц, подумав, что в столе может быть аппаратура прослушивания. Он помог глазами

понять Магде, почему он задал ей этот игривый, нелепый, но вызывающий доверие вопрос.— Нет?

Магда какое-то мгновение смотрела на него потемневшими глазами, а потом в них снова проглянули озерца:

— Это был мой приятель, Макс. Он был очень славным, но глупым человеком, и мне не хотелось вас знакомить. Поэтому,— чуть помедлив, добавила она.

«Умница. И быстрая. Какое же счастье, что я сейчас не один»,— снова подумал он и вдруг устрашился сходства, промелькнувшего в лице Магды, с тем единственным женским лицом, которое постоянно жило в нем эти годы.

На эстраде тихо, стараясь не грохотать стульями, рассаживались музыканты. Они очень осторожно переставляли пюпитры, доставали из футляров инструменты и говорили вполголоса.

«Несвобода — это когда люди веселья должны вести себя, как тяжелобольные, забитые существа,— подумал Штирлиц.— Частность, но во всех странах, куда приходит Гитлер, музыканты в ресторанах меняются, и приходят тихие старики. А до этого были молодые ребята».

Скрипач взмахнул смычком, и музыканты заиграли «Нинон, о моя Нинон, солнца светлый луч, для тебя одной!».

— Это красиво пел Ян Кипура,— сказала Магда,— а они играют пошло.

— Они играют для чужих и то, что чужим нравится.

— Налейте мне водки, пожалуйста. Чуть-чуть.

— Чуть-чуть имеет разные объемы,— улыбнулся Штирлиц.— Показывайте глазами — сколько.

И в это время в клуб вошли Диц и Омельченко с женой.

Диц сразу же заметил Штирлица, помахал ему приветственно рукой, Омельченко раскланялся, а Елена, рассеянно оглядев зал, так и не смогла увидеть его. Они сели за столик возле эстрады — заранее зарезервированный,— и Штирлиц сразу же услышал раскатистый бас Дица, оберштурмбаннфюрер рассказывал Елене что-то веселое, путая словацкие, немецкие и русские слова. Штирлиц успел заметить, как Елена проводила глазами тот взгляд, который Омельченко бросил на молоденькую официанточку, разносившую сигареты и шоколад, прикоснулась пальцами к сильной кисти Дица, что-то шепнула ему, и они пошли танцевать. Когда Омельченко оказался за спиной Дица, тот подмигнул Штирлицу, скосив глаза на голову Елены.

— Какой милый, интеллигентный человек, не правда ли?— заметив подмигивание Дица, спросила Магда и посмотрела в глаза Штирлица.

— О, да! Прелестный, добрый человек, настоящий интеллигент. Попробуем заказать кофе в другом месте, нет?

— Кофе есть на моем вокзале.

— Поехали на вокзал,— согласился Штирлиц.— Я люблю мерзнуть на вокзалах.

— Наоборот, жариться,— вздохнула Магда.— На вокзале сейчас страшная духота.

Но они не успели расплатиться и уйти, потому что к их столику подошел Диц.

— Добрый вечер,— сказал Штирлиц.— Познакомьтесь, дружище. Это моя добрая знакомая из Ростока.

— Диц...

— Очень приятно, садитесь к нам,— ответила Магда, протянув ему руку, и Штирлиц отметил ту внутреннюю свободу, с которой женщина познакомилась, не назвав себя.

«Она говорила про себя неправду,— убедился Штирлиц,— она живет по легенде. Девочка из кухни вела бы себя иначе. А сейчас в ее словах была та мера уважительного презрения, которое люди типа Дица не ощущают».

— Надолго в наши края?— спросил Диц.

— Нет, увы,— ответила Магда.

— Как устроились? Здесь сейчас довольно тяжело с пристойными отелями.

— Я экспериментатор по складу характера.— Магда чуть улыбнулась.— Чем хуже, тем интереснее.

Диц внимательно оглядел лицо женщины, и его стремительная улыбка показалась Штирлицу чуть растерянной.

— Хотите что-нибудь выпить, Диц?— спросил Штирлиц.

— Благодарю,— ответил он,— если ваша очаровательная подруга извинит меня, я бы хотел сказать вам пару слов, Штирлиц.

— О, конечно,— сказала Магда.— Бойтесь женщин, которые не любят особые дела мужчин...

Диц отвел Штирлица к бару, заказал две порции «якоби», не спрашивая, что тот хочет пить — знал, видимо, из данных гестапо, что оберштурмбаннфюрер заказывает в ресторанах во время встреч с агентурой именно «якоби», чаще всего «доппель» — восемьдесят граммов.

— Где я мог видеть вашу подругу?— спросил Диц.

— В Ростоке.

— Нет, я видел ее в Берлине.

— Она иногда наезжает.

— Не напускайте тумана, Штирлиц. Она живет в столице — я пока еще могу отличить провинциалку от берлинской штучки.

Острая тревога внезапно родилась в Штирлице.

— Ах вы, мой проницательный Пинкертон,— сказал он, казня себя за то, что привез Магду в этот клуб.

А Диц не зря задал Штирлицу этот вопрос: сегодня утром он получил с фельдсвязью фотографию графини Ингрид Боден-Граузе. (Мюллер униженно лгал Гейдриху, выпрашивая спецсамолет РСХА, потому что служба наружного наблюдения потеряла эту «аристократическую стерву» — ее пересадил в свой «даймлербенц» Гуго Шульц, и на Восточном вокзале, где ее ждали агенты, она не появилась: Гуго придумал легенду, по которой Ингрид, потеряв билет, попросила догнать поезд у Франкфурта и там купить любое место на первый проходящий экспресс. Билет ее они подбросили на одной из улиц по дороге на Кёпеник, заложив его в тот журнал, для которого Ингрид писала,— так что в легенде все было правдой, кроме самого факта «потери». Однако говорить, что наружное наблюдение потеряло Боден-Граузе, шеф гестапо Мюллер не мог, поскольку «наружники» подчинялись его отделу, и он не хотел давать против себя карты Гейдриху, который недолюбливал его за «деревенские манеры, излишнюю жестокость и колебания в дни, когда начиналось наше движение».

Мюллер, впрочем, не говорил, что его люди «ведут» аристократку — он не мог подставиться на лжи,— он лишь настаивал на том, чтобы Диц не терял времени зря: Мюллер, как и Гейдрих, не очень-то верил теории «словесного портрета» — он предпочитал доверять фотокамере и подробным донесениям агентуры.)

Два часа назад фельдъегерь передал Дицу восемь фотографий Ингрид Боден-Граузе — красивая брюнетка. Со Штирлицем, однако, сидела блондинка, только овал лица и глаза были чертовски похожи.

— Слушайте, Диц, оставьте в покое мою девку. С вас не спускает глаз жена подвижника славянской поэзии.

— Вы с ума сошли,— ответил Диц, и в голосе его Штирлиц уловил для себя то, что ему очень хотелось услышать.— Эта баба интересует меня с точки зрения наших интересов.

— Она пойдет на это,— уверенно, посерьезнев лицом, подыгрывая Дицу, сказал Штирлиц, чуть понизив голос.— Интересный вариант, Диц, очень интересный вариант...

— Тогда пригласите к себе за стол Омельченко. Одного,— попросил Диц.

— Сейчас?

— Я хочу сегодня же оформить наши отношения, она будет для нас небезынтересна, потому что Омельченко из породы тех, кто себе на уме. Не очень-то доверяйте его пришибленности: евреи точно так же ведут себя в нашем обществе.

— А завтра вы не можете все это провести?

— Я недолго. Я пью с ними уже третий час... А завтра будет очень хлопотный день... Или у вас намечено мероприятие с блондинкой из Ростока?— многозначительно добавил Диц, просияв еще более широкой улыбкой.

Что-то такое промелькнуло в лице Дица, в больших глазах его, когда он сказал про «мероприятие», что Штирлиц еще более уверовал в правильность своей мысли.

— Хорошо,— сказал он,— отправляйте ко мне Омельченко. Но как вы объясните ему свое отсутствие? Вы же уедете отсюда, нет?

— Мы вернемся через час. Это максимум.

Штирлиц вздохнул:

— Давайте себе отдых, Диц, нельзя сжигать себя — даже вечером вы бредите работой. Это, конечно, прекрасно, но если сломаетесь, кому вы будете нужны? Рейх ценит сильных работников.

— Ничего.— Диц успокоил Штирлица, и снова самодовольная, внезапная улыбка изменила его лицо,— я чувствую в себе достаточно силы.

...Омельченко, пересев к ним за столик, от водки не отказался и сразу же начал говорить — мудрено, изысканно, о поэзии и живописи, об их взаимоисключающей взаимосвязанности — с явным желанием понравиться Магде.

Штирлиц, слушая его, думал быстро и жестко, пьяная болтовня Омельченко не мешала ему, и, наконец, он принял решение.

— Магда, ждите меня здесь,— внезапно сказал он.— Я предупрежу метра, что вы задержались по моей просьбе.

— Я буду опекать фройлейн,— пообещал Омельченко,— и занимать ее танцами, если позволите.

— Лучше занимайте меня разговором,— попросила Магда, внимательно посмотрев на Штирлица. Он чуть прикрыл глаза, успокоив ее, и пошел к выходу быстро, чуть даже склонившись вперед, как человек, остро ощущающий время, данное, конкретное время, от которого зависит успех или неуспех его задумки.

В машине он, наоборот, замер, словно бы оцепенел, впившись пальцами в холодную баранку, и сидел так с минуту. Он думал о том, где сейчас Диц может быть с Еленой. Он не мог ошибиться. Лицо Дица, чувственное и тяжелое, было так полно нетерпения и похоти, когда он пил «якоби».

«Дурашка. Он решил, что мы с ним пришли сюда с одним и тем же делом,— рассуждал Штирлиц.— Поэтому он обратился ко мне. Он все рассчитывает по своей логике и в меру своих умственных возможностей. Он может, конечно, вербовать эту Елену — находка невелика, хотя, может, и похвалят за расширение агентурной сети. Но если я прав и если ты поволок в постель эту бабу, которая очень не любит своего мужа, тогда ты станешь моим рабом, Диц. За связь с иностранкой полагается партийный суд. Если я сделаю то, что я решил сделать, тогда мне не будут страшны твои холодные вопросы о Магде, и твоя проклятая зрительная память, будь она неладна, и весь ты — более того, ты очень будешь нужен мне в ближайшие дни, как никто другой, Диц».

Штирлиц должен был рассчитать, куда Диц повез Елену. Конспиративные квартиры гестапо на Пачлиньской и Славковской были забиты бандеровцами и мельниковцами. Организационные вопросы решались в краковском управлении гестапо — туда оуновцев не допускали. Когда Штирлиц спросил Дица, надежно ли в их офицерской гостинице на Плянтах, что напротив Вавеля, тот ответил, что сейчас самое надежное место именно в этом отеле — никто из посторонних не имеет права входа, «только в сопровождении наших людей».

Штирлиц включил зажигание, медленно закурил и поехал в отель.

Портье он спросил рассеянно, скрывая зевоту:

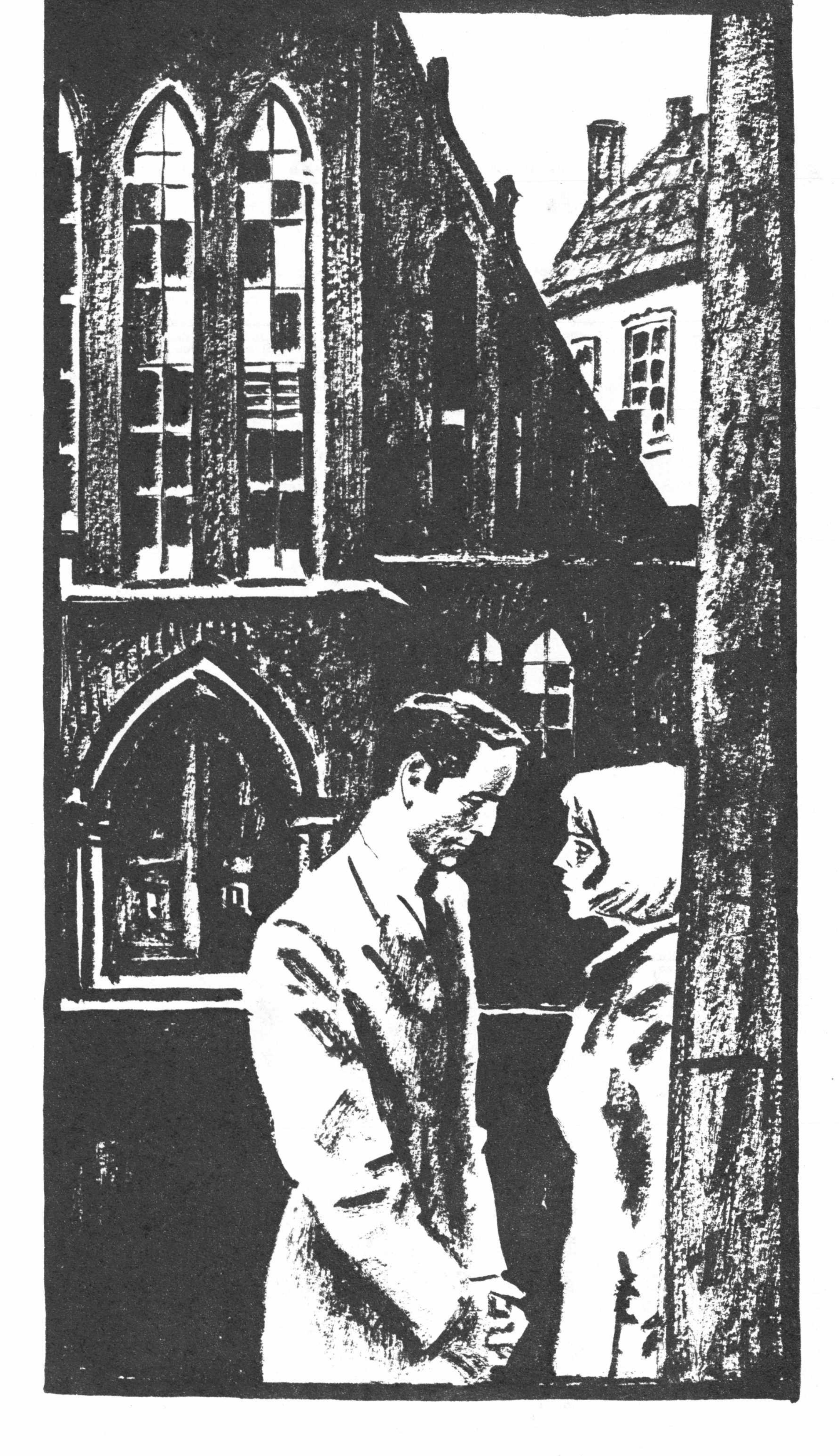
— Оберштурмбаннфюрер Диц уже у себя?

— Он пришел двадцать минут тому назад, господин Штирлиц. Он просил предупредить, что будет занят по работе полчаса.— Портье глянул на часы.— Соединить?

— Нет, нет. Благодарю вас. Я подожду его у себя.

Штирлиц похлопал себя по карманам, сосредоточенно нахмурился, снова похлопал себя по карманам, досадливо щелкнул пальцами:

— Черт возьми, мой ключ остался на работе... У вас есть ключ ко всем дверям, нет?

— Да, конечно.

— Дайте, пожалуйста, на минуту ваш ключ.

— Я открою вам дверь, оберштурмбаннфюрер...

— Дайте ключ,— повторил Штирлиц,— не уходите с поста, я сам умею открывать двери.

В их гостинице были особые замки: изнутри вместо скважинки — кнопка. Ключ, таким образом, внутри оставить нельзя. Нажмешь изнутри кнопку — дверь заперта, повернешь ключ снаружи — открыта.

Штирлиц подошел к двери того номера, где жил Диц, и прислушался: было включено радио, передавали концерт Брамса.

«Кажется, третий»,— машинально отметил Штирлиц и мягко повернул ключ, который подходил ко всем дверям — в военных гостиницах было вменено в обязанность иметь такой универсальный ключ. Он вошел в маленькую темную прихожую тихо, на цыпочках. Музыка неслась из комнаты, одна лишь музыка. Штирлиц рывком распахнул дверь. С большой тахты взметнулся Диц, который показался сейчас Штирлицу рыхлым и нескладным: в форме он всегда был подтянут. Елена медленно натягивала на себя простыню. Диц выскочил в прихожую — лицо его стало багровым.

— Бога ради, извините,— сказал Штирлиц.— Там Омельченко устраивает истерику...

— Штирлиц, слушайте,— Диц растерянно потер щеки, и на них остались белые полосы,— слушайте, это какой-то бред.

Штирлиц похлопал его по плечу:

— Продолжайте работу. И поскорее возвращайтесь.

— Штирлиц, что у вас в кармане? Вы фотографировали? Слушайте, не делайте подлости, я же ваш товарищ...

— Заканчивайте работу,— повторил Штирлиц,— и поскорее возвращайтесь. Потом поговорим. Ладно?

— Погодите, поймите же,— забормотал Диц, но Штирлиц не стал его слушать, повернулся и вышел.

...Он долго сидел за рулем, ощутив страшную усталость. Он затеял драку, и он победил в первом раунде, получив такого врага, который теперь не остановится ни перед чем.

«Неверно,— возразил себе Штирлиц.— Не надо придумывать человека, исходя из собственного опыта. Люди разные, и, если проецировать на себя каждого, с кем сводит жизнь, тогда можно наломать много дров и провалить все дело. Нет, он раздавлен теперь. Он будет другим, хотя постарается казаться прежним. Он будет успокаивать себя тем, что я, был один, без свидетелей; он будет убеждать себя, что показания Елены, если ее вызовут, не примут во внимание — какая-то полурусская украинка, ей нет веры. Но это все будет на поверхности его сознания. Внутри он уже сломан. Он станет гнать от себя эту мысль. И я должен помочь ему в этом. Я должен сделать так, чтобы он испытывал ко мне благодарность — как арестанты, которых они готовят к процессу: те тоже начинают любить своих следователей и верить им».

...Вернувшись в клуб, Штирлиц сказал Омельченко, что он вынужден откланяться в связи со срочными делами, а господин Диц и Елена едут следом: она хотела посмотреть вечерний город.

— Пойдем, Магда,— сказал Штирлиц, протянув женщине руку,— пойдем, голубчик.

Он долго возил ее в машине по городу, не говоря ни слова — просто крутил по красивым, опустевшим уже (комендантский час) улицам и ощущал в себе покой, потому что она была рядом, и Диц теперь не посмеет его спросить, что это за женщина, каких она кровей, чем занимается и часто ли путешествует. Он мог бы, конечно, и не ответить, но в таком случае Диц получит искомое основание обратиться за санкцией к руководству — выяснить самому, что это была за женщина, каких кровей, откуда и почему. И он бы выяснил. Это уж точно.

На берегу Вислы Штирлиц остановил машину, оперся подбородком на руль, вздохнул прерывисто и, кивнув головой, сказал:

— Смотрите на воду — здесь поразительно отражаются звезды. Они плывут.

«Я должен был накормить ее,— внезапно подумал Штирлиц, словно бы продолжая спор с самим собой, такой спор, который продолжать не хочешь и боишься того момента, когда этот спор начнется.— Только поэтому я повел ее туда. Только поэтому,— повторил он себе, стараясь заглушить другие слова, которые были в нем до того, как он произнес эти, самооправдывающие, и он услыхал эти слова именно потому, что не хотел их слышать.— Ты привел ее туда от отчаяния, вот почему ты привел ее, Максим. Она, как пуповина для тебя, она связь, а тебе сейчас очень страшно, и ты мечешься, ты в панике, оттого что не знаешь, как сделать так, чтобы тебя услышали. И тебе было очень страшно все это время — до тех пор, пока не приехала Магда. Магда? Да какая она Магда?! Никакая она не Магда. И давай больше не врать друг другу. Для того, чтобы врать другим, нужна хорошая память, а себе врать слишком опасно: можно кончить в доме умалишенных».

Словно угадав его, Магда тихо сказала:

— Поворачивайтесь спиной — я как следует помассирую вам шею, бедненький вы мой...

Продолжение следует.

ПЯТЬ БРАТЬЕВ ВИШНЯКОВЫХ

Братья Вишняковы.

У крестьян деревни Шестаки Константина Александровича и Евдокии Яковлевны Вишняковых родилось пять сыновей. До Великой Отечественной войны только старший, Алексей, был военным, остальные имели мирные профессии. Михаил был партийным работником на одном из ленинградских заводов, Николай — зоотехником, Иван — студентом. Самый младший, Павел, работал на Кировском заводе.

С первых дней Великой Отечественной войны все братья встали на защиту Родины. Алексей служил в авиации, Михаил защищал город Ленина, Николай воевал на Ленинградском и Волховском фронтах, Иван стал военным врачом, Павел водил боевые самолеты, бил фашистов в Прибалтике, под Сталинградом, на южных фронтах. Братья имели ранения, но все остались живы. Алексей закончил войну подполковником, Михаил — старшим лейтенантом, Николай — майором, Иван — полковником, Павел — капитаном. За боевые заслуги братья награждены многими орденами и медалями.

Два старших брата, Алексей и Михаил, ушли на заслуженный отдых. Николай стал ученым и сейчас работает в научно-исследовательском институте. Иван тоже защитил кандидатскую диссертацию и работает в Москве. Только самый младший, Павел, не оставил военной службы. В день 30-летия Победы ему присвоено звание инженера-полковника.

Н. НИЗОВСКИХ

Барнаул.

ПАМЯТЬ О СЕБЕ

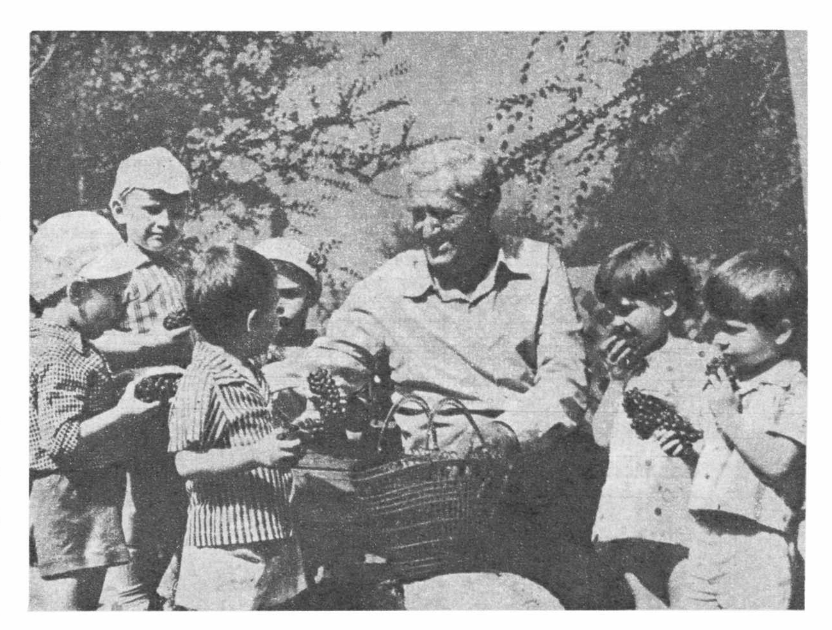
Детвора всегда рада дедушке Марку. Высокий, сильный, с большими, натруженными руками, спокойной, неторопливой походкой проходит он в калитку детского сада. В корзинке у него тугие, спелые гроздья винограда — любимого лакомства ребят. Виноград этот Марк Харитонович Карелов выращивает в собственном саду.

Долгую, беспокойную жизнь прожил М. Х. Карелов, но куда бы ни забрасывала его судьба, чем бы он ни занимался — всюду он находил время для работы на земле.

В тридцатые годы Карелов жил в Забайкалье близ станции Даурия. Морозы за пятьдесят, скальный грунт, а он задумал березы высадить прямо тут. Немало пришлось потрудиться, и поднялась в степи чудесная березовая роща. Давно покинул он эти места, а память о себе оставил. Встретил он как-то знакомого, приехавшего из Даурии, и узнал, что роща его жива.

Приехав в Джезказган, М. Х. Карелов занялся лесопосадками. Вырастил чудесный сад. Есть в нем диковинные для этих мест алма-атинский апорт, грецкий орех, румынский чернослив. На городской выставке цветоводства и овощеводства экспозиция Карелова пользовалась наибольшим успехом.

М. УЧЕНИК,
редактор Джезказганского телевидения

М. Х. Карелов с детьми детского сада ордена Трудового Красного Знамени треста «Казмедьстрой».

Фото Г. Ячменева

НА РОДИНЕ СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО

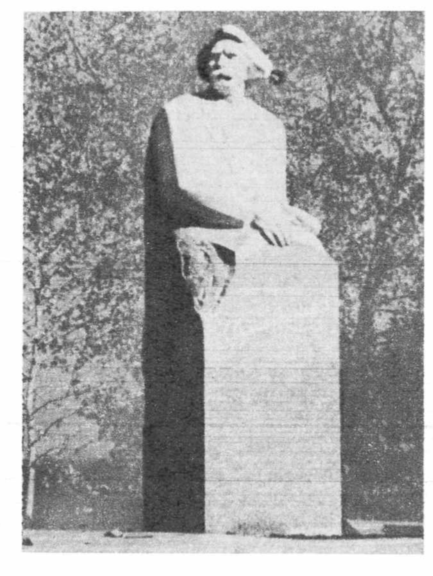

Фото Е. Камышникова

В дни празднования 100-летия выдающегося русского советского писателя С. Н. Сергеева-Ценского на тамбовской земле, где он родился и провел юные годы, был открыт памятник автору «Севастопольской страды» и других известных произведений.

Памятник (скульпторы С. Лебедев и П. Вельцен, архитектор А. Куликов) установлен в Тамбове, на берегу Цны.

Тамбов.

ВСЮ ЖИЗНЬ МЕЧТАЮ ПОБЫВАТЬ В ВЕШЕНСКОЙ...

Мне понравился № 21 «Огонька», посвященный моему любимому писателю — Михаилу Александровичу Шолохову.

М. Шолохов — глыба и талантище! «Тихий Дон» читаю, когда горе и радость, когда боль и тоска — словом, всегда и с любого места, но особенно люблю главы «Тихого Дона», где написано о приезде Григория за Аксиньей, смерти Аксиньи, возвращении Григория домой... Плачу, горло сжимает тисками, а глаза все ищут, ищут строки, великие строки правды жизни...

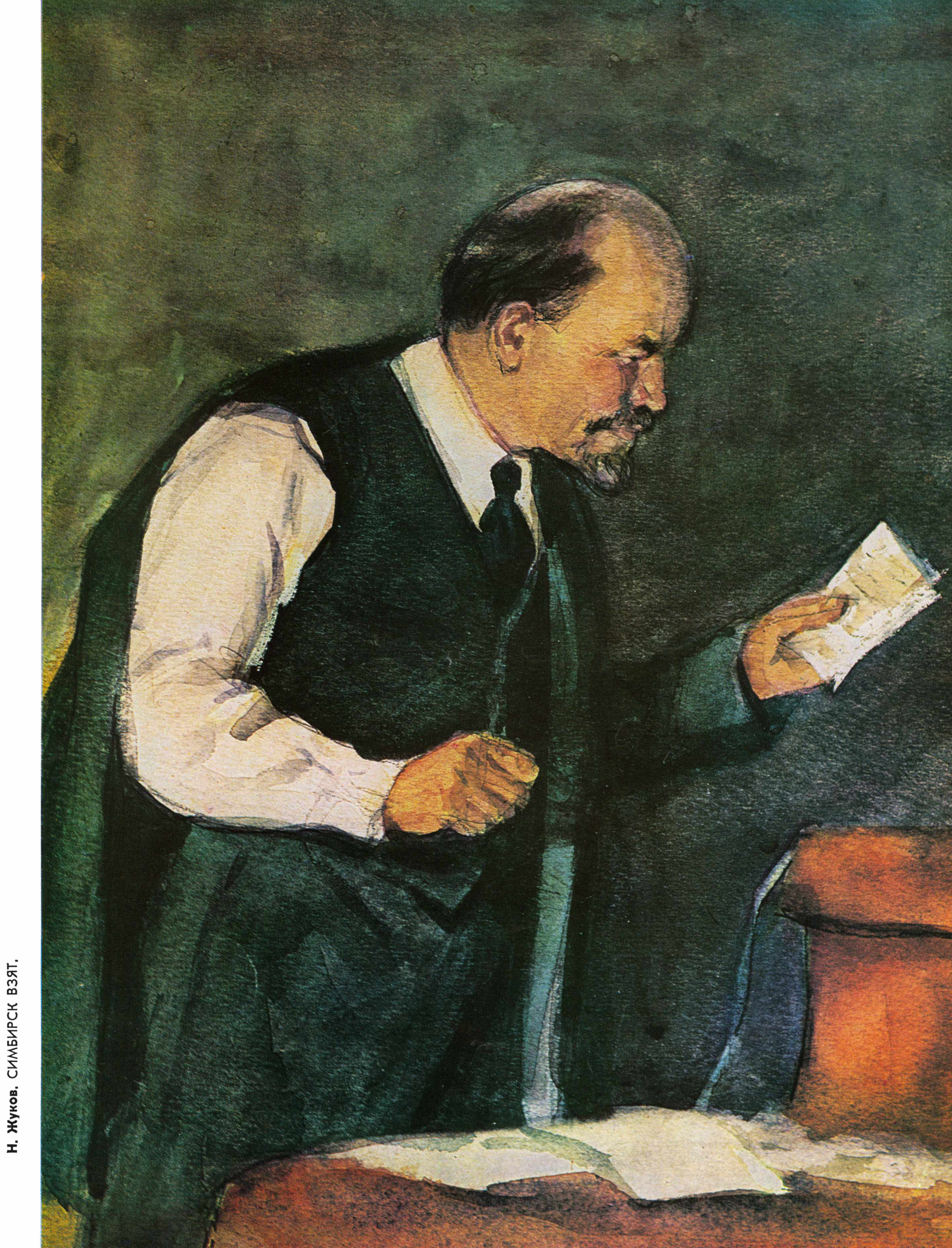
Для меня Аксинья, Григорий, Давыдов, Нагульнов, Андрей Соколов, Петр Лопахин и другие — это не вымышленные герои, а живые, конкретные люди, рожденные силою шолоховского гения, силою его волшебства.

Просто не верится, что Михаилу Александровичу уже 70 лет. Но годы не властны над талантом М. Шолохова. Он будет жить до тех пор, пока на земле будет жить хоть один советский человек, да и другие народы земли уже поняли и оценили силу шолоховского слова.

Я всю жизнь мечтаю побывать в Вешенской. Много ездила по стране, бывала в Ростове, в Цимлянске, издали через Дон кланялась Вешкам и ее дорогому жителю — Михаилу Александровичу. Так сложились дела, что в знаменитую станицу я не попала. А очень, очень хочу побывать там...

Е. ГРИГОРЬЕВА,
капитан запаса

Москва.

Н. Жуков. СИМБИРСК ВЗЯТ.

Н. Жуков. ВЕЧЕРНИЕ ЧАСЫ.

Записки вратаря

Лев ЯШИН

4

ВИДИМЫЕ И НЕВИДИМЫЕ МИРУ СЛЕЗЫ

Это была жуткая сцена. Не верилось, что все происходит не на сцене, а в жизни. Казалось, вот-вот вспыхнут юпитеры, застрекочут кинокамеры и начнется съемка эпизода под названием «Истерика».

По узкому бетонированному туннелю брел человек. Он издавал какие-то нечленораздельные вопли — смесь проклятий, рыданий и стонов. И каждый свой шаг он отмечал страшным ударом кулака о шершавую поверхность стены, оставляя на ней кровавые отметины.

Но нет, то была не театральная мизансцена и придумал ее не драматург, а сама жизнь.

Не прошло и двух часов с того момента, как футболисты сборной Уругвая стали в центре поля рядом с нами, напружинившиеся, пританцовывающие на месте от бьющего через край нетерпения ринуться в бой. И когда после свистка судьи мяч полетел на нашу половину, стадион маленького чилийского городка Арика, почти целиком забитый прилетевшими из Уругвая болельщиками, взвыл от восторга.

Арика, рабочий город, расположенный в горах, на самой окраине Чили, по воле жребия стал нашим временным пристанищем на чемпионате мира 1962 года. Нашим и еще трех команд — Югославии, Уругвая и Колумбии. Две лучшие команды выходили в четвертьфинал.

И для нас и для уругвайцев это был уже второй матч. В первом мы встретились со сборной Югославии — командой, с которой наши пути в те годы скрещивались повсюду: на Олимпийских играх в Хельсинки и Мельбурне, в финале Кубка Европы. В Арике мы победили сильную и хорошо сыгранную югославскую команду 2 : 0. Уругвайцы потеряли очко во встрече с Колумбией, считавшейся в нашей группе слабейшей, и потеря очка отняла у них право проиграть нам: лишь победа оставляла им реальную надежду на место в четвертьфинале.

Накануне игры местные газеты напечатали интервью с руководителями уругвайской сборной, и те назвали огромные денежные суммы, которые обещаны игрокам за победу. Нас эти цифры не удивляли: для такой страны, как Уругвай, некогда владевшей «Золотой богиней», располагающей такими всемирно известными клубами, как «Пеньяроль» и «Насьональ», футбольный престиж превыше всего. Мы понимали: предстоящий матч будет бурным.

Нам вообще нелегко было в Арике. Уж слишком далеко от дома забросила нас футбольная судьба. В любом другом чилийском городе нам было бы легче: там можно найти московскую газету, дозвониться до своих. В Арике все это исключалось. Впрочем, и лишенные живой, осязаемой связи со своей страной, мы знали, что там за каждым нашим шагом пристально следят миллионы людей, радуются нашей удаче в матче с югославами, ждут новой в матче с уругвайцами. И хотя нам никто не сулил денежных кушей, мы были решительно настроены на борьбу, на победу.

Темперамент уругвайцев то и дело выплескивался наружу во время игры и вел к стычкам, порой переходившим в самые настоящие рукопашные бои. Пожалуй, ни до, ни после того мне не приходилось участвовать в столь жестоком матче. Атмосфера накалилась сразу же, и если гроза и не разразилась, то заслуга в этом наших ребят. Команда сумела сохранить самообладание. Ярче всего оно проявилось в тот момент, когда после удара Игоря Численко мяч оказался в сетке ворот. Уругвайцы обступили судью, доказывая, что гола не было, а он твердой рукой показал на центр. Бог знает, к чему могла привести эта словесная перепалка, если бы не Игорь Нетто. Он подвел судью к воротам, показал ему дыру в сетке и объяснил, что мяч влетел в сетку через эту дыру, и Численко подтвердил заявление нашего капитана.

Гол не был засчитан. В тот момент мы вели 1 : 0, и второй мяч решал многое. В такой обстановке истинно джентльменский жест нашего капитана должен был показать, что нечестной борьбы и нечестного выигрыша нам не надо, но неисповедимы пути, какими бродят мысли в разгоряченном человеческом мозгу. То ли увидели уругвайцы в этом жесте проявление нашей самоуверенности, то ли оскорбительную недооценку их сил. Так или иначе, наша демонстрация джентльменства и выдержанности возымела неожиданные последствия: уругвайцы ожесточились еще больше.

Но хоть и неприятно было играть против столь злого противника, многое в его поведении не могло не вызвать уважения. И то, что сражались уругвайцы за победу доблестно, до последней секунды. И то, что, нанося удары соперникам, не ныли, когда получали ответные. И то, что не паниковали, когда влетали в их ворота мячи. И то, что рвались к нашим воротам, презирая опасность.

И вдруг по свистку судьи об окончании матча одиннадцать молодых, сильных, достойных уважения мужчин превратились в жалких истериков. Падает на траву и бьется в конвульсиях вратарь, одни рыдают в голос, другие молча размазывают по лицу слезы, а самый лучший, самый известный и самый стойкий из игроков — центральный нападающий Саска разбивает в кровь кулаки.

Вот вам и игра. Вот вам и забава...

Какая там забава! Давно уже перерос большой футбол рамки развлечения. Для тех, кто попадает в его орбиту, он становится делом жизни. Победа на крупных турнирах возносит человека на вершину славы и дарит ни с чем не сравнимое счастье, поражение равнозначно крушению надежд, воспринимается как непоправимое несчастье.

Век футболиста короток: не поймал миг удачи сегодня — завтра будет поздно, твое место жаждут занять десятки молодых, тщеславных, не знающих пощады. И каждый матч большого футбола — это не только финты и пасы, удары по воротам и броски вратарей, это еще и потоки видимых и невидимых миру слез и рвущийся наружу восторг победителей.

Не знаю, как кому, а мне вид поверженных, раздавленных отчаянием соперников омрачает радость победы. В такие минуты мне неловко не то что выказывать радость, мне неловко в такие минуты встречаться с побежденным взглядом. Я ставлю себя на его место. Разве я сам не бывал в его положении? Или не мог оказаться сейчас? Каково было бы мне видеть торжество победителей, их сверкающие взгляды?

Вот почему я против диких плясок триумфаторов, неумеренных выражений восторга, бурных объятий. Есть в таких проявлениях нечто недостойное настоящего мужчины и настоящего мастера, которого сдержанность лишь украшает. Ну, ладно, забил ты хороший гол, взял трудный мяч, победил, наконец. Так на то ведь ты и мастер и забивать или брать мячи — твоя обязанность. И надо горевать, если ты с ней не справляешься. А терять чувство собственного достоинства на глазах тысяч людей, проявлять неуважение к себе и своему товарищу по футболу — такое может лишь унизить и тебя самого и твое дело.

Да, жаль мне тогда было уругвайских парней. Но к жалости примешивалось и другое чувство. Если не бояться называть вещи своими именами, я бы назвал его брезгливостью. Уж очень противоестественно такое зрелище: истерически рыдающий мужчина. Это еще почище ритуальных плясок победителей. Даже не представляю, существует ли вообще жизненная ситуация, при которой можно было бы оправдать молодого, полного сил, пышущего здоровьем спортсмена, ревущего на людях в голос. Конечно, побежденному иной раз трудно сдержать слезы — это я понимаю, сам это испытывал, но выплеснуть свои слезы публично, не удержаться до того момента, когда останешься наедине с самим собою,— такое простительно разве что юной фигуристке, но уж никак не футболисту.

Моя футбольная жизнь сложилась в общем и целом счастливо. Однако трагических моментов было и у меня предостаточно. И самые горькие минуты я пережил тут же, в Арике, вскоре после встречи с уругвайцами.

Вот как все это произошло...

Следующий матч — с Колумбией — мы свели вничью — 4 : 4. Это была одна из игр, воспоминания о которой не очень приятны. Началась она для нас более чем благополучно. Во втором тайме мы вели 4 : 1, и дело пахло еще более крупным счетом, и вдруг все полетело вверх тормашками. Колумбийцы подавали угловой. Мы расположились по обычной схеме: я занял место у дальней от бившего стойки ворот, Гиви Чохели, наш левый защитник,— у ближней. А между Чохели и угловым флангом встал Игорь Нетто, чтобы при случае отбить летящий мимо него мяч. Мяч и в самом деле пролетел мимо Нетто, едва не задев нашего капитана, но он лишь увернулся от мяча — боялся, что снова выбьет его на угловой, а тот, как сказочный колобок, уйдя от Нетто, полетел прямо на ногу Чохели. Я крикнул: «Гиви, играй!» Как оказалось после, Гиви показалось, что я кричу: «Гиви, играю!» Так или иначе Чохели повторил маневр Нетто, и мяч, никого не задев, влетел в сетку.

В общем-то, ничего страшного не произошло: 4 : 2 — тоже неплохо. Тем более, что игра шла к концу. Но что-то резкое сказал я в тот момент Нетто и Чохели, они не замедлили ответить, в перебранку вмешался кто-то из форвардов: «Вот, мол, мы забиваем, а вы только пропускаете...» Мы с возмущением отпарировали этот наскок. И вспыхнувший разлад не замедлил сказаться на игре. Колумбийцы забили нам еще два мяча и в последние пять минут непрерывно атаковали, доставив мне больше неприятных хлопот, чем за все остальные восемьдесят пять минут. Все обошлось благополучно, от поражения мы ушли, да если бы и не ушли, в четвертьфинальную часть чемпионата все равно бы попали. Уже потом, когда все для нас в Чили кончилось, ребята говорили: «Может, было бы лучше проиграть: заняли бы мы тогда в группе не первое, а второе место и играли бы следующий матч не на поле Арики, а на другом». Но мы остались в Арике и встретились в четвертьфинале со сборной Чили, которая прибыла к нам в сопровождении тысяч своих болельщиков.

Если матч с Колумбией мне вспоминать неприятно, то игра с Чили до сих пор кажется просто каким-то кошмарным сном. Чилийская команда была слабее нас, слабее югославской и уругвайской команд. Но в Арике, несмотря на то, что чилийцы играли не лучше, чем обычно, мы проиграли.

Рецензируя такие матчи, как этот, четвертьфинальный, журна-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 41, 43, 44.

листы обычно пишут: «Игра проходила при подавляющем преимуществе одной из команд». И действительно, не могу припомнить и сосчитать всех ситуаций, когда мы обязаны были забить, просто не могли не забить гол. Наши нападающие выходили на удобнейшие позиции, наносили, казалось бы, неотразимые удары, но Виктор Понедельник, Слава Метревели, Валентин Иванов безбожно мазали, а то мяч отскакивал в поле, попав в штангу.

У наших ворот опасные ситуации возникли за девяносто минут всего лишь трижды, но в самом начале игры, когда кто-то из чилийцев прорвался с мячом во вратарскую площадку и мне пришлось кинуться ему в ноги, я получил такой страшный удар ногой в голову, что минуты полторы пролежал без сознания.

В середине первого тайма судья назначил штрафной в наши ворота, указав на точку метрах в семнадцати от ворот, у угла штрафной площадки. Выстроилась «стенка». Я сделал, казалось, все, чтобы она полностью закрыла ближнюю от бьющего сторону ворот, сам же несколько сместился к другому углу. Еще раз внимательно вгляделся, нет ли где щели. Вроде бы все в порядке. Свисток, удар — все происходит почти одновременно, одно от другого разделяют считанные мгновения. Считанные, но все-таки разделяют. И достаточно было Иванову, стоявшему крайним в нашей «стенке», броситься навстречу удару, как чилийский нападающий Санчес успел заметить эту возникшую на неуловимый миг щель и тут же отправил в нее мяч. Я бросился на мяч, но его не достал — он влетел в верхний угол ворот. Слов нет, Санчес продемонстрировал высокое искусство, и я готов держать любое пари: никому не удалось бы пробить так же быстро и точно.

Между этим и следующим голевым моментом на поле, казалось, была только одна команда — советская. Чилийцы оборонялись беспорядочно, панически, как в лихорадке. Увы, немного извлекли мы из этого превосходства — всего один гол, но счет все же выровнялся, он стал 1 : 1. Мы полностью доминировали, и этот гол выглядел как предвестник крупной победы.

Новая опасность у моих ворот возникла после перерыва. Капитан чилийской команды полузащитник Роча подхватил мяч на своей половине поля и повел его вперед. Прошел середину поля, неторопливо приближается к воротам. Идет себе и идет, и никто ему не мешает. Остальные чилийцы прикрыты, мяч отдать некому, вот наши и не беспокоятся. Я сразу почуял недоброе и крикнул Анатолию Масленкину: «Толя, иди на него!» А Толя, хоть и не выпускает Рочу из поля зрения, но вместо того, чтобы атаковать, отступает и отступает. А когда чилиец беспрепятственно добрался почти до штрафной, он вдруг пробил без подготовки метров с двадцати пяти. Не ожидали этого удара ни я, ни другие. Другие-то ладно, а я обязан был ждать. Поздно спохватился, прыгнул за мячом, но достать его уже не смог, и мяч, летевший на метровой высоте, проскользнул в ворота рядом со штангой.

Мы снова наступали, снова трещали стойки чилийских ворот, снова казалось, будто наших игроков на поле вдвое больше, чем чилийцев, но еще одного мяча забить мы так и не сумели и выбыли из чемпионата.

Не стану описывать свое состояние. Наверное, и без этого его нетрудно себе представить. Ни тренер, ни игроки меня не упрекали. Наоборот, товарищи говорили, что мячи мне забили трудные, такие никто, пожалуй, не взял бы, вспоминали первые матчи, в которых довелось мне несколько раз выручить команду, ругали самих себя за то, что не сумели забить пяти-шести верных голов. Но мне от этого было не легче. Я не хотел слушать утешений. Пусть, думал я, забитые мячи и правда не из легких. Но разве я не обязан был отразить не просто трудные, но даже «мертвые» мячи? На то я вратарь сборной СССР. А вспоминать прошлые мои заслуги да чужие ошибки — это самое последнее дело...

Самолет на Москву улетал из Сантьяго, и нам благодаря этому удалось побывать на полуфинальном матче Бразилия — Чили. С тяжелым сердцем наблюдали мы за игрой. Чилийцы проиграли 2 : 5. Их соперники оказались искусней, и счет был довольно велик, хоть Пеле не участвовал в матче, да и Диди, Вава, Загало, Джалма Сантос уже не могли играть в полную силу. Глядя на поле, мы видели себя на месте чилийской команды и понимали, что сыграли бы лучше.

Было грустно, обидно, горько. И мне и всем. Всем одинаково. Я не выделял себя среди других. Я не знал еще, какую роль сыграет этот неудавшийся матч с чилийцами в моей личной судьбе. Я не знал, что в те минуты, когда мы, переживая поражение, молча сидели в раздевалке, принимали душ, переодевались, в Москву летело кружным путем, через Сантьяго, сообщение: «В проигрыше виноват Яшин, пропустивший два легких мяча и тем самым обрекший команду на поражение». Ее отстучал один из трех бывших в Арике корреспондентов наших газет, журналист, далекий от спорта, но единственный, кто имел возможность передавать свои репортажи в Москву. Телевидение тогда на столь далекие расстояния не работало. Очевидцы и кинокадры могли помочь восстановить истину лишь много позже. И по горячим следам матча приговор, вынесенный журналистом, выглядел бесспорным, окончательным и обжалованию не подлежащим.

Когда мы приземлились дома, я узнал, что Яшин проиграл чемпионат мира. Вот когда мне представился удобный случай в полной мере оценить силу печатного слова. На первом же московском матче, едва диктор назвал мое имя, трибуны взорвались оглушительным свистом. Обструкция повторилась, когда я вышел на поле. Злой рокот усилился после того, как мяч попал ко мне в руки, но и это не удовлетворило трибуны, мстившие виновнику поражения сборной. Они свистели неустанно, до конца игры. Я слышал крики: «С поля!», «На пенсию!» «Яшин, иди внуков нянчить!»

На следующем матче все повторилось. На третьем — то же, что на втором. Дома я находил обидные, издевательские письма, на стеклах машины — злобные, оскорбительные надписи. Несколько раз кто-то из самых агрессивных «доброжелателей» разбивал окна в моей квартире.

Каждый выход на поле стал для меня мукой. Да что выход на поле — каждый шаг по городу! Переносить все это было выше моих сил. Однажды, вскоре после возвращения из Чили, я сказал нашему тренеру, ныне покойному Александру Семеновичу Пономареву:

— Больше играть не буду, не могу.

А он, человек, сам все в футболе перевидавший и переживший, меня и не удерживал:

— Поступай как знаешь, тебе видней. Пока отдыхай, а там видно будет...

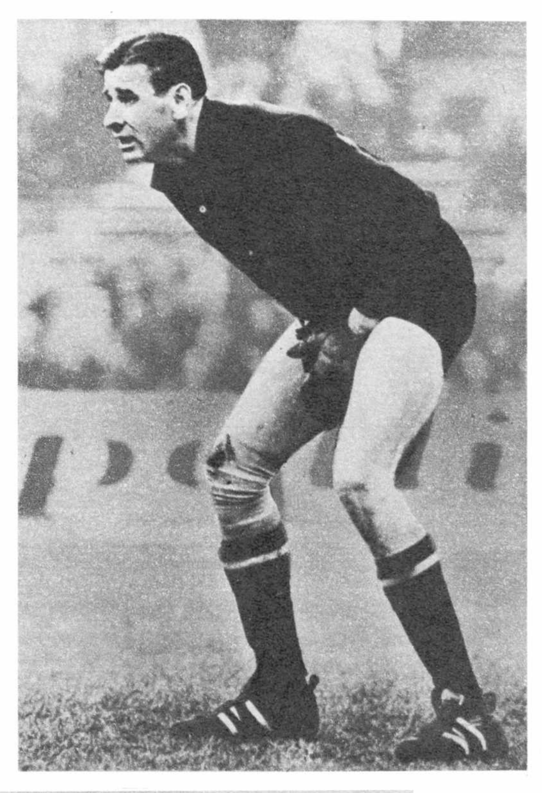
Я уложил в багажник ружье и рыболовную снасть и уехал в деревню. Рыбачил, ходил на охоту, по грибы, просто бродил по лесу. Раздумывал о том, как буду жить дальше, а в футбол, решил я твердо, возврата больше нет.

Но чем дальше отодвигало время меня от футбола, тем чаще я тосковал по мячу. И вот стали мне не милы ни лес, ни речка, ни вся с детства любимая подмосковная природа. Виделось мне во сне и наяву футбольное поле, и летающий над ним мяч, и я на своем месте чуть впереди ворот — в черном свитере, в старой моей кепочке, побывавшей на всех материках. И слышались мне гулкие удары бутс по мячу и судейские свистки. И ощущал я запах пахнущей городской пылью, помятой шипами травы... Видел, слышал, чувствовал и начинал сознавать: нет мне без этого жизни.

В один поистине прекрасный день, собрав пожитки, я примчался в Москву, на стадион «Динамо», к Пономареву:

— Хочу играть!

— Давай, раз хочешь. Приступай к тренировкам,— ответил он, не раздумывая.

Внимание, опасность!

Футболисты сборной ФИФА за завтраком: бразилец Джалма Сантос, француз Раймон Копа, Карл Шнелингер (ФРГ), Лев Яшин и Феррейро да Силва Эйсебио (Португалия).

И я приступил к тренировкам. Я обживал заново каждый сантиметр своей футбольной жилплощади. Постепенно привыкал к воротам. Вновь учился, не глядя на стойки и не касаясь их спиной и руками, ощущать их ширину и высоту. Вновь развивал в себе способность безошибочно находить свое место в прямоугольниках штрафной и вратарской площадей.

Словно вернулись дни моей футбольной юности. Опять увозил нас, дублеров динамовской команды, собиравшихся у ворот родного стадиона, старенький автобус на подмосковные стадиончики с деревянными трибунами и привозил поздними вечерами в Москву. Опять на следующий день приходили мы на переполненные динамовские трибуны поболеть за своих. Опять каждый терпеливо ждал своего часа, того самого часа, когда тренер, объявляя состав на очередной матч, назовет его имя — пусть хоть в числе запасных.

И опять я дождался своего часа. Сперва, правда, меня ставили лишь на нестоличные матчи. Памятуя о том, какой прием оказывал мне еще недавно московский зритель, так неохотно меняющий гнев на милость, но зато, уверовав в футболиста, готовый променять милость на гнев, тренеры справедливо решили, что столичные трибуны нужно подготовить к снятию опалы добрыми вестями о моей игре из других городов.

А вести шли добрые. «Динамо» выступало в сезоне 1963 года на редкость удачно. Мы стали чемпионами страны и были близки к победе в розыгрыше Кубка. И вот осенью, когда сезон шел к концу, одно за другим пришли два известия. Первое — я признан лучшим футболистом Европы, и редакция французского еженедельника «Франс футбол» вручит мне свой приз «Золотой мяч». Второе — я приглашен участвовать в «матче века», в матче сборная Англии — сборная мира, или, как ее нарекли, сборная ФИФА — в команде, собранной под флагом Международной федерации футбола из лучших игроков мира. Матч этот посвящался столетию английского футбола.

Снова, как год и два назад, мое имя, сопровождаемое лестными эпитетами, замелькало на страницах газет, а трибуны стали встречать меня аплодисментами. Такова уж жизнь, а особенно спортивная жизнь, подчас жестокая и несправедливая, но обладающая такой силой притяжения, что человек, отведавший ее радостей и печалей, не может расстаться с нею добровольно уже никогда. Даже если ему 34 года и приходится все начинать заново.

Надо ли говорить, как счастлив я был от обоих этих известий? «Золотой мяч»— высшая честь для футболиста. И это не только признание его самого, это нечто гораздо более важное и ценное, чем личная награда. Вспомните имена лауреатов «Золотого мяча» разных лет: ди Стефано, Эйсебио, Бест, Бобби Чарльтон, Альберт, Круифф, Беккенбауэр... Все они не просто большие футболисты, все они представители стран, которые

в эту пору шли во главе мирового футбола. И я сознавал: моя награда — признание футбольных заслуг нашей страны. И еще признание достижений нашей вратарской школы, потому что в истории «Золотого мяча» это был первый (и до сих пор пока единственный) случай, когда его вручили вратарю.

Другое известие — о включении в сборную ФИФА — тоже принесло мне большую радость. Приглашение исходило от назначенного старшим тренером команды Фернандо Риера. А ведь он был тренером сборной Чили на первенстве мира 1962 года и, значит, самым пристрастным и внимательным зрителем того матча с чилийцами, который принес мне столько горя. Наверное, не стал бы он включать в свою сборную вратаря, благо выбор имел практически безграничный, который проиграл матч в Арике и вообще виновен в поражении команды на чемпионате мира. Уже позже из газет я узнал, что именно моя игра с чилийцами в Арике и заставила Риеру остановиться на моей кандидатуре. Он, оказывается, сказал по поводу того матча: «Яшин играл безупречно, а два мяча, что он пропустил, не взял бы никакой другой вратарь».

Но тогда, собираясь на «матч века», я еще не знал, что думает Риера. Да и не так уж было это для меня важно. Я издавна придерживаюсь принципа: нет и не может быть у спортсмена более сурового судьи, чем он сам.

«МАТЧ ВЕКА»

Мы втроем — председатель нашей футбольной федерации и вице-президент ФИФА Валентин Александрович Гранаткин, тренер сборной Константин Иванович Бесков и я — ступили с трапа самолета на бетонное поле Лондонского аэропорта, а навстречу нам чинно двигались немолодые, хорошо одетые люди в темных пальто, вежливо улыбаясь. «Да это же кадр из какого-то фильма»,— подумал я.

И, как нарочно, чтобы придать этому кадру полнейшую достоверность, нас окружила стая репортеров, и, привлеченные всей этой суетой, заторопились в нашу сторону пассажиры, томящиеся от скуки в ожидании своих рейсов. Когда же толпа узнала, что происходящее связано с футболом, к нам немедленно потянулись руки с клочками бумаги — брать автографы. Все, что связано с футболом, вызывает у англичан живой интерес, и толпа стала собираться изрядная.

Бывал я в таких окружениях и раньше, но не в одиночестве, а совместно с товарищами по команде, да и в основном дома, где все хоть и незнакомые, да свои. А вот так, наедине с толпой глазеющих на тебя чужих людей, испытывающих к тебе не интерес даже, а голое любопытство, громко говорящих о тебе на незнакомом языке и показывающих на тебя пальцами,— так было впервые.

Нас отвезли в небольшую, очень уютную гостиницу напротив Гайдпарка, показали мне мою комнату и сказали, когда спускаться к обеду. В обеденном зале ко мне подошел тренер сборной ФИФА Фернандо Риера, представился, указал место за одним из столиков и назвал имена тех, с кем мне предстоит в Лондоне вместе обедать, завтракать и ужинать:

— Копа, Шнелингер, Эйсебио, Джалма Сантос...

Всех я видел не впервые, против кое-кого приходилось прежде играть, с Копа был даже хорошо знаком, однако попасть в компанию сразу четырех таких звезд — это могло смутить. Я бы, наверное, и смутился, да не успел. Меня сразу втянули в общий шутливый разговор — непринужденный, прерываемый смехом, перескакивающий с одного на другое. Языковой барьер был преодолен моментально. Копа и Шнелингер, которых футбольная судьба заносила в клубы разных стран, объяснялись на нескольких языках. К тому же Копа, в ком течет польская кровь, прилично говорил по-польски и сносно — по-русски. Они служили за нашим столом переводчиками. Но и без их перевода мы довольно легко понимали друг друга. Стоило кому-то обратиться к тебе, назвав какое-то имя, дату игры, как все остальное становилось ясно и так. Комичные, любопытные, анекдотические случаи, какими изобиловал каждый большой турнир, помнили все.

Разговоры, однако, вскоре смолкли. Мы принялись за работу. Нам дали по сотне открыток, и на каждой должны были стоять автографы участников «матча века». Пришлось нам долго трудиться не разгибая спины, прежде чем полный комплект сувениров был готов. И стоило мне на миг оторваться от дела, чтобы дать отдых затекшей руке, как Шнелингер начинал меня поторапливать:

— Яшин, арбайтен, арбайтен!

Перед обедом Риера предупредил меня:

— Меню и время еды вы можете выбирать себе сами. Ешьте тогда, когда привыкли, то, что привыкли, и в тех количествах, к каким привыкли.

«Интересно, каков режим питания великих футбольного мира сего?» — подумал я и стал следить за соседями по своему и соседним столикам.

Копа, Шнелингер, Пушкаш к обеду неизменно заказывали вино. Однажды Риера, видно, прочтя в моем взгляде удивление по этому поводу, сказал мне:

— Не удивляйтесь. Люди, долго прожившие, а тем более родившиеся и выросшие в таких странах, как Франция или Испания, привыкли к вину, оно им необходимо для аппетита. Да и пьют-то они, обратите внимание, несколько капель, а остальное — вода.— И точно, у нас наливают в газированную воду больше сиропа, чем они в свои стаканы вина.

А Риера закончил свое объяснение шуткой:

— Вам брать с них пример не советую. И им — тоже.— Он кивнул в сторону столика, где сидели Масопуст, Плускал и Поплухар из Чехословакии.— Такие дозы все равно не удовлетворят, а пить «пославянски» лучше после матча...

«Коли французы перед матчем обедают с вином,— подумал я.— то, может, шотландцы запивают еду своим знаменитым шотландским виски?» Нет, Лоу всем крепким напиткам предпочитал молоко, которым с аппетитом запивал все блюда. Кстати, его в больших количествах и при любой возможности пил молоко ди Стефано, аргентинец, большую часть жизни проживший в Испании.

При всем разнообразии вкусов и привычек моих товарищей по этой, созданной на два дня интернациональной команде в отношении к еде всех роднило одно — умеренность. Никаких гарниров, никаких мучных блюд, одна-две ложки супа. Мясо, зелень, соки — то, что хорошо и быстро усваивается, предпочитали все. Видно было: еда для них не развлечение и не чревоугодие, а часть спортивного режима, средство поддержания спортивной формы. И за временем принятия пищи они тоже следят строжайшим образом.

Как-то, во время, кажется, второго нашего совместного обеда, официант поставил на столы корзинки со свежим, аппетитно пахнущим хлебом. Копа взял кусок и сжал в кулаке. Минуту назад такой привлекательный хлеб превратился в серовато-белый комок, вроде снежка.

— Ох, и хитры англичане, нарочно нам свежий хлеб подсовывают, чтобы мы проиграли,— сказал, улыбаясь, Копа.

Этот слепленный Копа хлебный шарик я потом, спустя довольно много времени, увидал в Москве. Его привез Бесков. И перед какой-то игрой передал игрокам слова Копа и свое резюме:

— Вот видите, как должен относиться настоящий, уважающий себя футболист к своему питанию.

После первого в Лондоне обеда мы собрались в небольшом холле отеля, и Риера официально представил всех друг другу, попросив каждого, о ком говорил, приподняться со своего места, чтобы все могли его как следует разглядеть. Обряд этот был явно лишним — все знали друг друга и так. Думаю, Риера устроил его не столько для нас, сколько для набившихся в зал репортеров, которые обстреливали каждого поднимавшегося пулеметными очередями своих фотоаппаратов. В заключение тренер сообщил, что форму и тренировочные костюмы мы найдем у себя в комнатах, и попросил, захватив все необходимое, спуститься к автобусу, который отвезет команду на тренировку.

Все поездки по Лондону мы проделали в громадном, роскошном автобусе, который сверкал зеркальными стеклами во всю стену, сопровождаемые почетным эскортом: впереди с воем неслась длинная легковая машина, за ней мотоциклы с полицейскими в снежно-белых мундирах, за которыми следовал наш автобус, а замыкал кавалькаду еще один автомобиль. Сирены на машинах взвывали в тот миг, когда автобус трогался, и замолкали при остановках. Прохожие провожали изумленными взглядами эту необычную процессию.

Сами же участники процессии, всемирно известные звезды мирового футбола, вступив в раздевалку, уже ничем не отличались от сотен своих не известных вовсе коллег-футболистов — молодых, здоровых, не знающих, куда девать брызжущую энергию. Сразу начинались те же шутки, что и во всех футбольных раздевалках мира,— незлобливые, изобретенные нашими футбольными дедушками, не блещущие оригинальностью и тем не менее вызывающие громовые раскаты смеха. Кто-то тщетно старался распутать двойной узел на шнурке, кто-то носился по комнате, разыскивая исчезнувшую бутсу, кто-то обнаруживал гетры в душевой...

Тренировочное поле знаменитого стадиона «Уэмбли» было усеяно фоторепортерами, которые — это выяснилось тут же,— как и их пишущие собратья, приехали на этот матч из многих стран мира, даже из тех, чьи игроки не были приглашены в сборную ФИФА. Не менее двухсот газет, журналов и агентств, не считая английских, командировали своих корреспондентов в Лондон. У меня сохранились фотографии, подаренные мне тогда югославскими, болгарскими фотожурналистами. К сожалению, наших там не было, и многочисленные интервью, как и у всех остальных, брали у меня лишь иностранцы. В огромном пресс-корпусе, аккредитованном на лондонском матче, был единственный наш соотечественник — Николай Озеров, да и тот прибыл за несколько минут до начала игры.

Такое стечение людей, стремящихся зафиксировать каждое твое движение, несколько смутило меня. Сейчас мои ворота будут обстреливать самые меткие из футбольных снайперов. Не оконфузиться бы, не ударить лицом в грязь. А то скажут или напишут что-нибудь, вроде: «Зачем его пригласили? Неужели получше вратаря найти не могли?» — а потом доказывай, что ты тоже кое-что умеешь. Я уже испытал на себе, что значит опровергать мнение, созданное прессой.

Но все обошлось благополучно. Били форварды действительно хорошо, и это лишь дало мне возможность потренироваться как следует. Когда раз за разом готовишься поймать мяч, напрягаешь мышцы и нервы и все попусту — мяч летит мимо,— только растрачиваешь зря нервные клетки, и усталость от такой тренировки не сопровождается ощущением удовлетворенности. Так уходил я довольно часто с тренировок дома. А тут что ни удар, то в ворота. Сразу входишь в рабочий ритм, а поймав несколько мячей, за которыми пришлось попрыгать в углы, обретаешь уверенность и хорошее настроение.

После тренировки и отдыха нас в сопровождении все того же торжественного и многочисленного эскорта возили по Лондону, показывали те его места, названия которых знает весь мир по книгам: Тауэр, Сити, Вестминстерское аббатство, Букингемский дворец, мост Ватерлоо, Пиккадили...

На следующий день Риера снова собрал команду на обязательную перед каждым матчем установку. Я прослушал в своей жизни, наверное, тысячи две таких установок, но более короткой и приятной мне слышать не приходилось:

— Все вы большие мастера, и ваша главная задача — продемонстрировать это во время игры. Именно это от вас требуется, именно этого ждет публика. Но не рассчитывайте на легкую игру. Английская сборная сильна и в день юбилея своего футбола мечтает о победе. Церемониться со звездами она не станет.

Затем он назвал стартовый состав и предупредил о заменах.

— Замены неизбежны,— заключил он.— На матч приехало восемнадцать игроков, и выступить должны, естественно, все до единого.

Риера говорил по-испански, ди Стефано переводил с испанского на английский, Шнелингер — с английского на немецкий, Масопуст — с немецкого на русский. Специального переводчика имел лишь Эйсебио, переводившего ему, а заодно и Сантосу слова Риеры на португальский. Так общими силами мы помогли друг другу усвоить нашу игровую задачу.

Поток машин, едущих в сторону «Уэмбли», был так велик, что даже наша кавалькада, сопровождаемая воем сирен, пробиралась с трудом, временами застревая в автомобильных пробках. Когда-то я читал, что все места на «Уэмбли» не были проданы ни разу в истории стадиона. Уверен, что на «матче века» с этой традицией было покончено. Стадион, один из самых гигантских в мире, был переполнен.

После многочисленных торжественных процедур, после того, как спустившийся из королевской ложи герцог Эдинбургский, муж английской королевы, пожал руки игрокам обеих команд, началась игра.

Вратарю виднее, как лучше передвигаться игрокам обороны, чтобы перекрывать опасные пути к воротам. И я привык во время матча покрикивать своим защитникам: «Вова, назад!», «Коля, сместись влево!», «Петя, возьми своего!» «Как же,— думал я,— быть мне здесь, ведь мы все говорим на разных языках? В игре к услугам переводчика не прибегнешь». Со Шнелингером мы, правда, договорились заранее кое о чем. Я знал, что означает по-немецки «цурюк», а ему растолковал, что такое «вправо» и «влево», но с остальными-то не договоришься...

Оказалось, не о чем было и договариваться. Футбольным языком — одним для всех — эти удивительные мастера владеют в совершенстве. И понимают друг друга, не произнося при этом вслух ни единого слова.

Никогда — ни до, ни после то-

го матча — я, участвуя в игре, не испытывал подобного чувства полнейшей удовлетворенности и, если бы не боялся выглядеть излишне восторженным и сентиментальным, сказал бы, блаженства. Когда наша команда переходила в наступление, я превращался в зрителя, следил за полетом мяча и мысленно решал за своих партнеров их задачи. «Вот бы,— думал я,— сейчас левому краю выйти туда-то, а центральному дать ему мяч чуть вперед, на выход». И почти всегда и крайний и центральный словно читали мои мысли и, разумеется, мысли друг друга. Ну, а если, случалось, и не слушались моих безгласных советов, а поступали иначе, то я тут же убеждался: они нашли более интересное решение, чем то, какое предлагал мысленно я. До чего же бережно обращались с мячом и мои партнеры и мои соперники! Всякая комбинация, даже начавшаяся у собственных ворот, обязательно заканчивалась у ворот противника. И ни одного опрометчивого шага, ни одного ненужного хода, ни одной безадресной передачи. И полное взаимопонимание и взаимодоверие.

Был в матче такой эпизод. Ди Стефано прибежал на помощь защитникам к нашим воротам и оказался с мячом в штрафной площади в окружении английских игроков. Казалось, единственное спасение — выбить мяч куда-нибудь за пределы поля, иными словами, сделать то, что не в правилах такого мастера, как он. Положение на поле требовало всего моего внимания целиком. «Ну, братец, что же ты станешь делать теперь?» — с ехидцей подумал я. Нет, ди Стефано не изменил себе и на сей раз. Не глядя в мою сторону, он хладнокровно отбил мяч к воротам, прямо мне в руки.

А если бы меня не было в той точке? Вдруг я не ожидал бы паса? Вдруг я бы немного сместился вправо или влево? Тогда гол? Но нет, мой партнер не рисковал. Он оценил позицию и понял, что я обязан, если я верно понимаю футбол, стоять и ждать мяч именно в той точке, куда он, ди Стефано, его направил. Он пробил без колебаний и даже не обернулся поглядеть, в моих ли руках мяч. Пробил и пошел к центру, уверенный, что все в порядке.

Вбрасывая мяч в поле, я не отыскивал взглядом, кому бы его отдать,— два-три партнера уже занимали исходные позиции. И никому не требовалась ничья подсказка — каждый знал свое место. И мяч все передавали друг другу, так что принимать его было одно удовольствие,— ни тянуться за ним, ни менять ритм бега принимающему не приходилось, мяч сам удобно ложился ему на ногу.

Перекликались мы только со Шнелингером. Да и то не по необходимости, а просто так, чтобы подбодрить друг друга. Я кричал «Шнелингер, цурюк!»— а он оборачивал ко мне свою рыжеволосую голову, изображал строгую мину и бросал в ответ: «Яшин, арбайтен, арбайтен!» Приятно было играть с этим веселым парнем, который успевал обернуться и выкрикнуть свое «арбайтен» даже тогда, когда его теснили великолепные форварды английской сборной Гриффитс и Смит.

Как и условлено было заранее, после первого тайма я уступил пост в воротах моему сменщику и соседу по номеру в отеле — югославу Шошкичу. Честно признаться, уступил не без некоторой грусти: очень уж хотелось поиграть еще. Кажется, только вошел во вкус — и, пожалуйста, снимай перчатки. Но, ничего не попишешь, пришлось снимать, другому тоже ведь хочется...

В перерыве я наскоро переоделся и досматривал матч уже со скамейки запасных. А он до самого последнего момента был таким же красивым, элегантным, умным. И до последнего момента каждый ход каждого игрока был так же исполнен смысла и осуществлен виртуозно.

Забив во втором тайме два мяча, англичане победили — 2:1. И это было хорошо. Они обыграли составленную из лучших игроков мира команду в день своего национального праздника на глазах ста с лишним тысяч верных болельщиков и оттого считали праздник удавшимся на все сто процентов. Англичане придумали эту прекрасную игру, и они заслужили того, чтобы торжество по случаю юбилея их любимого детища не было омрачено.

Когда я, переодевшись, выходил из раздевалки, несколько английских репортеров уже поджидали меня у двери.

— Что вы испытывали в те два мгновения, когда вам удалось спасти ворота от верных голов?

— Да ничего особенного. Я и поставлен был в ворота для этого. Если б пропустил, вот тогда бы наверняка чувствовал себя плохо.

Приехав в гостиницу после игры, я увидел в нашем номере вконец расстроенного Шошкича. Он мучился воспоминаниями о пропущенных мячах.

— Вот ты «сухой», а я... Из-за меня проиграли...

— Напрасно ты терзаешься,— пытался я успокоить своего напарника.— Во-первых, мячи были трудные, их любой бы пропустил. А главное, праздник у англичан, и пусть они сегодня радуются...

Утешал, а сам думал: молодец Шошкич. Какой же это вратарь, если не терзает себя за пропущенный гол? Обязан терзать. Если спокоен — значит, конец: какое бы ни было у него прошлое, будущего у него уже нет. Уверен, что и нападающий, не забивший гол, тоже должен судить себя строго. Только, к сожалению, нападающие обычно куда снисходительней к себе, чем мы, вратари..

В отеле нас ждал торжественный банкет. Появление каждого из нас громогласно возвещалось мажордомом в костюме прошлого века. Впрочем, ни эта, ни прочие церемонии не мешали футболистам чувствовать себя вполне непринужденно. Я же имел случай убедиться, что мои партнеры по сборной мира, отличающиеся до матча спартанским режимом, после матча ведут себя куда свободнее.

Следующее утро было утром прощания и разъезда. Для многих из участников того лондонского матча он был последним в их долгой и славной карьере, во всяком случае, последним на международной арене. Большой футбольный мир в последний раз увидел на поле аргентинца ди Стефано, француза Копа, бразильца Сантоса, испанца Хенто.

Думал ли я, их сверстник, что близится и мой час? Не думал и не хотел думать. И сам этот матч и общение с превосходными спортсменами, перед чьим мастерством, кажется, склонило голову само время, помогли мне почувствовать себя молодым и полным сил. Уезжая из Англии, я верил: мне еще играть и играть. И я не ошибся. Прежде чем подарить свои перчатки моему молодому сменщику, я еще сыграл много матчей — и на первенствах мира, и на таких же вот, юбилейных, как этот, в том числе матч, который был посвящен прощанию с футболом вратаря Льва Яшина. Но это случилось лишь спустя восемь лет...

Литературная запись
Евг. РУБИНА.

Артисты А. Михеев и В. Ильин в спектакле «Третья ракета».

Фото М. Чернова

ХРАБРОСТЬ—ЭТО ТАЛАНТ

Есть разные люди. Один живет для других, второй — для себя, еще кто-то всю жизнь прячется за спины друзей или прозябает в бездеятельности и одиночестве. И не всегда можно распознать человека, даже если знаешь его очень долго. Но приходят порой трагические, напряженные моменты в жизнь человека, когда он раскрывается полностью, без остатка. Раз и навсегда.

Вот именно в такие дни — переломные, решающие вопросы жизни и смерти — мы и застаем действующих лиц спектакля «Третья ракета» (инсценировку одноименной повести Василя Быкова осуществил В. Комратов), поставленного на сцене Театра имени Вл. Маяковского заслуженным артистом РСФСР Е. Лазаревым.

У каждого героя спектакля — своя фронтовая судьба, многотрудная и непростая. Бывший студент Лукьянов, например, в свое время не смог преодолеть страх и попал в плен; солдат Кривенок — А. Михеев, изуродованный, перенесший тяжелое ранение, озлобился на белый свет и отталкивает любимую девушку Люсю, решив, что она просто жалеет его... А вот весельчак и остреслов Задорожный в исполнении В. Тихонова к тому моменту, как мы повстречались с ним, казался душой своего подразделения, храбрецом, смеющимся «смерти в лицо». Не сразу — на наших глазах — исчезнет его показная бесшабашность, уступив место животному страху, ужасу, быть может, такому же, какой заставил тогда и Лукьянова (А. Мартынов) сдаться без боя в плен. Но тот сумел осилить страх, стал настоящим солдатом, а Задорожный — нет. Уцелеть, «не погибнуть задаром» — единственная его мысль, толкающая в конце концов на предательство...

«Храбрость — это талант», — говорит один из героев постановки. Да, талант — в нужную минуту забыть о себе, почувствовать, что многие жизни зависят именно от тебя и тебе подобных. Сколько же их погибло на войне, таких талантливых людей...

Режиссер Евгений Лазарев (московские зрители хорошо знакомы с его актерскими работами в театре и кино) решает спектакль в динамичной и жесткой манере. Спектакль идет без перерыва — зритель не отвлекается, его внимание не рассеивается. Это еще более усиливает впечатление от увиденного и пережитого им в театре.

Н. АЛЕКСЕЕВА

●

ЛУНОХОД СРАБОТАН В КУРСКЕ

...«Спрашивайте. На любой вопрос ответит, даже о погоде»,— говорят мне ребята, и глаза их искрятся лукавством. Ведь это их работа, они его собрали и вдохнули в него жизнь. Вероятно, в каждом Дворце пионеров и школьников есть свой «сконструированный человек». И Курский городской дворец не исключение. Но интересен он прежде всего масштабами детского творчества.

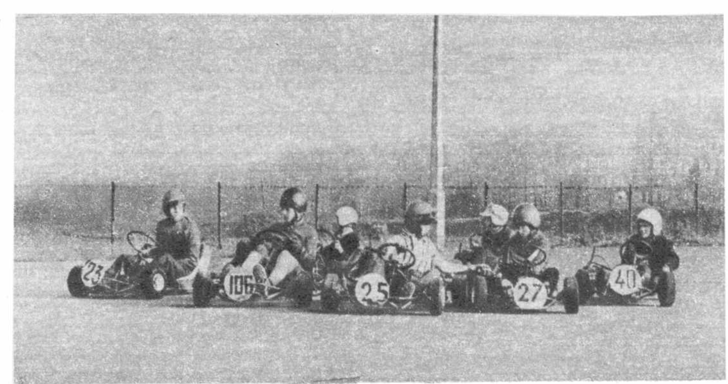
Взрослые с самых разных предприятий поставляют ребятам материалы, а их юные подопечные — техники, конструкторы, радиотелевизионщики (по названию лаборатории) — способны смонтировать для шефов самые разные установки. Например, телевизионную установку для клинической больницы станции Курск. Вот отзыв: «По нашей просьбе ребята из радиотелевизионной лаборатории дворца установили настоящий телевизионный комплекс для демонстрации хирургических операций студентам медицинского института. Аппаратура работает устойчиво и надежно».

Дворец имеет собственную телевизионную студию местного значения. Ее соорудили ребята. А действующий луноход очень понравился космонавтам, когда экспонировался на ВДНХ.

Следует добавить еще, что дворец построил за городом картингдром, где проводятся испытания микролитражных автомобилей, собранных в собственной экспериментальной лаборатории.

Лимарий СЕМЕНОВ

На картингдроме перед стартом. **Фото А. Канашевича**

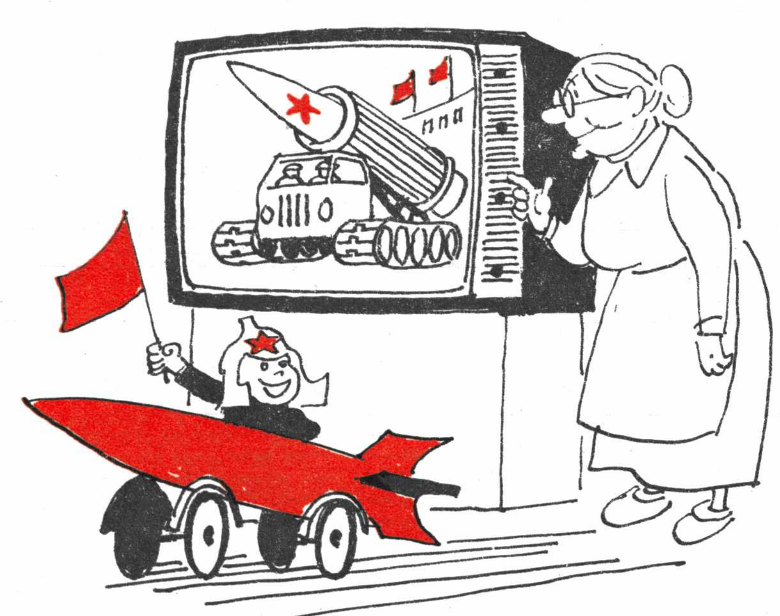

— Мы должны не отставать друг от друга...

Без слов...

Весь в отца.

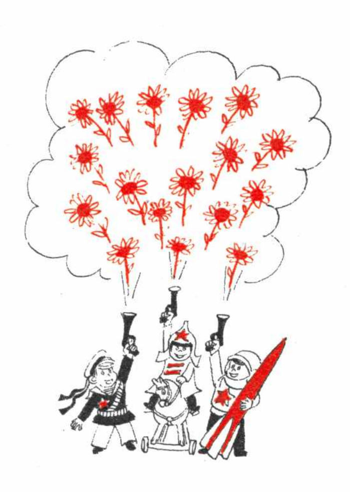

— С праздником тебя, Митрич!

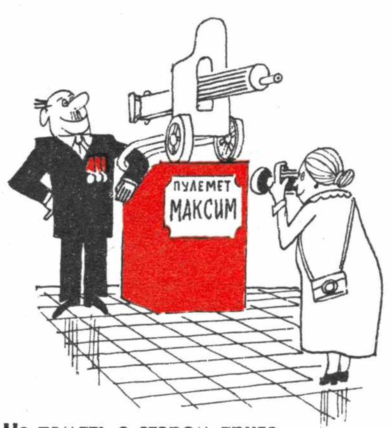
Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

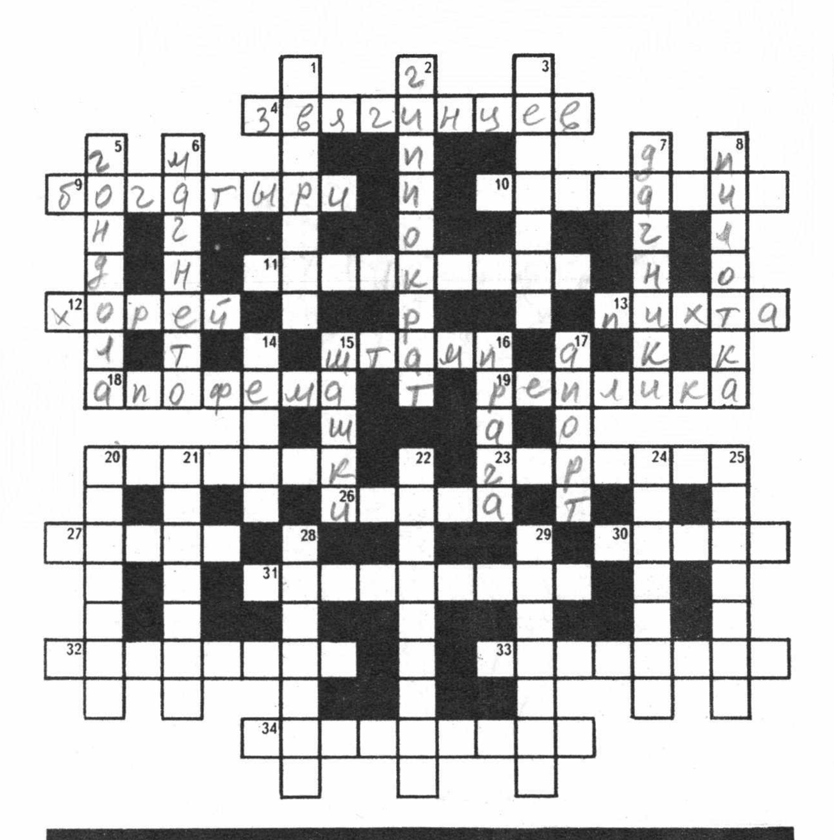
— Ты же сама сказала, чтобы я надел свой самый дорогой костюм...

Праздничный салют.

На память о старом друге.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Персонаж романа М. А. Шолохова «Они сражались за Родину». 9. Картина В. М. Васнецова. 10. Ископаемый уголь. 11. Певчая птица. 12. Стихотворный размер. 13. Хвойное дерево. 15. Металлическая форма для изготовления деталей давлением. 18. Высота боковой грани в правильной пирамиде. 19. Краткое замечание, возражение. 20. Басня И. А. Крылова. 23. Таджикский героический эпос. 26. Приток Невы. 27. Парнокопытное млекопитающее. 30. Минерал, применяемый в технике и медицине. 31. Взрыватель основного заряда в боеприпасах. 32. Певец, народный артист СССР. 33. Русский писатель. 34. Работник учреждения связи.

По вертикали: 1. Чешский композитор. 2. Древнегреческий врач и естествоиспытатель. 3. Ягода. 5. Венецианская лодка. 6. Генератор для зажигания рабочей смеси в двигателях внутреннего сгорания. 7. Пьеса М. Горького. 8. Форменный головной убор. 14. Немецкий поэт. 15. Настольная игра. 16. Столица европейского государства. 17. Сорт яблок. 20. Русский исследователь Арктики. 21. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». 22. Пушной зверек. 24. Музыкант оркестра. 25. Советский авиаконструктор. 28. Приспособление для усиления человеческого голоса. 29. Русская народная сказка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали: 5. «Коляска». 7. Декабрь. 8. Пробирка. 9. «Джоконда». 10. Фара. 12. Диона. 14. Тара. 18. Обрат. 19. Гулям. 20. Лилия. 21. Вальс. 22. Арат. 25. Шланг. 28. Овал. 30. Контраст. 31. Референт. 32. Бионика. 33. Водород.

По вертикали: 1. «Ворона». 2. Рябина. 3. Паркет. 4. Тренер. 6. Акаси. 7. Дадон. 11. Рубрика. 13. Околица. 15. Алябьев. 16. Сатин. 17. Дутар. 23. Ранжир. 24. Тарань. 26. Литва. 27. Нарев. 28. Оцелот. 29. Ацетон.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Фотокомпозиция.
Фото Л. Шерстенникова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ленинград. Крейсер «Аврора».
Фото Р. Кириллова (АПН)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 20/X — 75 г. А 00667. Подп. к печ. 4/XI — 75 г. Формат 70×108$^1/_8$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2511. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 1255.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ЖУРНАЛИСТА

Борис СТРЕЛЬНИКОВ

Фото Э. ПЕСОВА (АПН)

РУКО

В космическом центре в Хьюстоне во время полета «Союза-19» и «Аполлона» работала большая группа советских специалистов. В пресс-центре была «советская комната». Здесь всегда полно народу: журналисты, туристы, служащие Центра. Десятки вопросов к профессору С. Д. Гришину. После завершения полета самым частым был вопрос: когда Леонов и Кубасов приедут в США?

Предполагалось, что первыми поедут в гости наши космонавты. И вдруг неожиданное сообщение из Хьюстона: Дик Слейтон ложится на операцию, предполагают рак легких.

Поездку пришлось отложить.

К счастью, опухоль оказалась незлокачественной. Через четыре недели после операции Дональд Слейтон вместе с Томасом Стаффордом и Вэнсом Брандом были в Москве. Врач экипажа «Аполлона» Арнольд Никогсьян рассказывал мне:

— Мы не скрывали от Дика наших подозрений. У него такой характер, что ему нужно говорить только правду, какой бы горькой она ни была. Операцию он перенес, как мужчина. Через три недели я посадил его в истребитель. «Покатайся,— сказал я ему,— а я посмотрю, как ты себя будешь чувствовать». Вернулся он из полета как ни в чем не бывало. Ну, думаю, можно удовлетворить твою просьбу и разрешить поездку в Советский Союз.

В Сочи на пляже я увидел: у Слейтона след от операции от пояса до плеча. Еще накануне мы обратили внимание: Слейтон предпочитает ездить не в «Чайке», а в автобусе и не сидя, а стоя. По-видимому, так ему было легче.

Генерал-лейтенант В. Шаталов, сопровождавший советских и американских космонавтов в поездке по Советскому Союзу, дал своим подчиненным «строжайший секретный приказ»: всячески оберегать Слейтона во время встреч с населением. Куда там! Слейтон первый шел к толпе, к людям, которые ждали космических побратимов — советских и американских космонавтов, где бы они ни появлялись.

— У вас замечательные, добрые, сердечные люди. Мне хочется всем им пожать руки,— оправдывался Слейтон.— Такого сердечного тепла я не ощущал нигде и никогда. Ничего подобного я нигде и никогда не видел.

* * *

В Звездном городке космонавты и астронавты прежде всего направились к памятнику Юрию Гагарину и возложили у его подножия цветы. В зале Дома культуры состоялась встреча с жителями Звездного городка.

Т. Стаффорд, Д. Слейтон и В. Бранд говорили по-русски. Алексей Леонов переводил их слова на английский для других членов американской делегации.

— Сердечный привет нашим старым и новым друзьям в Звездном городке,— говорил Т. Стаффорд.— Мы здесь уже четвертый раз. Но на этот раз у нас не будет тренировок. Совместная работа в космосе выполнена успешно. Как говорят в России: «Кончил дело, гуляй смело». Мы рады, что хорошо поработали на благо всех народов земли, на благо мира и прогресса.

— Каждый из присутствующих в этом зале внес свой вклад и в успех нашего совместного полета,— сказал Д. Слейтон.— Большое спасибо вам за отличную работу. Без вас не было бы этого полета.

— Спасибо Гагарину,— сказал В. Бранд.

Потом я спросил их, где они были, когда Гагарин совершил свой космический полет.

— Гагарин, по сути дела, определил мою судьбу,— ответил Стаффорд.— В апреле 1961 года я был летчиком-испытателем. Однажды утром вернулся из полета на свой аэродром — мне рассказывают: русские послали в космос человека. В полдень увидел в газете портрет русского парня в летном шлеме. Подпись: «Майор Юрий Гагарин. Первый космонавт Земли». На меня все это произвело такое большое впечатление, что я решил: буду космонавтом.

— А я уже был зачислен в отряд астронавтов,— вспомнил Д. Слейтон.— Мы готовились к старту в космос, но еще не на космическую орбиту, а лишь к суборбитальному полету. И вдруг как гром с ясного неба: в Советском Союзе запущен космический корабль, на борту которого майор Гагарин совершил орбитальный полет вокруг земного шара. Мы были поражены.

ПОЖАТИЕ...

— Гагарин всех поманил нас в космос,— говорит В. Бранд.

Не случайно в космическом центре в Хьюстоне есть мемориальная доска. Ее текст гласит:

«В память о Юрии Гагарине, первом человеке в космосе. 12 апреля 1961 года.

От астронавтов Соединенных Штатов Америки:

Дж. Гленн—от астронавтов программы «Меркурий».

Дж. Макдивитт — от астронавтов программы «Джемини».

Нил Армстронг — от астронавтов программы «Аполлон».

* * *

У Мэри Бабб, американской журналистки, сопровождавшей космонавтов и астронавтов в поездке по СССР, самым распространенным словом было «почему?». «Почему молодожены приходят к Вечному огню?», «Почему тысячи людей ждут выхода космонавтов и астронавтов из гостиницы или из театра?»

В самом деле, почему? Вот, например, этот уже немолодой человек, стоящий в толпе у гостиницы «Ленинград». Орденская планка на пиджаке. Седые волосы. Опирается на массивную трость.

— Фамилия моя Сметанин,— неторопливо и с достоинством рассказывает он мне,— Василий Петрович. Бывший учитель. Сейчас на пенсии. Воевал, дошел до Варшавы. Сюда пришел, чтобы взглянуть на наших ребят — на Алешу, на Валерия—и на американских гостей. Любопытство ли? Конечно, и любопытство. Но не одно оно. Учтите, на сенатора Джексона, если он приедет к нам, смотреть не приду. А эти трое американцев мне по душе. Молодцы! Мы ведь умеем ценить мужество и смелость, если проявлены они для народа, для мира, для дружбы. Вот я и хочу махнуть им приветственно рукой, может быть, даже обменяться рукопожатием, если позволят обстоятельства и вон тот лейтенант милиции, который уже начинает нервничать при виде толпы, ожидающей космонавтов и астронавтов. Это ведь я от чистого сердца. И они, американцы, думаю, это понимают, сердцем чувствуют.

* * *

Так почему же молодожены приходят к Вечному огню?

Однажды я видел, как стали влажными глаза Слейтона. Это было на Мамаевом кургане в Волгограде.

Потом он рассказал:

— Я пошел на войну добровольцем. Попросился в авиацию. Когда фашисты подошли к Сталинграду, я еще не сделал ни одного боевого вылета. Все мы с волнением следили за ходом битвы на Волге. Чувствовали, что Сталинград может стать поворотным пунктом во всей второй мировой войне. Когда Красная Армия окружила армию Паулюса, ликованию нашему не было предела. Мы понимали, что это — начало конца фашизма.

Слейтон сделал 65 боевых вылетов в Европе и 7 — над Японией. Однажды в Италии из девятки бомбардировщиков, ушедших на задание, вернулся только один, тот, которым командовал Слейтон.

Мы разговаривали с ним в самолете, который летел из Волгограда в Новосибирск. Слейтон казался грустным.

— Надо, чтобы те, кто пережил войну, рассказывали о ней молодежи,— говорил он.— Слава богу, что Америка не пережила нашествия, бомбежек, гибели целых городов. Но мне хочется, чтобы как можно больше американцев поняли, что такое война. Ваш народ это понимает. Ваш народ заплатил за мир огромную цену — 20 миллионов жизней. Разве можно это забыть? Когда я стоял на Мамаевом кургане, я думал об этом. Я думал об этом у Вечного огня в Москве, в Ленинграде, в Киеве. Я думал, что вы зажгли эти огни не только в память тех, кто погиб, но и как символ того, что вы никогда не позволите войне снова шагнуть на вашу землю.

* * *

Машины шли к киевскому аэропорту. Вот уже ворота... Но что это? Трель милицейского свистка, категоричный взмах полосатого жезла! «Товарищ водитель, прошу к обочине!» Нарушение правил движения? Как это могло случиться? Недоумевающие космонавты и астронавты выходят из машин.

Прямо на них строевым шагом маршируют трое красавцев богатырей из ГАИ. Левая рука согнута в локте, на руке — белый шлем сотрудника ГАИ. За ними — начальник киевского ГАИ, полковник милиции. Лихо руку под козырек и к астронавтам:

— В следующий раз, уважаемые друзья, прошу в Киев на машинах. Сами видели, какие у нас хорошие дороги. Чтобы все было, как положено, разрешите каждому вручить водительские права. А на память — каску сотрудника ГАИ и милицейский свисток. Думается, что свисток особенно сгодится Вэнсу Бранду. Для поддержания порядка в доме: у него ведь четверо детей!

По самолету Стаффорд ходил в белой каске на голове, а из отсека, где летела семья Бранда, то и дело слышалась трель свистка.

Жена Бранда Джоан работает прорабом в строительной конторе. Вполне возможно, что жители Москвы, Ленинграда, Киева, Волгограда, Новосибирска, Сочи и Тбилиси, проходившие по улице в 5 часов утра, с удивлением наблюдали за высокой, худощавой женщиной в спортивном костюме, бегущей по

пустынному тротуару. Это была Джоан Бранд. Не так давно она перенесла болезнь ног, и врач велел ей бегать, чтобы давать мускулам больше нагрузки. Обычно к ней присоединяется 16-летний Патрик Бранд, один из первоклассных бегунов на дальние дистанции в штате Техас. В семье Брандов вообще спорт в почете. 22-летняя Сузанна играет в баскетбол, плавает, занимается фехтованием. 20-летняя Стефани — инструктор по плаванию. 12-летний Кевин играет в школьной футбольной команде.

— Что вам больше всего понравилось в Советском Союзе?— спросили мы Джоан.

— Мне все понравилось «больше всего»,— ответила Джоан.— Из того, что мы увидели, трудно выделить что-то одно. Если же я буду перечислять все, что мне понравилось, не хватит страниц в вашем блокноте. Мне навсегда запомнится Ленинградский цирк и Дворец пионеров в Киеве, Мемориал в Волгограде, встреча с Новосибирском и Сочи. И, конечно, Тбилиси, особенно посещение Дворца пионеров. О, какое это было наслаждение! Главный вывод таков: мы ощутили теплое, сердечное отношение вашего народа к нам как к представителям простых американцев. У всех нас одно ощущение: это была замечательная поездка! Мой младший сын Кевин сейчас пишет письмо в Соединенные Штаты своему учителю по географии, рассказывает ему о спортивном комплексе в Новосибирске и признается, что хотел бы остаться в Сибири на зиму.

— Мне хотелось бы, чтобы как можно больше американцев побывало в вашей замечательной стране,— сказала Стефани. — Я полна впечатлений и буду много рассказывать о Советском Союзе моим друзьям и моему жениху в Соединенных Штатах. Я буду рассказывать о вашем народе и его гостеприимстве, об истории вашей страны и нынешних днях. Все это необыкновенно интересно и поучительно.

* * *

Мэри Бабб, американская журналистка, в начале поездки говорила:

— Я специалист в космической области, но ничего не понимаю в политике. И не хочу понимать. Когда говорят о политике, мне становится скучно.

В поездке по СССР, куда она попала впервые, Мэри ни на шаг не отходила от астронавтов. То, что видели они, видела Мэри Бабб. Была с ними на Ленинградском оптико-механическом предприятии имени Ленина, в Киевском институте электросварки имени Е. О. Патона, на Волжской гидроэлектростанции имени XXII съезда КПСС, в новосибирском Академгородке, в Дагомысском чайном совхозе под Сочи, в Тбилисском сельскохозяйственном институте. Видела, как встречают советские люди американских астронавтов.

Я не знаю, что Мэри сообщала в свое агентство об этой поездке. Лишь раз она показала мне свою корреспонденцию. Там были такие строки: «Начинаешь понимать, что советско-американские отношения действительно могут быть добрососедскими и дружелюбными. Убеждаться в этом начинаешь с первого же дня поездки по СССР экипажей «Аполлона» и «Союза».

В конце поездки на борту «ИЛ-18», летевшего из Тбилиси в Москву, Мэри сидела рядом со мной и рассуждала:

— Наши страны должны ладить друг с другом, учиться жить в мире. Иначе нельзя. Просто нет другой альтернативы. Война? Нет уж, мы с вами не самоубийцы! Жить надо по-соседски. Планета наша маленькая, на другой край не переедешь, на Луну не переселишься. И надо научиться сотрудничать. «Союз» и «Аполлон» показали, что это возможно и полезно.

— Мэри,— говорю я ей,— вы что же это в политику-то ударились?

— Политика?—удивляется она.— Какая же это политика? Так простой народ думает. Спросите любого в Москве или в Хьюстоне.

* * *

Приближалось время расставания. Мы попросили главу американской делегации Джона Донielли, одного из ответственных сотрудников НАСА, подвести итоги двухнедельного визита американских астронавтов в СССР.

— Это замечательное путешествие мы никогда не забудем,—сказал Джон Донielли. — Нам довелось побывать в разных уголках вашей страны. Мы поражены огромными размерами советской территории. Одно дело — посмотреть на карту и путешествовать по ней мысленно, и другое дело — совершить это путешествие реально. За эти дни мы увидели прошлое вашей страны, познакомились с древней и недавней историей вашего государства, поняли, что пришлось испытать советским людям в годы войны. Мы видели ваши города, которые вы буквально возродили из пепла. Мы ощутили индустриальную мощь Советского Союза. Общее впечатление: прекрасная, удивительная страна! Но эти слова не вмещают всех чувств, которые мы испытываем, знакомясь с ней. Прекрасна природа на берегах Невы, Днепра, Волги и Оби, Черного моря и Куры, но особенно прекрасны ваши люди. Мы смогли убедиться в их радушии, смогли почувствовать их стремление к миру, их уважение и добрые чувства к американскому народу.

Нет сомнения в том, — подчеркнул Донielли,— что за последние годы наши народы стали ближе, стали больше понимать и доверять друг другу. А взаимопонимание и взаимное доверие — это фундамент нормальных добрососедских отношений. Ведь человек так устроен, что он боится того, чего не знает или чего не понимает. В этом смысле трудно переоценить историческое значение совместного космического полета кораблей «Союз» и «Аполлон». Этот полет стал символом разрядки напряженности, доверия и тенденции к расширению сотрудничества между СССР и США.

А генерал Стаффорд сказал:

— Позади осталась огромная территория. И где бы мы ни были, повсюду ощущали дружеское отношение к нам советских людей. Это была замечательная поездка! Ваш народ очень гостеприимный, сердечный, добрый. Таково мое главное впечатление. Я убежден, что наши встречи с советскими людьми будут полезны для укрепления связей между нашими народами.

«Космические автографы»— москвичам.

Командир «Аполлона» Томас Стаффорд у монумента героическим защитникам Ленинграда.

На чайных плантациях совхоза «Дагомыс».

В Киевском Дворце пионеров.

От имени матерей, чьи сыны погибли здесь, на берегу Волги.

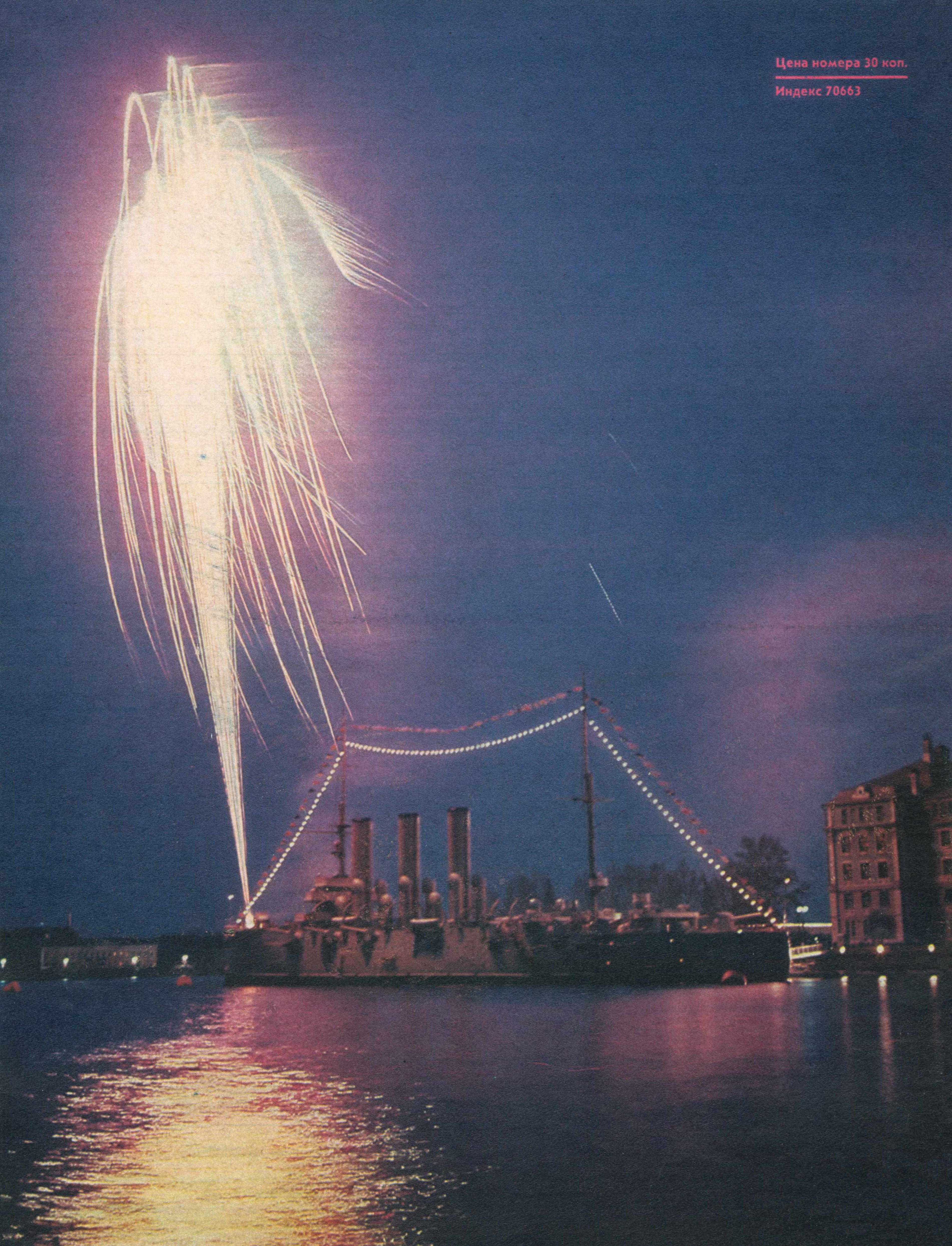

По Днепру на «Ракете».

Вот какие дары преподнесла великая сибирская река Обь.

Осмотр Петропавловской крепости.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663